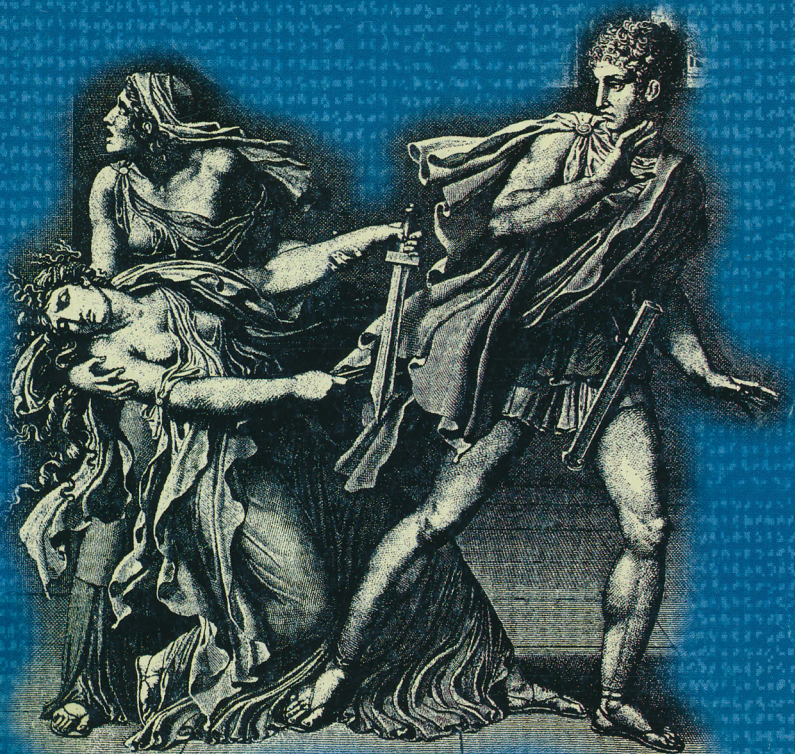

Серия «УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА»

Майкл Хендерсон

Прощение:

разрывая оковы
ненависти.

СЕРИЯ
«УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА»

АНЬЕТ КЕМПБЕЛЛ

**Послушайте детей.
Прислушайтесь, наконец**

ФИЛИПП ЛОБСТЕЙН

**Уроки раздумья.
Педагогика нравственного
развития**

ЭЛЕН ГИЗАН-ДЕМЕТРИАДЕС

Незримое присутствие

ПОЛ ГУНДЕРСЕН

**Этот неисправимый
индивидуалист.
История жизни одного финна**

МАЙКЛ ХЕНДЕРСОН

**Прощение: разрывая
оковы ненависти**

FORGIVENESS

Breaking the Chain of Hate

Michael Henderson

BookPartners, Inc.
Newberg, OR

МАЙКЛ ХЕНДЕРСОН

**Прощение:
разрывая оковы
ненависти**

"Книжный мир экумены" © 2012

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ
СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

МОСКВА

Майкл Хендерсон
Прощение: разрывая оковы ненависти

Перевод с английского: Олег Корнеев, Эвелина Янзина

Научный редактор: Ирина Языкова

Корректор: Юлия Яникова

Оформление: Антон Бизяев

Верстка: Татьяна Савина

Данный перевод английского издания книги *Forgiveness: Breaking the Chain of Hate* Майкла Хендерсона публикуется с согласия издательства BookPartners, Inc., Newberg, OR

The translation of *Forgiveness: Breaking the Chain of Hate* by Michael Henderson originally published in English is published in Russian by arrangement with BookPartners, Inc., Newberg, OR

Каким образом люди, попавшие в плен и использованные своими врагами на строительстве железной дороги в Бирме, бывшие узники ГУЛАГа и нацистских концентрационных лагерей находят в себе силы простить тех, кто причинил им так много зла? Что заставляет целые народы — австралийских аборигенов, афро-американцев, чернокожих жителей ЮАР — искать примирения с теми, кто веками эксплуатировал их? И как могут те, кто притеснял других, обратиться к благодати прощения? Удивительные герои Майкла Хендерсона, люди разных национальностей, исповедующие различные религии, находят в себе мужество разорвать порочный круг ненависти и сбросить с себя цепи, намертво приковывавшие их к страшным событиям прошлого.

Для перепечатки материалов необходимо
письменное разрешение издателя.

I S B N 5 - 8 9 6 4 7 - 0 6 9 - X

© Michael Henderson, 2002. Second edition.

© Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В знак благодарности</i>	7
От автора	9
Предисловие	19
Глава 1. Принимая дар	27
Глава 2. Исцеление истории: новая технология для XXI века?	40
Глава 3. Общенациональный день прощения: австралийцы заново осмысливают свою историю	57
Глава 4. За радугой: взгляд с мыса Доброй Надежды	78
Глава 5. После Страстной пятницы	101
Глава 6. Откровенный разговор: проблема сосуществования рас в Америке	117
Глава 7. Когда оружие молчит: враги становятся друзьями	143
Глава 8. Еще один мост через реку Квай: англо-японское примирение	167
Глава 9. От Грини до ГУЛАГА: прощение рождает свободу	182
Глава 10. Мир приносит свои плоды: глашатаи нового мышления	204
Глава 11. Разрывая порочный круг ненависти	224
Библиография	250
Алфавитный указатель	253
Об авторе	260

В ЗНАК БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотел бы выразить свою благодарность всем, кто помог мне в создании этой книги. (Если я кого-то забуду упомянуть, то заранее прошу прощения у этого человека.)

Я благодарен Джиму Байнард-Смиту, д-ру К. Е. Бизли, Филлису Бококу, Брайану и Джулиет Буббер, Дэйлу Боулину, Виржинии Бринтон, Мике и Джин Браун, Энн Карр, Джо Картеру, Корнелии Коннелли, Стелле Корнелиус, Джеффри Крэйгу, Энтони Дуйгану, Джулии Дуайн, Виллу Эллиотту, судье Джеку Этериджу, Крису Ивансу, Нико и Лоель Феррейра, Мэйре Фитцпатрик, Раджмохану Ганди, раввину Марку Гопину, Салли Холл, д-ру Брайану Хамлину, Питеру и Фионе Ханнон, советнику Майку Ханнону, Крис и Энн Хартнелл, Питеру Хеги, Питеру Хорну, Эдварду Ховарду, Вилларду Хантеру, Крису Майору, Джозефу Монтвиллю, Хью Науэлу, Эдварду Петерсу, Сэму Поно, Генри Рэйнольдсу, Патрику и Барбаре Роде, Биллу Сталлибрассу, Джоржу Вондермуллу-мл., Лоусону и Мэри Вуд.

Я также благодарю многочисленные издательства, издания и авторов отдельных произведений за то, что они позволили мне воспроизвести в своей книге фрагменты текстов, права на которые им принадлежат. Выходные данные текстов приводятся в разделе «Библиография».

Я благодарю Терри Андерсона за стихотворение *Out of Prison*; Ave Maria Press за цитаты отца Дженко из книги *Bound to Forgive*; Evening Telegraph (г. Ковентри) за письмо Леса Деннисона; Стефанию Доврик за отрывок из книги *Forgiveness — and Other Acts of Love*; преп. Николаса Фрейлинга за материалы из его книги *Pardon and Peace*; W. W. Norton Publishers за отрывки из книги Эри-

ка Ломакса *The Railway Man*; раввина Марка Гопина за отрывки из его доклада, представленного в *American University*; Льюиса Смедеса за шесть положений из его книги *The Art of Forgiving*; Майкла Смита за его работу в *For a Change*; Майкла Твайтса за стихотворение *For Yarmuk, Elder of the Ulupna Tribe* из книги *The Honey Man*; Вильгельма Фервурда за материалы из книги *My Winds of Change*; Анитру Расмуссен за текст ее выступления в законодательном собрании штата Орегон; Филиппа Янси за отрывок из его книги *What's So Amazing About Grace?*.

Само собой разумеется, что никто из тех, кто помог мне в написании этой книги, не несет ответственность за конечный результат моей работы. Тем не менее, я хотел бы выразить особую признательность тем людям, кто внес свой большой вклад в создание отдельных глав книги. Это Джон Бонд (глава 3); Вильгельм Фервурд (глава 4); преп. Николас Фрейлинг и Джеральд Хендерсон (глава 5); преп. Пейдж Чаргос и Роб Коркоран (глава 6); Ольгерд и Анеля Штепан, Тианетон и Вингксай Чантарази, Дэвид Хауэлл, Крис Кибл, Маммо Вудне, Джек Истес и Коллин О'Каллаган (глава 7); Ричард Чэннер, Лес Деннисон и Джон Нуннели (глава 8); д-р Юсуф аль-Азхари (al-Azhari) и Лиф Ховельсен (глава 9); Денисе Вуд, Суреш и Лена Кхатри, Рату Мели Весикула и сэр Конрад Хант (глава 10); преп. Стивен Кингснорт, Питер Биль, Филипп Лассерре, Лу Реймен, Даля и Йехецкель Ландау (глава 11).

Я благодарен моим издателям Торну и Урсуле Бэйкон за проявленное ими понимание актуальности темы моей книги, за их уверенность в том, что собранные мною материалы помогут нам всем достойно вступить в новое тысячелетие. Мне также хотелось бы сказать спасибо моему редактору Джейн Макгэри. Благодаря ее помощи я, англичанин, надеюсь найти понимание у американских читателей.

Майкл Хенгерсон

О Т А В Т О Р А

Каждый раз, наблюдая по телевизору за тем, как самолеты врезаются в здания Всемирного торгового центра, мы испытываем страх. Запечатленное на пленке буквально завораживает нас. Оно приковывает наш взгляд и в то же самое время рождает в нас желание отвести глаза от телеэкранов. Выражение «применить средства поражения избыточной мощности» обретает новый смысл. В результате страх начинает вытеснять надежду из наших сердец.

По мнению журналистов, после 11 сентября 2001 года все в мире изменилось. В сфере культуры эти изменения затронули, в первую очередь, сценарии фильмов с элементами насилия, которые, ныне невостребованные, пылятся на полках киностудий. Спецэффекты утратили былую притягательность. «Чтобы "сбить спесь" с увлеченных новейшими техническими достижениями создателей надуманных трагедий, должно было случиться реальное несчастье». Детям стали вручать в подарок куклы, изображающие пожарных. «Изменилось наше восприятие печатного слова». Сентябрьские события оказали влияние и на сферу сатиры и юмора. «Одним из последствий трагедии в Нью-Йорке стало то, что многие интернет-страницы, авторы которых обычно изощрялись в остроумии на темы происходящих в мире катастроф, в данном случае воздержались от комментариев. А некоторые сайты и вовсе были закрыты». В политических кругах наметилась тенденция к созданию новых отношений между партиями, в основе которых будет лежать принцип активного взаимодействия. Появились новые концепции обороны. Но лишь одна вещь осталась неизменной — это прощение. Оно помогает нам избавиться от ненависти, признать совершенные некогда

ошибки, дает силы жить дальше. Оно способствует консолидации, как отдельного общества, так и мира в целом. Прощение позволяет нам с надеждой смотреть в будущее, и эта мысль обратила на себя особое внимание архиепископа Тугу, который так и назвал свою книгу «Без прощения нет будущего».

Многие говорят, что после атак террористов они стали иначе относиться к своей прежней жизни. События 11 сентября заставили их пересмотреть свои жизненные приоритеты и даже изменить вероисповедание. Некоторые из них перестали уделять столь большое внимание своим профессиональным достижениям и продвижению по службе. Как и у многих моих сограждан, мой почтовый ящик в Интернете в те дни оказался переполнен разного рода сообщениями. Одно из них пришло от лидера мирового буддизма Далай-Ламы XIV:

«Эти трагические события заставили каждого мыслящего человека вне зависимости от сферы его деятельности оставить в стороне повседневные заботы и серьезно задуматься над главными вопросами своей жизни. Мы снова обращаемся к поиску смысла нашего существования. Более того, мы хотим понять назначение опыта, приобретенного как отдельными индивидуумами, так и всем человечеством в целом. Мы должны найти пути преобразования себя как вида, для того чтобы не допустить возможности повторения подобных событий в будущем».

Наиболее сильное впечатление произвело на меня письмо Эда Эспириту (Espiritu), выходца с Филиппин, который не так давно переехал на постоянное местожительство в США. «Во времена моего увлечения политическим радикализмом, — пишет Эспириту, — когда я активно выступал против так называемого американского высокомерия, я тайно желал увидеть Америку со всей ее военно-промышленной мощью униженной и поставленной на колени. В те дни я и представить себе не мог, что это произойдет и произойдет именно тогда, когда я получу вид на жительство в этой стране. Весть о нью-йоркской трагедии совсем не обрадовала меня. Я не испытывал чувства удовлетворения от того, что исполнилось мое

давнее желание. Я был потрясен, ощущал уныние и стыд. Да, мне было стыдно от сознания того, что я некогда желал зла стране, так гостеприимно распахнувшей двери передо мной и моими близкими. Хочу принести свои извинения».

Созвучные нотки можно уловить и в словах другого моего американского друга Ван Дузена Висхарда (Wishard):

«Трудно представить себе нечто более ужасное, но именно сентябрьские события в Нью-Йорке подводят нас к осознанию нашей общей принадлежности к роду человеческому. Сейчас, как никогда прежде, расовые, возрастные, половые, социальные и другие раздирающие Америку противоречия отходят на второй план. Как же сохранить существующее на сей момент положение, после того как пройдет охватившее всю страну состояние шока и растерянности? Вот что станет настоящим испытанием для Америки в будущем».

Отец Элиас Чакур (Chacour), который назвался принявшим христианство палестинским арабом, являющимся в настоящее время гражданином Израиля, писал следующее:

«Я отказываюсь признать нашу неспособность сделать что-либо в сложившейся ситуации. Теперь я больше, чем когда-либо, убежден в том, что мы можем изменить как самих себя, так и окружающий нас мир и даже общество в целом... Только объединив усилия, мы можем сделать жизнь лучше на нашей маленькой планете, а поможет нам в этом Господь, могущество которого неизмеримо. Он — сама справедливость, жизнь и миролюбие. Он не убивает».

Эта книга посвящена людям, которые, хотя и прошли разный жизненный путь и принадлежат к различным вероисповеданиям, тем не менее, едины в своих целях и устремлениях. Я с глубоким удовлетворением воспринял тот факт, что в настоящее время ведущие политические деятели США и Великобритании обратились к мусульманским общинам с призывом осудить терроризм, и это обращение нашло отклик в мусульманской среде. Лондонский епископ Ричард Чартрс (Chartres) во время выступления перед членами Палаты лордов сказал, что лю-

бые необоснованные нападки на исламский мир, целью которых является разжигание розни между мусульманами и их ближайшими соседями, еще более усугубляют сложившуюся ситуацию. В статье, опубликованной в лондонской *Times*, он писал следующее: «Христиане не смогут внести надлежащий вклад в эту борьбу до тех пор, пока не укрепятся в своей вере и убеждениях. Им также необходимо заручиться поддержкой других религиозных общин, для того, чтобы всем сообща встать на защиту ценностей и законов, обеспечивающих возможность цивилизованного сосуществования». Тогда же мусульманские лидеры заявили, что терроризм является следствием искаженного толкования ислама. Доктор Заки Бадави (Badawi), директор Мусульманского колледжа в Лондоне и бывший главный имам Лондонской мечети, пишет: «Жестокость, проявленная исполнителями терактов 11 сентября, идет вразрез с законами и этическими нормами ислама».

По мнению Джозефа Монтвиля, деятельность которого подробно рассматривается во второй главе книги, то, что ранее воспринималось как проявление сентиментальности по отношению к слабым, обездоленным и калекам и традиционно включалось в сферу ведения христианских церквей, мечетей и синагог, после событий 11 сентября стало относиться к области реальной политики, знаменуя собой новый этап ее развития. «Забота сильных мира сего о своих не столь удачливых согражданах, возможно, не основывается на чувствах приязни и симпатии, однако улучшение условий жизни социально неблагополучных слоев населения, выходы из которых, как правило, и пополняют ряды террористов, необходимо в интересах национальной безопасности».

В годы моей жизни в Орегоне стену моей комнаты украшал большой плакат с изображением главного персонажа мультфильма — Снупи. Держа в руках теннисную ракетку, он обращался ко мне с мудрыми словами: «Победа — это еще не все».

Затем следовало еще более мудрое добавление: «До тех пор, пока ты не потерпел поражение».

Точно так же обстоит дело и с главной обсуждающейся в этой книге проблемой.

«Каждый скажет, что прощение — вещь замечательная», — пишет К. С. Льюис (Lewis). «Пока не дойдет до того, чтобы на самом деле простить кого-либо», — добавляет он.

Мы часто замечаем, как люди пренебрежительно отзываются друг о друге даже в самых безобидных ситуациях, не затрагивающих их лично. Похоже, они не видят смысла в мирном сосуществовании друг с другом. Наша критика в данном случае основывается на предположении, что мы лучше, мудрее и снисходительнее их. Подобное самодовольство исчезает сразу же, как только что-либо встает на пути осуществления нашей собственной воли, мешает претворению в жизнь наших амбиций или бросает тень на близких нам людей.

Так что, прежде всего, нужно знать, что прощение — чрезвычайно трудное дело.

Люди, нашедшие в себе силы простить, заслуживают нашего глубокого уважения. Те же, кто еще не готов вступить на этот путь, должны встретить с нашей стороны понимание. Работая над этой книгой, я надеялся, что приведенные в ней примеры подвигнут к прощению людей, пребывающих в нерешительности, а для всех остальных они станут приятным отдохновением от газетных заголовков, пестреющих сообщениями о новых актах мести и насилия, нагнетающих страх перед терроризмом и репрессиями. Иногда я пытался установить связь между решениями отдельных индивидуумов и тем воздействием, которое они оказывают на жизнь целых народов. Однако я отношу всю социально-политическую и дипломатическую подоплеку описанных событий в сферу ведения более квалифицированных в этих вопросах специалистов.

Читатель не найдет в этой книге ни слишком глубокой практической осведомленности, ни научного подхода к решению проблемы прощения. Эта книга является скорее способом выразить мою благодарность судьбе за то, что на протяжении почти пятидесяти лет я имел сча-

стливую возможность общаться и работать вместе с сотнями людей, ратующих за примирение и улучшение существующего миропорядка. Эти люди жили в разных уголках мира, были последователями различных конфессий, но их объединяло сознание того, что если ты хочешь сделать лучше жизнь на земле, то должен начать все с самого себя. Перефразируя слова президента Соединенных Штатов Америки Гарри Трумэна, они говорили: «Вот где причина несчастий».

Этим моим друзьям я посвятил одну из своих книг. Когда после завершения работы над ней стало ясно, что тема прощение является общим моментом в биографиях многих из них, я решил назвать свою книгу *Forgiveness Factor* («Фактор прощения»). Затем, когда в целях содействия распространению моей книги мне предложили выступить с серией лекций по затронутой в ней проблематике, я, к своему великому смущению, узнал, что был представлен как специалист в данной области.

Эти выступления помогли мне лучше понять феномен прощения, особенно если оно имеет место в самых неблагоприятных для себя условиях, как, например, в случае с коренным населением Австралии. Я преклоняюсь перед мужеством и великодушием людей, нашедших в себе силы простить в обстоятельствах, которые многим из нас показались бы невероятными, и я надеюсь, что, оказавшись в подобной ситуации, я поступил бы точно так же. Самое искреннее мое восхищение вызывают многие появившиеся в последнее время исследования, посвященные теме прощения. Некоторые из них приведены в библиографическом списке в конце книги.

Автором одного из таких исследований под названием *An Ethic for Enemies* является доктор Дональд Шрайвер (Shriver). По его мнению, разгар военных действий — не лучшее время для того, чтобы призывать к прощению, и уж тем более для того, чтобы прощать. Через два дня после сентябрьской трагедии он должен был выступать с речью. Во время своего выступления он предусмотрительно заметил: «Еще не наступило время говорить о прощении. Пока что мы не ощутили до конца всю тяжесть

зла, разрушительным образом сказывающегося на жизни испытавших его воздействие людей».

Эта книга, наравне с прощением, затрагивает также темы покаяния и примирения. Прощение и покаяние не являются залогом примирения. Но оба они представляют собой его неотъемлемые части. Доктор Шрайвер называет прощение оборотной стороной покаяния: «Оба они помогают восстановить справедливость и по возможности загладить вину. Оба они предвосхищают примирение». Он убежден, что прощение открывает новые перспективы, однако без установления свободных от прежних обид отношений становится подобным «руке, протянутой в никуда». В целом, я с пониманием отношусь к попыткам определить понятие «прощение» и очертить сферу его применения. Тем не менее, занимаясь изучением этого вопроса, я столкнулся с рядом случаев, идущих вразрез с подобным «теоретическим» подходом к проблеме. Так, одни мои знакомые прощали, не дожидаясь раскаяния своих обидчиков. Другие, несмотря ни на что, пытались распространить свое прощение на целые народы. Представленные в этой книге примеры показывают, что, хотя в большинстве случаев именно раскаяние побуждает к прощению, тем не менее, иногда может иметь место и обратный процесс.

Возможно, читатели этой книги не во всем согласятся со мной. Кому-то идеи прощения и покаяния покажутся далекими от его повседневной жизни. Одни увидят связь между поколениями, признают право преемственности и почувствуют себя в привилегированном положении. Другие сочтут это излишним. Моя книга не повествует о политической корректности. Я не пытался давать в ней советы и рекомендации. Она не претендует на научный подход к решению поставленных в ней вопросов. Она затрагивает область совести или, если угодно, обращена к духовному началу в человеке.

Я хочу выразить глубокую признательность всем авторам пришедших ко мне писем, которые поделились своим пониманием проблемы прощения. Одно из самых трогательных посланий пришло от матери английского сол-

дата, погибшего в Северной Ирландии. Тогда она была еще не готова стать одной из героинь книги о прощении, но выказанные ею понимание и сострадание, свидетельствующие о широте ее взглядов, позволяют говорить о серьезном продвижении в данном направлении. И этот путь в большей или меньшей степени в определенные моменты жизни открыт для всех нас. В письме женщина рассказывает о своем последнем прощании с сыном. Тогда она, склонившись над его гробом, тихо сказала ему: «Я хочу попросить у тебя прощения за то, что ни твои деда, ни твои отцы не смогли разрешить этот конфликт, который унес твою жизнь и продолжает уносить жизни многих твоих сверстников».

«Как можно простить людей, которые, лишив жизни близкого тебе человека, не видят в этом ничего дурного? — спрашивает женщина, — Легко произносить слова молитвы Господней, но гораздо труднее следовать им в жизни. Меня всегда интересовало, как люди, ежедневно повторяющие эти слова о прощении, поведут себя в реальных жизненных ситуациях, когда им придется столкнуться с чем-то действительно серьезным?»

Другое письмо пришло от Харви Томаса (Thomas). Он находился всего лишь в пяти метрах от того места, где взорвалась заложенная боевиками ИРА бомба. Это произошло в 1984 году в «Гранд-Отеле» в Брайтоне. Целью террористов было убийство тогдашнего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер и других руководителей консервативной партии. Томас тогда являлся одним из организаторов съезда этой партии. В свое письмо он вложил копию написанной им книги *In the Face of Fear*, в которой он рассказывает о своем чудесном спасении. В данном им после освобождения из-под обломков интервью он сказал, что только молитва и вера в Господа помогли ему не спасовать перед лицом приближающейся смерти. В своем письме Томас сообщил мне о желании встретиться с одним из исполнителей теракта, находившимся в то время в тюремном заключении. Но тогда еще не наступило время для этого. И вот 8 августа 2001 года в лондонской *Times* была напечатана статья под заголов-

ком «Жертва взрыва в Брайтоне встречается со своим несостоявшимся убийцей».

Харви Томас послал письмо Патрику Маги (Magee), который тогда отбывал срок тюремного заключения, и получил на него ответ. После того как Маги выпустили на свободу, они встретились. В статье были приведены следующие слова Томаса: «Хотя я и не одобряю поступка Маги, но все же простил его, и на это прощение ушло двенадцать лет моей жизни». «Маги был уже достаточно наказан, — продолжает Томас, — он не будет более попусту растрачивать свои жизненные силы. Он вступил на путь примирения, и это как раз то, что так необходимо всем нам».

Со времени первого издания моей книги, состоявшегося в конце 1999 года, в мире усилилась тенденция к более честной оценке событий прошлого. Возможно, это связано с началом нового тысячелетия. 24 марта 2000 года на первой полосе *Christian Science Monitor* была опубликована статья под заголовком *An age of apologies*, авторы которой высказывают предположение, что курс на исправление ошибок прошлого может стать важным принципом международной политики XXI века.

Вот несколько примеров, подтверждающих правильность этой точки зрения. В 2000 году в Дрездене (Германия) в ознаменование годовщины разрушения города в годы Второй мировой войны состоялась церемония, целью которой были мир и примирение. В те далекие годы в результате бомбардировок, предпринятых авиацией союзников, погибло почти 35 тысяч человек, большинство которых составляли мирные граждане. Граф Кентский подарил тогда городу точную копию сферы и креста, которые некогда украшали кафедральный собор XVII века, разрушенный в годы Второй мировой войны. А президент Германии Йоханнес Рау (Rau) принес публичные извинения в Кнессете за массовые убийства евреев во времена фашистской диктатуры. Это было первое выступление немца в израильском парламенте. Йоханнес Рау сказал: «От своего имени и от имени людей моего поколения, будущее которого я хотел бы видеть неразрывно связанным

с будущим сынов и дочерей Израиля, я прошу прощения за те злодеяния, которые были в прошлом совершены немцами». В 2001 году польский президент Александр Квасьневский как гражданин и президент принес извинения за происшедшее в годы войны убийство 1600 евреев: «Мы должны просить у погибших и у членов их семей прощения за это страшное преступление». Японский премьер-министр Хунихиро Коизуми (Koizumi) во время посещения Пекина выразил самое искреннее сожаление по поводу бесчинств, творимых японской армией на территории Китая в период Второй мировой войны.

В последнее время зло особенно яростно наступает на мир. Но и силы добра продолжают свою борьбу, подчас оставляемую без внимания средствами массовой информации. В связи с этим перед нами встает задача рассказать о происходящих в мире положительных изменениях. Ее успешное осуществление вселит надежду в сердца тех людей, которые страдают от сомнений и неуверенности в завтрашнем дне. Сами по себе прощение и покаяние не способны решить все стоящие перед человеческим сообществом проблемы, принести мир на нашу истерзанную войнами планету. Но они могут стать важным подспорьем в работе дипломатов, оказать благотворное влияние на мировое экономическое развитие. Без прощения и покаяния невозможно всерьез рассчитывать на то, что достигнутые соглашения будут исполняться. Приведенные в этой книге примеры показывают, что прошлое не обладает абсолютной властью над человеком, его гнет можно преодолеть. Прощение не признает границ между народами и государствами. Лишь оно одно способно разорвать порочный круг ненависти и жажды мести, передающихся от поколения к поколению.

*Майкл Хенгерсон,
Вестворг Хо! (Westward Ho!)
Северный Девон,
ноябрь 2001 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ

События, происходящие в мире, заставляют нас по-новому воспринимать многие хорошо знакомые нам слова. После 11 сентября 2001 года понятие «отмщение», или «месть», похоже, утратило свою непривлекательность, а такие слова, как «примирение» и «исцеление», наоборот, вышли из моды. «Подозрительность» больше не считается постыдной чертой характера, а «жесткость» перестала быть отрицательным качеством.

Значительные изменения в степени порождают различие по существу. Огромное количество убитых, еще большее число тех, кто получил ранения и увечья, гигантское, непроходимое расстояние (и не только географическое), существующее между жертвами и организаторами этого преступления, — все это определяет то особое место, которое занимают события 11 сентября среди катастроф, когда-либо происходивших в мире.

И если при таких обстоятельствах Майкл Хендерсон и его издатели решились предложить на суд читателей новое издание книги «Прощение: разрывая порочный круг ненависти», то это свидетельствует о том, что дух прощения, живущий в людях, оказался более сильным и жизнеспособным, чем это можно было бы себе представить. Дух прощения не может примириться со злом, и не во власти зла уничтожить силу прощения.

Кому, в первую очередь, адресовано это послание о прощении? Американцам, пострадавшим от событий 11 сентября и испытывающих праведный гнев по отношению к преступникам? Жителям Афганистана, ставшим свидетелями окончательного разрушения своей страны? Палестинцам, уставшим ждать, когда им, наконец, позволят реализовать свое право на создание независимого

государства? Израильтянам, живущим в постоянном страхе перед своими соседями? Арабам, чьи надежды в очередной раз остаются неосуществленными?

Даже в тех случаях, когда гнев, испытываемый нами, является полностью оправданным, большинство из нас — арабов, евреев, американцев, афганцев, индийцев, пакистанцев, мусульман и индусов, проживающих в Кашмире, представителей всех возможных народов — приветствует прощение, когда оно имеет место в отношениях между «своими», членами «нашего» клана или группы. Мы знаем, что ненависть разъединяет нас, и делает «нашу» сторону слабее. Многие из нас также понимают, что озлобленность и различного рода обиды подобно кислоте разъедают нашу личность и совсем не обязательно наносят ущерб тем, по отношению к кому мы испытываем такие чувства. И поэтому большинство из нас за прощение, когда оно распространяется на тех, кого мы считаем «своими», кто принадлежит к той же группе людей, что и мы сами.

Если сказанное верно, то книга Майкла Хендерсона станет для нас настоящим лекарством. А может быть, среди невымышленных персонажей этой книги, даже среди тех, кто не имеет никакого отношения к «нашей» группе или вообще относится к тем, кого мы причисляем к своим врагам, мы найдем и узнаем самих себя. Мы можем вдруг испытать боль, от которой страдают наши враги, или увидеть во врагах таких же людей, как и мы сами; определения «свой» и «чужой» могут приобрести для нас новое звучание.

Соотношение между политикой, направленной на примирение, и политикой ненасилия наводят на некоторые размышления. Под руководством моего деда, придерживавшегося в своей политике принципа ненасилия, Индия в 1947 году завоевала независимость от Британской империи. Но ненасилие оказалось неспособно обеспечить индо-мусульманское примирение. С 1946 по 1947 год в нашем регионе около полумиллиона человек погибли в результате волны насилия, вовлекшей в себя индусов, сикхов и мусульман. Ни одна из сторон не добилась победы,

жертвы среди мусульман и не-мусульман были примерно одинаковы.

За два дня до террористической атаки 11 сентября я был в пакистанском городе Чарсада (Charsadda) недалеко от границы с Афганистаном. Там я встретался с двумя внуками скончавшегося в 1988 году в возрасте 98 лет Хан Абдул Гаффар Хана (Ghaffar Khan), вся жизнь которого была посвящена ненасильственной борьбе за независимость нашего субконтинента, за права пуштунских племен, проживающих по обе стороны афгано-пакистанской границы.

Именно с правлением Гаффар Хана, называемого еще Бадшах («королем») Ханом, а также «вторым Ганди», многие пуштуны связывают те несколько десятилетий, во время которых удавалось избежать кровопролития в этом регионе. В целях избежания насилия Гаффар Хан обращался к исламу, используя миротворческий потенциал этой религии. И, тем не менее, 2001 год был ознаменован новой вспышкой кровопролития, одним из слагаемых которой стал фактор религиозного экстремизма. Противоречия между пуштунами, с одной стороны, и остальными этническими группами, населяющими территорию Пакистана и Афганистана, с другой, также способствовали возникновению и развитию этого конфликта.

Вся история нашего региона, а также соседнего Афганистана, свидетельствует о том, что политика ненасилия не всегда приводит к примирению и установлению доброжелательных отношений; ненасильственная борьба за свои права также может проходить в атмосфере ожесточения и ненависти. Таким образом, прощение и примирение могут оказаться в будущем более важными позитивными факторами развития общества, чем просто ненасилие.

Кроме того, прощение может сочетаться с ограниченным и ответственным применением силы в целях самообороны. Так, во время индо-мусульманского конфликта 1946—1947 годов Ганди, в виде исключения, дал согласие на использование оборонительного потенциала вооруженных сил. При этом он подчеркивал недопустимость

применение силы в отношении мирных граждан, а также осуществления немотивированного насилия.

Вместе с тем, практика насилия сильно дискредитировала себя в ходе тех событий, которые произошли в 2001 году. Сегодня стало труднее оправдывать применение силы даже в тех случаях, когда это необходимо. Насилие, как правило, быстро выходит из-под контроля и принимает ужасающий размах, что не позволяет добиться тех целей, во имя достижения которых пришлось прибегнуть к силе. С другой стороны, политика ненасилия редко приводит к непредсказуемым результатам; проведение такой политики не вызывает беспокойства в мире и в то же время позволяет добиваться намеченных целей.

Возвращаясь к террористическим актам 11 сентября, я хотел бы рассказать об одном из многочисленных запоминающихся образов, порожденных этими событиями. Ману Дхингра (Dhingra), молодой человек, получивший тяжелейшие ожоги, с огромным трудом преодолевший спуск с 80-го этажа и буквально упавший на руки спасателей и врачей, на всю Америку говорил: «Я не знаю, зачем меня вернули к жизни. Но я знаю, что не хочу, чтобы пострадал хоть один невинный человек в Афганистане или где-нибудь еще».

На протяжении более чем двух столетий Америка осуществляет эксперимент, равного которому нет в истории. Миллионы людей всех рас и вероисповеданий стремятся к ее берегам, чтобы там обрести свободу, достоинство и возможность осуществить свои мечты. Но сегодня Америка еще и бесспорный мировой лидер, соперничать с которым не может никто.

Осуществление великого эксперимента на своем континенте и мировое лидерство, подразумевающее заботу обо всех народах нашей планеты, представляют собой две различные задачи. Вот истина, которую необходимо усвоить американцам. Решение первой задачи требует сосредоточения усилий для обеспечения безопасности самой Америки; для решения второй необходимо уделить основное внимание заботам и нуждам всего человечества.

Я часто бываю в США, я люблю жителей этой страны и восхищаюсь ими. И, если мне это будет позволено, я могу сказать им, что знакомство со свидетельствами прощения и примирения, собранными в этой книге Майклом Хендерсоном, может им помочь в решении обеих великих задач, стоящих перед их страной.

Англичанин, уже двадцать лет проживающий в Соединенных Штатах Америки и имеющий многочисленных друзей по всему миру, Майкл Хендерсон в своей книге попытался изобразить людей в те моменты жизни, когда проявляются наиболее возвышенные черты их характера, когда они делают открытыми свои души и преодолевают собственный эгоизм, прощают друг друга и сами принимают прощение. От имени многочисленных почитателей его таланта во всем мире я говорю Майклу: «Спасибо!» и желаю ему дальнейших творческих успехов.

*Рагжмохан Гангу (Gandhi), Лос-Анджелес,
10 октября 2001 года*

«Когда мы думаем о прощении, у нас может возникнуть беспокойство по поводу того, что зло избежит наказания. Дескать, прощая, мы отказываемся от права наказывать зло. Несмотря на все это я вижу, как зло воздействует на меня: оно порождает во мне желание ответить злом на зло. И я начинаю смотреть на все вокруг через черные очки зла. Это парализует волю и отвращает меня от жизни. Простить — значит противостоять злу, избавиться от его власти.

В процессе примирения часть времени уходит на то, чтобы обе стороны признали свои ошибки. Прощение избавляет нас от ожидания и бесполезной траты времени. Прощая, мы получаем свободу любить прямо сейчас. Добившись этой свободы, мы начинаем понимать, что те, кто совершил зло, сами являются жертвами.

Прощая, мы ничего не теряем, наоборот, мы получаем дар».

Отец Ангриѝа Вране (Vrane)

Босния, 1998

Принимая дар

«Прощение не относится к числу тех неопределенных отвлеченных идей, от которых можно было бы легко отказаться. В области политической жизни именно прощение способно объединять людей. Без прощения нет будущего».

Архиепископ Дезмонд Туту

Элис Ведега (Wedega) стала первой женщиной, избранной в законодательное собрание Папуа-Новой Гвинеи, и первой в своей стране женщиной, которая удостоилась награды королевы Англии. Во время торжественного обеда, данного в Папуа-Новой Гвинее в честь королевы Елизаветы II в 1973 году, один из сотрудников королевской службы безопасности услышал о том, что Элис побывала в Северной Ирландии. «Что же Вас туда привело?» — поинтересовался он.

Со свойственной ей непосредственностью Элис рассказала, что ее дед был людоедом. «В те времена у нашего народа было принято убивать и поедать людей. За убийством обязательно следовала месть. То есть, если ваше племя убивало кого-либо из наших, мы тоже убивали одного из вас. Но миссионеры, прибывшие из Европы, научили нас иной жизни. Теперь же я отправилась в Северную Ирландию для того, чтобы помочь европейцам прекратить подобные действия».

Месть

Трудно найти более сжатое и емкое определение той проблемы, с которой сталкивается огромное число лю-

дей и целых стран по всему миру. Как бы мы ни называли это явление — месть, вендетта, расплата, принцип «зуб за зуб», — именно этот замкнутый круг взаимной вины и ответственности отравляет жизнь как отдельных людей, так и многих поколений. Это дурная бесконечность, практически каждый может найти причину, чтобы обвинить в чем-либо окружающих. И только прощение, которое Льюис Б. Смедес (Smedes) определил как «отказ от права на сведение счетов», может разорвать этот круг.

Смедес пишет: «Чувство мести выражается в стремлении свести счеты с обидчиком. Это жгучее желание заставить другого испытать такое же сильное страдание, какое он причинил вам. Но беда в том, что стремление к отмщению никогда не достигает своего полного удовлетворения: сравнять счет так и не удастся. Справедливость никогда не наступает. Цепная реакция, вызываемая каждым актом мести, набирает силу. И обиженная сторона, и обидчик вовлекаются в непрерывный поток все нарастающего страдания. Обе стороны оказываются вовлечены в него постольку, поскольку они требуют для себя равного возмещения, этот поток не знает остановок, и никому не вырваться из него».

В Новом университетском словаре (*New Collegiate Dictionary*) предлагаются следующие определения понятия «прощение»:

- «1) Готовность отказаться от негодования по отношению к обидчику;
- 2) Готовность освободить кого-либо от уплаты долга;
- 3) Готовность позволить кому-либо совершить ошибку или проявить слабость».

Словарь Роджета¹ дает множество слов — синонимов, или близких к данному понятию: извинение, оправдание, отпущение грехов, освобождение (от обязательств, обета), снятие долга, отсрочка (приведения в исполнение приговора), амнистия, помилование, снисхождение, избавление, реабилитация, индульгенция, дарование ми-

¹ Thesaurus of English Word and Phrases (1852) — словарь английских слов и выражений.

лости, сострадание, милосердие. Билли Грэм² называет прощение «самым великим словом в английском языке». И даже циник Оскар Уайльд дает такой совет: «Всегда прощайте своих врагов: ничто их не раздражает так сильно».

Возможно, самым замечательным качеством, к обладанию которым может стремиться род человеческий, является способность прощать. Дональд Шрайвер (Shriver) пишет, что «сила прощения остается самой могущественной человеческой силой, равно как и божественной». Говоря словами писательницы Пегги Нунан (Noonan), «простить значит изменить мир». Именно так поступают в своих малых и больших делах те люди, о которых рассказывается в этой книге.

Многие могут отвергать саму идею прощения, просто не понимая того, что они на самом деле отвергают. Смедес в своей книге «Искусство прощения» (*The Art of Forgiving*) приводит шесть простых признаков того, что остается за скобками прощения:

- 1) Простить кого-либо не означает примириться с тем, что он сделал;
- 2) Если мы прощаем, то это не значит, что мы хотим забыть происшедшее;
- 3) Прощая кого-либо, мы не оправдываем действия, им совершенные;
- 4) Прощение не означает примирение с тем злом, которое было совершено по отношению к нам;
- 5) Когда мы прощаем, то это не значит, что мы отказываемся от своего права на справедливость;
- 6) Прощение не означает, что мы подталкиваем того, кто нанес нам ущерб, к повторному совершению подобных действий.

Некоторые исследователи, прежде всего те, кто изучает данный предмет с позиций богословия или психологии, стремятся быть максимально точными в определении понятий. Это становится особенно важным теперь, ког-

² Graham Billy (William Franklin) — Билли (Уильям Франклин) Грэм, американский проповедник. Выступает с религиозными беседами по радио.

да прощение все чаще рассматривается с учетом той роли, какую оно способно играть в политике и общественной жизни.

Кеннет Каунда (Kaunda), бывший президент Замбии, сказал как-то: «Объявлять о прощении и в то же время продолжать совершать несправедливые действия значит заниматься обманом; бороться за справедливость, не будучи готовым прощать, значит превратить свою борьбу в бессмысленное и бесполезное занятие». Обычно люди, стоящие у власти и определяющие внутреннюю и внешнюю политику, с большим подозрением относятся к тому, когда речь заходит о прощении, особенно в тех случаях, если это так или иначе затрагивает сферу их интересов. В течение долгого времени понятие прощения не попадало в поле зрения тех, кто придерживался принципов «реальной политики» и считал его несовместимым со своей деятельностью. Но в последнее время стали появляться замечательные книги, в которых говорится о той более значительной роли, которую практика прощения должна играть в общественной жизни.

Дональд Шрайвер (Shriver), автор книги «Этика для враждующих — прощение в политике» (*An Ethic for Enemies — Forgiveness in Politics*), пишет об этом так:

«Постепенно я пришел к убеждению, что идея прощения, обычно не выходящая за рамки религии и личной этики, на самом деле является тем средством, с помощью которого различные части человеческого общества могут залечивать раны, нанесенные во время конфликтов друг с другом. Именно потому, что прощение в равной степени применимо как в области морали, так и в сфере истории, позволяя человечеству извлечь максимальную пользу из преодоления междоусобной вражды, прощение является тем понятием, которое должно всесторонне определять течение наиболее важных политических процессов».

Шрайвер утверждает, что наследие прошлого будет служить непреодолимым препятствием на пути к сближению различных народов и общественных групп, испытывающих враждебность по отношению друг к другу, до тех пор, «пока в отношениях между ними не свершится

акт прощения, принявший ту или иную политическую форму».

В политике, так же как и в личной жизни, прощение не может быть лишь временным, однократным, действием, как выразился однажды Брайен Фрост (Frost), «подобным прикладыванию припарки», прощение должно стать непрерывным процессом.

Эта идея практики отказа от стремления к отмщению универсальна. Китайцы говорят: «Тот, кто встал на путь мести, пусть сразу копает две могилы». У африканцев есть такая поговорка: «Тот, кто простил, прекратил ссору». В одной из песен индейцев племени шауни (shaunee) есть такие слова: «Не надо ненавидеть своего соседа, не надо вредить ему; не ему навредишь ты; ты навредишь себе».

К счастью, прощение относится к числу тех немногих идей, которые, так же как и понятие «любовь», входят в арсенал мировых религий. «Возможно, что одной из наиболее трудных и в то же время самых значительных задач, стоящих перед человеком в течение его жизни, является обретение умения прощать своих обидчиков, — пишет Хастон Смит (Smith) в книге «Религии мира» (*The World's Religions*). — Для того, чтобы простить кого-либо, вы должны пересмотреть свое отношение к нанесенной вам обиде, и к тому человеку, который стал ее источником; вам необходимо по-новому взглянуть и на обидчика, и на себя самого. Прощению учат все мировые религии; и оно может стать тем подлинно преобразующим опытом, который позволит нам подняться над своими эгоистическими желаниями и интересами».

Далай-Лама, духовный и политический лидер народа Тибета, своим отношением к китайцам показывает пример применения унаследованного им в буддийской традиции принципа прощения. Он поступает так, несмотря на все те гонения, которым был подвергнут его народ, и даже на то, что ему самому пришлось оказаться в положении беженца. Далай-Лама любит рассказывать историю об одном из монахов старшего поколения, которому пришлось провести долгие годы в китайском трудовом лагере. Когда, в конце концов, ему удалось полу-

чить разрешение на выезд в Индию, он прибыл к Далай-Ламе. Его Святейшество попросил монаха рассказать о том, каким опасностям тот подвергался в Тибете. «Да, — ответил монах, — иногда возникала опасность того, что я утрачу сострадание по отношению к китайцам».

Далай-Лама говорит, что у врагов мы можем научиться большему, чем у своих учителей, это они учат нас терпимости и прощению, — ибо только эти пути приведут нас к преодолению ненависти. В этом заслуга врагов. Вы же не будете испытывать ненависть, неуважение или гнев по отношению к своему гуру, а значит, вы не сможете овладеть искусством терпения, прощения и терпимости на примере общения с ним или со своим лучшим другом. Для того чтобы возникла ненависть, вам нужен враг. Когда вы встречаетесь с ним, для вас наступает лучшая возможность проверить свои убеждения на практике. «Наш враг — наш лучший учитель», — повторяет Далай-Лама.

Юсуф Омар аль-Азхари (al-Azhari), о котором рассказывается в 9-й главе книги, является бывшим послом Сомали в Соединенных Штатах. С его точки зрения, прощение представляет собой одно из тех средств, которые объединяют людей. Живя в своей разоренной стране, он как мусульманин придерживается практики прощения; он даже простил местного диктатора, посадившего Юсуфа на целых шесть лет в одиночную камеру. «Согласно учению ислама, — говорит он, — прощение является необходимым условием разрешения споров, разногласий и конфликтов, возникающих между людьми. В священном Коране часто встречаются наставления, обращенные к каждому мусульманину, прощать и просить прощения, вне зависимости от того, на чьей стороне правда. В Коране сказано, что всякий, кто прощает и просит прощения, будет вознагражден всемогущим Аллахом. Таким образом, в исламской религии каждый обязан прощать за то зло, которое кто-либо причинил ему, и просить прощение в том случае, если он сам совершил зло».

Как и всякий живущий в Индии последователь индуизма, Раджмохан Ганди (Gandhi), внук Махатмы Ганди,

за свою жизнь неоднократно сталкивался с теми, кто исповедует ислам, общался с мусульманами Индии и Пакистана. По его словам, санскритский термин *kshama*, означающий прощение, встречается уже в самых ранних индуистских книгах, в таких как Махабхарата (собрание индийского эпоса, существующее уже более 1200 лет) и Бхагавадгита, которая представляет собой наиболее важный религиозный текст индуистской традиции. Ганди рассказывает, что в Махабхарате прощение всячески превозносится, но в своих поступках герои эпоса не следуют этому принципу, и в конце концов жизнь практически каждого из них оказывается вовлеченной в порочный круг взаимной мести. В Махабхарате мы не видим торжества прощения, но эта книга показывает нам всю тщетность любых проявлений мести. «Можно утверждать, что хотя прощение и не является доминирующим понятием в индуистской религиозной традиции, тем не менее это учение рассматривает способность прощения как одну из важных и труднодостижимых добродетелей».

Значительную часть своей жизни Ганди посвятил проблеме примирения между индусами и мусульманами, Индией и Пакистаном. За время своей деятельности ему не раз приходилось прощать и просить прощения. В 1951 году произошел такой случай. Ганди, в то время еще молодой студент, находился в офисе газеты *Hindustan Times*, редактором которой был его отец. Вошел один из заместителей редактора и сообщил о покушении на премьер-министра Пакистана Лиакват Али Хана (Liaqat Ali Khan). Молодой Ганди отреагировал на это: «Надеюсь, за этим последуют сообщения о его смерти».

Позже Ганди в своей книге «Восемь жизней» (*Eight Lives*) писал: «Лиакват Али Хан не причинял зла ни мне, ни моим родственникам или друзьям. Наши пути никогда не пересекались. Но он был премьер-министром Пакистана, а Пакистан был врагом Индии. Кроме того, разве такое бессердечное замечание не позволило шестнадцатилетнему юноше почувствовать себя настоящим мужчиной? И даже остроумным мужчиной! Но заместитель редактора не улыбнулся в ответ. Этим он заставил меня

почувствовать себя совсем юнцом. Тщеславие и враждебность, спрятавшиеся в глубине моего сердца под маской мужественности, предстали во всей своей неприглядности. *Main sharindu boon.* (Мне очень стыдно. И будет стыдно всегда)» .

По словам самого Ганди, этот случай, обнаживший все незрелость молодого человека, пробудил в нем страстное желание исправиться и стал одним из факторов, побудившим его написать книгу «Восемь жизней», рассказывающую о жизни мусульманских лидеров Азиатского региона. «Более того, этот эпизод и то, что открылось благодаря ему, способствовал зарождению у меня стремления принять участие в исцелении тяжелых болезней нашего региона». Как говорит Ганди, возможно, его книга «Восемь жизней» затронула сердца таких разных людей — и индусов, и мусульман — именно потому, что он писал ее, «стараясь обнажить собственное сердце исполненным желанием примирения».

Раввин Марк Гопин (Gopin) преподает религиоведение и конфликтологию в Университете Джорджа Мэйсона (George Mason University). В докладе, представленном Американскому университету в феврале 1999 года, он пишет, что прощение является необходимым условием проведения результативных переговоров и иных действий, направленных на установление справедливости. Практически ни в одном из долговременных конфликтов, с которыми приходилось сталкиваться этому исследователю, начиная от семейных ссор и заканчивая геноцидом целых народов, полное и окончательное установление справедливости не представлялось возможным. Невозможно вернуть утраченные жизни и упущенное время, залечить душевные раны, нанесенные пытками и убийствами. Крайне редко случается так, что каждая из враждующих групп оказывается способной достичь окончательных целей своей борьбы. Марк Гопин пишет:

«Таким образом, прощение и установление новых отношений между конфликтующими сторонами является практическим средством смягчения страданий, проистекающих от невосполнимости понесенных потерь. Прощение позволяет

сформировать новую эмоциональную и логическую структуру реальности. Восстановить утраченное уже невозможно, но, к удивлению сторон, у них возникает стремление к жизни свободной от насилия, и убеждение в том, что именно такой образ жизни является наиболее достойным. Люди, пережившие геноцид и чувствующие себя виноватыми за то, что им удалось выжить, народы, в течение ряда поколений расплачивавшиеся жизнью своих сынов, нуждаются, подчас, в радикальном переосмыслении своей жизни, в том, чтобы обрести неведомый им доселе смысл существования, причину поверить в то, что новая жизнь не только возможна, но и является значительно лучшей перспективой, чем продолжение скорби об утратах и стремление наказать тех, кто в них повинен. Тем, кто пережил многочисленные страдания, прощение может стать основой этого нового видения действительности».

Для Фрэнка Бухмана (Buchman)³, христианского священнослужителя из Пенсильвании, опыт прощения лежит в основе всей его жизни и деятельности. Он стал инициатором программы «Нравственного перевооружения» (*Moral Re-Armament*), осуществляющейся теперь под названием «Инициативы перемен» (*Initiatives of Change*), его идеи вдохновили тех, кто стоял у истоков движения «Анонимных алкоголиков» (*Alcoholics Anonymous*). Деятельность, направленная на укрепления международного мира, которой он занимался в центре примирения *Mountain House* (Саух, Швейцария), сделала его одним из кандидатов на получение Нобелевской премии мира. Однажды ему пришлось просить прощения у коллегии священников, с которыми он вместе работал. Шесть человек, входившие в коллегия, вызывали у него резкую неприязнь. Он чувствовал, что эти люди относятся к нему несправедливо, и в то же время понимал свою обязанность извиниться перед ними за свое поведение. Как он говорил впоследствии: «Мы все семеро были не правы».

По мнению Бухмана, покаяние и признания своей вины, прощение о прощении и готовность принять про-

³ Фрэнк Бухман — Buchman Frank Nathan Daniel (1878—1961) Фрэнк Натан Дэниел Бухман, американский лютеранский священник, основатель движения за «Нравственное перевооружение» (*Moral Re-Armament*) в США, Англии и других странах Европы.

щение являются универсальными ценностями. Как пишет его биограф Гарт Лин (Lean), Фрэнк Бухман пережил на своем опыте осознание совершенного греха и получил христианский опыт прощения. С тех пор он «считал, что любое человеческое существо, сколь бы испорченным оно ни было, пребывает под сенью той самой благодати, которая исцелила его собственную злобу и гордыню».

В 1978 году Мэтт Мэнсон (Manson), шотландец, работавший в Азии, летел из Мельбурна в Гонконг. На борту самолета он услышал поразившую его историю о прощении, историю, которая впоследствии оказала огромное влияние на всю его жизнь. У Мэтта Мэнсона был билет на место под номером F13. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что место F14 занимает лауреат Нобелевской премии мать Тереза из Калькутты, которую многие уже после смерти в 1999 году считают святой.

О многом успели поговорить Мэтт Мэнсон и мать Тереза во время своего девятичасового перелета. Во время их разговора шотландец услышал такие слова: «Прощение — величайшая вещь на свете». Без прощения невозможно примирение между людьми, между Богом и человеком. И одна из задач сестер милосердия, которыми руководила мать Тереза, состоит в том, чтобы служить связующим звеном в этой цепи взаимного прощения. Прощение — ключ к выживанию человечества: «Именно это я хочу увидеть в тех людях, которые приходят ко мне и трудятся вместе со мной. Наша работа состоит не только в том, чтобы перевязывать раны умирающим и оказывать им социальную помощь. Мы трудимся для того, чтобы те, о ком мы заботимся, смогли испытать опыт прощения».

В качестве примера она рассказала такую историю. Вместе с такими же, как она, монахинями мать Тереза работала в Калькутте. На узких улицах этого города они находили тех, кто нуждался в помощи, помещали их в свою санитарную машину и отвозили в хоспис. Мать Тереза уже собиралась закрыть дверь своей машины, когда вдруг услышала плач пожилой женщины. Она посмотрела на улицу — там никого не было. Но плач не прекращался. Тогда она заметила стоящий у стены му-

сорный бак. Заглянув в него, она увидела там истекающую кровью пожилую женщину. Несчастливая была просто в ужасном состоянии. «Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне, — умоляла женщина, — мой сын оставил меня здесь умирать».

«Мы забрали ее и вместе с остальными отвезли в больницу. Вымыли, обеспечили необходимый уход и помощь. Это была одна из самых тяжелых ночей, которые случались в моей жизни: наши сестры из всех сил умоляли, упрашивали старушку простить своего сына». Так продолжалось всю ночь.

Ранним утром женщина сказала: «Подождите, я хочу вам кое-что сказать. Я хорошо помню тот день, мой сын был еще маленьким мальчиком, когда все это случилось. Я выгнала его из дома и навсегда изгнала его из своего сердца. С этого момента он избрал для себя неверную дорогу. Я виновата в том, что ему не к кому было обратиться за помощью».

Мать Тереза спросила у нее: «Если мы приведем сюда вашего сына, вы попросите у него прощения?»

Женщина ответила: «Да, да, найдите его, найдите его». И она рассказала сестрам, где можно найти сына. Они сразу же отправились на поиски. Им удалось найти несчастного мужчину, живущего в страшной бедности. Они убедили его пойти с собой. Мать и сын предстали друг перед другом.

«Это был мучительный момент, — рассказывала мать Тереза, — мы не знали, что произойдет».

Мать обратилась к сыну: «Сын, я выбросила тебя из своей жизни, когда ты был еще ребенком. Тебе не у кого было просить помощи. Это я виновата в том, что твоя жизнь полна страданий. Пожалуйста, прости меня».

И тогда мужчина, грубый мужик, разразился рыданиями. «Конечно, конечно, — повторял он, — но сможешь ли ты простить меня?»

Вскоре после этого мать умерла. «Но она ушла из жизни спокойной и умиротворенной, — рассказывала мать Тереза, — она нашла примирение не только со своим сыном, но и с Богом».

У матери Терезы с собой был мешок с письмами. Это был ее весь багаж. Как она объяснила, письма были посланы ей молодыми женщинами со всей Индии и из многих других стран мира. Написавшие их выражали готовность приехать к матери Терезе, отдать все свое имущество, принять обет бедности, целомудрия и послушания, отправиться в любую часть света, туда, где необходима их помощь. «Я должна ответить на эти письма до того, как приеду в Калькутту, — рассказала монахиня, — мне необходимо быть уверенной в том, что каждая из этих женщин сможет поступить так, как тогда мы поступили по отношению к той старушке. Для этого нам надо полностью осознать свою греховность и позволить Иисусу исцелить нас. Если в вашей жизни есть опыт прощения, значит вы уже готовы к этому. Я хочу убедиться в том, что каждая из тех, кто написал мне, уже имеет такой опыт и потому может преступить к выполнению своего служения. Если это не так, то она может пробыть с нами пять, и даже десять лет, но рано или поздно ее будет ждать горькое разочарование».

Мэтт Мэнсон вспоминал: «Выйдя из самолета в Гонконге, я долго размышлял над услышанным. Я переосмыслил все свою жизнь и принял решение посвятить себя тому, чтобы стать связующим звеном в цепи всеобщего прощения».

Нелегко себе представить, как может выглядеть прощение во время войны, вооруженной борьбы за свободу или сразу после террористического акта. Но и в этих случаях дух прощения может взять верх над стремлением причинить страдания своим противникам. Смедес рассказывает о разговоре, который у него состоялся с одним чернокожим южно-африканским лидером в то время, когда Нельсон Мандела еще был в тюрьме и люди могли лишь только надеяться на перемены к лучшему. Африканец говорил: «Да, конечно, когда-нибудь дойдет дело и до прощения. Но этого не будет до тех пор, пока нам будут наступать сапогом на горло». Убитый нацистами Дитрих Бонхеффер в своих «Письмах из тюрьмы» делает вывод о том, что прощение должно прийти, но этого

не случится до тех пор, пока «насилие остается законом, беззаконие — порядком, а война — миром».

Некоторые люди оказываются не готовыми простить до того момента, пока не произойдут какие-либо определенные события, свидетельствующие о том, что причина их страданий осталась в прошлом. Вот история Мирли Эверс-Уильямс (Evers-Williams), бывшего председателя Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения США (NAACP). Ее муж, борец за гражданские права, был убит в штате Миссисипи. В своей автобиографии Мирли Эверс-Уильямс пишет, что долгие годы ее переполняли «яростная, беспредельная ненависть и глубочайшее отчаяние». Втайне ей виделось отмщение, ужасные страдания для тех, кто был виновен в смерти мужа. И лишь когда убийца был предан суду, в ее сердце и в сердцах жителей штата Миссисипи пришло исцеление. «Ненависть нашла себе выход, ненависть покинула мое сердце, но все же она постоянно пытается заново проникнуть в него». Точно так же и представитель ирландского национально-освободительного движения П. Д. Макклин (P. J. McClean), заключенный британскими властями в североирландский лагерь Лонг Кеш (*Long Kesh*) и подвергавшийся там пыткам, понимал, что ненависть не поможет ему победить насилие и несправедливость, творившиеся у него на родине, но чувствовал в себе силы сбросить «бремя горечи и обиды» только в том случае, если ему удастся добиться от Британского правительства возмещения за те беззакония, которые он пережил.

Да, при всем, что было сказано и сделано, прощение остается тайной, и его невозможно заключить в рамки теоретического объяснения. Трудно понять, почему одни люди прощают, а другие нет. В следующих главах читатели найдут множество свидетельств и смогут сами сделать свои выводы.

ГЛАВА 2

Исцеление истории: новая технология для XXI века?

«Историю, какой бы ужасной она ни была, нельзя изменить. Но если иметь мужество взглянуть ей в лицо, то не придется переживать ее дважды».

Мая Анджелу

Однажды во время дебатов в Палате представителей Британского парламента Уинстон Черчилль обратился к бывшему в то время премьер-министром Стэнли Болдуину (Baldwin) с такими словами: «История рассудит, что в данном случае этот достойный и справедливый джентльмен оказался не прав». Выдержав паузу, он добавил: «Я знаю, что так будет, потому, что сам буду писать историю».

Истолкование прошлого всегда будет вызывать споры. Отдельные исторические персонажи то входят в моду, то, наоборот, предаются исследователями забвению или поношению. Фигура самого Черчилля постоянно подвергается переоценке. И прежде различные интерпретации истории волновали умы людей, но, все же, судя по всему, значение их не было столь весомым. По мере того, как мир сжимается, а единый поток времени оказывается расколотым на части, возникает насущная потребность в более сбалансированном понимании истории, а также в осознании того, результатом каких усилий будет такое понимание. Важно также, что многие народы, история ко-

торых до сих пор не была написана, например коренные жители Америки или афро-американцы, рассказывают сегодня миру о своем прошлом. Как пишет Карил Филлипс, британский исследователь исторического наследия Вест-Индии¹: «Если история — это интервью с победителями, то я предпочитаю общаться с побежденными».

Орадур (Oradour), Равенсбрюк (Ravensbruck), Джалианваллабах (Jallianwallabagh), Кровавое воскресенье², Бойнская битва (Battle of the Boynе), Перл Харбор (Pearl Harbor), Герника (Guernica), Вундед Ни (Wounded Knee), Освенцим (Auschwitz), Ми Лай³ (My Lai), Катынь, Шарпвилль (Sharpville), Дрезден — может быть, эти названия кому-то и незнакомы, но у тех, чью историю они затрагивают, само их звучание вызывает волнение. В этих и десятках подобных названий, принадлежащих различным континентам, запечатлены тяжелые исторические раны, нуждающиеся в лечении и исцелении.

Можно ли исцелить историю? В 1847 году Соединенные Штаты Америки вели войну с Мексикой. В Чапультепеке (Chapultepec), крепости на окраине Мехико, состоялось решающее сражение. Крепость защищали молодые кадеты, решившие умереть, но не сдаваться. Теперь в Мексике их называют «Мальчики-герои Чапультепека» (*Boy Heroes of Chapultepec*). Для мексиканцев это сражение является тем же, что для американцев битва при Аламо (*Alamo*). По итогам войны согласно Договору Гваделупе Идальго, Мексика уступила Соединенным Штатам Америки две пятых своей территории, включая Техас, Калифорнию, Аризону, Нью-Мексико, Неваду, Юту и часть Колорадо. В свою очередь США выплатили Мексике контрибуцию в размере 15 миллионов долларов и взяли на себя долги этой страны на сумму 3 миллиона

¹ Вест-Индия — общее название группы островов в Атлантическом океане между материками Северной и Южной Америки.

² Bloody Sunday — «Кровавое воскресенье» — 28 января 1972 г. В этот день английские войска расстреляли демонстрацию борцов за гражданские права в г. Лондондерри, Северная Ирландия. Было убито 13 человек, в основном молодежь.

³ Резня в Ми Лае (Сонгми) 16 марта 1968 г., Вьетнам.

долларов. Мексиканская война стала причиной того недоброжелательного отношения, которому в течение последних двух столетий со стороны Латинской Америки подвергались Соединенные Штаты Америки.

В сотую годовщину битвы при Чапультепеке президент Гарри Трумэн посетил Мехико и без особой помпы совершил поступок, направленный на исцеление этой исторической раны. Он побывал в крепости Чапультепек и возложил венок на братскую могилу «Мальчиков-героев». Впервые в истории руководитель Соединенных Штатов Америки публично признал, что его страна виновна в трагедии мексиканского народа. Один из заголовков в то время гласил: «Трумэн навсегда исцелил старую историческую рану целого народа». Биограф президента Дэвид Маккаллоу (McCullough) пишет, что этим жестом доброй воли Трумэн «сделал для улучшения отношений между Мексикой и Америкой больше, чем любой другой из президентов последнего столетия».

Джозеф Монтвиль (Montville), бывший сотрудник Государственного департамента, возглавляющий теперь программу превентивной дипломатии в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies, Washington, D. C.*), является одним из тех людей, кто занимается разработкой методов и средств, направленных на преодоление исторической вражды между странами и народами. Он утверждает, что традиционные дипломатические концепции, направленные на установление и поддержание мира, как правило, не учитывают те психологические последствия, которые возникают у отдельных людей, групп населения и у целых народов, ставших жертвами насильственных действий и понесших значительные потери. Он пишет: «Многие из наших мирных договоров не привели к желаемой цели потому, что в них не был прописан механизм исцеления отношений. С моей точки зрения, именно в этой области следует искать новую технологию для XXI века».

Уже много лет подряд Монтвиль пытается помочь своим бывшим коллегам осознать, какую роль в разрешении

подобных проблем может играть неофициальная дипломатия. В статье, опубликованной в журнале *Foreign Policy* в 1980 году, Монтвиль назвал такую неформальную деятельность «вторым путем дипломатии», в то время как «первым путем» является официальная дипломатическая работа. Такой подход постепенно начинает завоевывать признание в качестве элемента общей стратегии разрешения конфликтов.

Особое внимание Монтвиль уделяет межэтническим и межконфессиональным конфликтам. Вовлеченные в них люди, как правило, становятся жертвами агрессии и несут потери не в результате совершения ими тех или иных действий, а просто в силу своей принадлежности к определенной группе. Они страдают от насилия и утрат, теряя при этом изначальную веру в справедливость. Люди больше не верят в то, что они или их дети смогут вести переговоры или осуществлять какие-либо совместные действия с теми, кто является виновниками их страданий. Они чувствуют, что утратили контроль над своей судьбой и могут стать мишенью новых атак. «Агрессоры и их потомки никогда не признают то, что изначальный акт или акты агрессии были несправедливы, — пишет Монтвиль. — Ни агрессоры, ни их потомки никогда не демонстрируют раскаяние в своих действиях. Они никогда по-настоящему не просят прощения у тех, кто стал их жертвами».

Монтвиль полагает, что в таких случаях могло бы помочь поэтапное приближение к цели: «признание — раскаяние — прощение». Он считает, что активная фаза исцеления от тяжелого наследия прошлого наступает, когда агрессоры или их потомки признают факт трагедии и что ущерб, который они нанесли своим жертвам в недавнем или далеком прошлом, является неоправданным. Таким образом, жертвы насилия поймут, что те, кто совершил зло, или их потомки признают свои действия несправедливыми, а нанесенный ущерб — ужасающим и ничем не оправданным нарушением основных прав человека. Это становится очевидным даже в том случае, если представители стороны, совершившей акты насилия, избегают

подобных слов и выражений в оценке своих действий. «Когда такое признание — искреннее, полное и явное — состоялось, пострадавшая сторона начинает с большим доверием относиться к переговорам и к перспективе дальнейших отношений с теми, кто повинен в агрессивных действиях».

По мнению Монтвиля, искреннее и открытое выражение раскаяния со стороны бывших агрессоров оказывает мощное исцеляющее воздействие на пострадавших. Если подобное признание сопровождается официальным принесением извинений или обращением с просьбой о прощении, то значит процесс исцеления углубляется. То, что за всеми этими действиями может и не последовать немедленное выражение прощения, совсем не является свидетельством бесплодности таких поступков. Монтвиль пишет: «Должно пройти время, прежде чем результатом выбора в пользу мира станет установление благоприятного психологического климата. Тем не менее, если в ходе диалога началось движение в заданном направлении — «признание — раскаяние — прощение», — значит процесс исцеления политических и человеческих отношений между двумя народами идет, значит следует ожидать конкретных практических результатов этого процесса».

Монтвиль принимал участие в миротворческой деятельности на Ближнем Востоке, в бывшей Югославии, в Северной Ирландии. Исследуя проблемы, существующие вокруг Еврейского государства, он также применяет на практике описанный выше метод. Выступая в Нью-Йорке перед членами Американской ассоциации психоаналитиков, Монтвиль подчеркнул, что израильтяне живут в постоянном страхе среди окружающих их арабов, которые только и ждут удобного момента, когда можно будет сбросить евреев в море. Такой финал конфликта был бы «более чем жестоким поворотом судьбы». При этом население Израиля боится того, что весь остальной мир останется пассивным наблюдателем, лишь для виду выражающим свое возмущение, в то время как арабы планомерно осуществляют «окончательное решение еврейской проблемы».

Будучи христианином, Монтвиль не игнорирует и те ужасные преступления, столетиями совершавшиеся против евреев во имя Христа. Именно в этом кроется причина «тяжелой и болезненной обиды, которую евреи испытывают по отношению к другим народам, и более всего — к христианам». «Я хотел бы воспользоваться предоставленной мне возможностью, — заявил Монтвиль, — от своего имени, от имени христианина, попросить у еврейского народа прощения за все те страдания, которые они претерпели от христиан. Я прошу позволения скорбеть вместе с вами обо всех утратах вашего народа и в братском союзе с евреями и арабами скорбеть о тех многочисленных бедах, которые выпали на долю многих арабов, когда гонимые из Европы озверевшими христианами евреи нашли свою родину в Палестине и, в конце концов, создали там Государство Израиль. Мне хотелось бы вместе с евреями и арабами приложить свои усилия к тому, чтобы между этими народами сложились такие отношения, которые бы обеспечили их детям справедливое и безопасное будущее».

Еще одним автором, занимающимся исследованием того влияния, которое на современные конфликтные ситуации оказывает исторически обусловленная враждебность, является Михаил Игнатъефф (Ignatieff). В своей книге «Честь воина» (*The Warrior's Honor*) он пишет, что главным психологическим препятствием на пути к примирению является жажда мести. Но этому существенному фактору, как правило, не дается должной оценки. Если взглянуть на него с нравственной точки зрения, то желание мести выражает в себе стремление сохранить верность тем, кто погиб, и во имя их чести продолжить начатое ими дело. Примирение труднодостижимо именно потому, что для того, чтобы оно произошло, необходимо преодолеть сильнейшее психологическое стремление к насилию: «Примирение означает разрушение спирали насилия, закручивавшейся на протяжении жизни многих поколений. Порочную практику насилия необходимо заменить тенденцией к взаимному уважению. Примирение лишь тогда сможет разорвать пороч-

ный круг мести, когда оно сможет стать более жизненной формой сохранения верности павшим, чем сама месть». И далее он подчеркивает: «Без покаяния, без признания того, что было совершено, прошлое никогда не оставит настоящее в покое».

По мере того, как мир приближается к завершению второго тысячелетия своего существования, можно заметить, что многие люди и целые народы проявляют готовность примириться с теми обидами, которые им были нанесены в прошлом. Дебора Таннен (Tannen), профессор лингвистики Джорджтаунского университета (*Georgetown University*), определяет этот процесс как «настоящую лавину извинений». Она пишет: «Если человек хочет жить среди себе подобных, то ему приходится просить прощения. Это верно в области личных отношений, и еще в большей степени это справедливо по отношению к общественной жизни».

Возьмем, к примеру, 1998 год. Для кого-то это был год урагана Митч, а для кого-то — год Моники: одним запомнилось буйство стихии, другим — история человеческих отношений. Но во многом этот год замечателен тем, что во время него многие народы и люди, подобные Нельсону Манделе, предприняли попытку сбросить с себя тяжелый груз несправедливостей, совершенных в прошлом, и подвести черту под преступлениями и злоупотреблениями, довлеющими над ними. Не всегда у них получалось, но они стремились к этому. Они не стремились забыть то, что происходило в прошлом, но в то же время старались добиться прощения виновных. В том году произошли следующие, значительные для мира, события:

Власти, церкви и общественные организации Австралии принесли извинения коренным народом этого континента за то, что в прошлом отбирали у них детей и подвергали их жестокому обращению.

Объединенная церковь Канады (*The United Church of Canada*) принесла подобные извинения коренным жителям Америки за злоупотребления, происходившие в школах, бывших под патронатом церкви.

Премьер-министр Японии попросил прощения у бывших британских военнопленных за жестокое обращение с ними.

Президент Италии принес извинения народу Эфиопии за оккупацию территории этой страны.

Папа Римский просил прощения у евреев за то, что Церковь не оказала должного противодействия нацистам во время Второй мировой войны.

В Северной Ирландии было подписан договор «Страстной пятницы» (*Good Friday agreement*), заключившие его лидеры католических и протестантских властей стали лауреатами Нобелевской премии мира.

Временное мирное соглашение было подписано на Ближнем Востоке.

В ЮАР был опубликован доклад Комиссии по справедливости и примирению (*The Truth and Reconciliation Commission*).

Премьер-министр Великобритании выступил в парламенте Ирландии и принес извинения за ту роль, которую сыграла его страна во время страшного голода, случившегося 150 лет назад. Также было возобновлено расследование по поводу событий Кровавого воскресенья.

Президент Клинтон принес извинения Африке за работорговлю.

Президент Аргентины извинился перед британцами за войну вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов.

В октябре того же, 1998, года Эквадор и Перу разрешили самый старый в Латинской Америке территориальный спор, ставший в свое время причиной трех войн, унесших сотни человеческих жизней. Президент Эквадора Джамил Махуад (*Mahuad*) заявил по этому поводу: «На протяжении многих десятилетий обе стороны стремились обрести победу в войне, сегодня наши страны обрели мир». Перуанский президент Альберто Фухимори (*Fujimori*) высказался в том же духе: «Обе страны победили, потому что мы пришли к миру».

Тот же самый месяц стал отправной точкой новых отношений между Японией и Южной Кореей. Говоря о тридцатипятилетнем колониальном правлении своего го-

сударства в Корею, премьер-министр Японии Кейдзо Обучи (Keizo Obuchi) заявил следующее: «Подписанная нами декларация станет хорошим началом. Я испытываю глубокие угрызения совести и от всего сердца приношу свои извинения». В свою очередь, премьер министр Южной Кореи Ким Дай Джунг (Kim Dae-jung) сказал: «Вступая в двадцать первый век, мы должны покончить с ошибками прошедшего столетия».

События этого года впечатляют. Некоторые из предпринятых шагов оказались явно недостаточными, в отдельных же случаях стороны продвинулись достаточно далеко. Глубокое разочарование вызывает развитие ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Ирландии. Но факт того, что были сделаны шаги в сторону примирения, не может не вызывать уважения. Возможно, еще большее значение, чем приведенные выше покаяния, имеет стремление народов, избавившихся от ярма насилия, простить своих бывших врагов. И 1998 год может быть назван «Годом рискованной любви» (*Year of Loving Dangerously*).

Папа Римский Иоанн Павел II является тем человеком, кто, как никто другой, стремится привлечь внимание всего мира к важности исцеления исторического наследия путем покаяния и прощения. Он призывает «в конце тысячелетия самым тщательным образом исследовать состояние своей совести». По его мнению, такой шаг просто необходим, если мы хотим донести свет Евангелия до людей третьего тысячелетия. Это нужно для того, чтобы оставаться преданным своей вере, быть честным перед самим собой, своим опытом и своей совестью. Впервые папа об этом заговорил еще в ноябре 1993 года на страницах газеты *La Stampa*: «В конце второго тысячелетия мы должны тщательно исследовать состояние своей совести, осознать, где мы сейчас находимся, куда привел нас Христос, где мы отклонились от Евангелия».

Весной следующего, 1994, года эта же мысль была подробно изложена Иоанном Павлом II в папском послании к кардиналам Церкви, озаглавленном «Размышления о великом торжестве по поводу наступления двухтысячно-

го года». В этом обращении понтифик упоминает о недавнем снятии обвинений с ученого-астронома Галилея, об «исправлении допущенной в отношении него несправедливости». Далее, в заключительном параграфе, озаглавленном «Примирение и покаяние» (*Reconciliatio et Paenitentia*), он пишет:

«Если мы более внимательно посмотрим на историю второго тысячелетия, то, вероятно, обнаружим свидетельства многих подобных ошибок и даже искажений, допущенных в области, касающейся автономии научного знания. Разве можем мы молчать по поводу столь многочисленных случаев насилия, совершенного во имя веры? Нельзя забывать о религиозных войнах, судах инквизиции, об иных нарушениях прав человека. В свете того, что было сказано на Втором Ватиканском соборе, Церковь должна по собственной инициативе исследовать все темные страницы своей истории и дать им оценку в духе евангельских заповедей. Это могло бы стать частью подготовки к празднованию грядущего великого торжества. В результате таких действий не может быть нанесено никакого ущерба моральному облику Церкви; наоборот, ее позиции будут укрепляться, поскольку тем самым мы продемонстрируем силу своей веры и проявим мужество признать ошибки, которые члены нашей Церкви совершили, в определенном смысле слова, во имя самой Церкви».

Луиджи Аккаттоли (Accattoli) в своей книге «Когда папа просит прощения» (*When a Pope Asks Forgiveness*) приводит 94 цитаты понтифика, в которых тот признает различные ошибки, допущенные Церковью в прошлом, и просит за них прощения. В них речь идет о самых различных событиях: от инквизиции и крестовых походов до Холокоста и дискриминации негров. В 25 из приведенных цитат папа говорит от первого лица: «Я прошу прощения» или использует близкие по смыслу выражения. Некоторые из этих заявлений получили широкий отклик в прессе, но в большинстве своем они остались незамеченными. Аккаттоли пишет: «Папа стремится к тому, чтобы возглавляемая им Церковь вошла в третье тысячелетие, освободившись от значительной части своего тяжелого исторического наследия, установив более

доброжелательные отношения с другими христианскими церквами и укрепив дружбу с представителями каждой из существующих религий. И ничего страшного не случится, если ради этого придется переосмыслить некоторые положения истории».

Так, в послании к коренным народам Северной и Южной Америки, опубликованном в октябре 1992 года, Иоанн Павел II пишет: «Будучи пастырем Церкви, я прошу вас во имя Христа простить тех, кто за последние 500 лет причинял страдания вам и вашим предкам». В мае 1995 года во время своего визита в Чешскую Республику Святой отец коснулся темы религиозных войн. Вот его слова: «Сегодня, выступая от имени всех католиков, я как предстоятель Римско-католической церкви прошу прощения за все те несправедливости, которые были совершены в отношении не католических народов за всю их тяжелую историю».

Особое внимание Иоанн Павел II уделяет вопросам войны и мира. Аккаттоли полагает, что ни один другой папа, по крайней мере из тех, кто жил в современную эпоху, не молился о мире с такой энергией, как нынешний глава Ватикана. «Ни один другой папа не признавал греховными войны, инициаторами которых были христиане, и не просил прощения так, как это делает он». Папа Иоанн Павел II считает Вторую мировую войну самым отвратительным преступлением в истории, ведь она была развязана на континенте, пропитанном христианскими традициями. В своем апостольском послании по поводу пятидесятой годовщины начала войны он пишет: «Мы сейчас говорим об одной из самых кровавых войн в истории, о войне, развязанной на континенте, имеющем христианские традиции. Осознание этого факта заставляет нас спросить у своей совести о том, насколько полно прониклась Европа духом Евангелия. Крушение христианских ценностей, приведшее в недавнем прошлом к страшным нравственным искажениям, должно стать для нас уроком. Мы должны быть внимательны в том, как мы сегодня возвещаем Евангелие и претворяем в жизнь его заповеди».

Папа более сорока раз встречался с коренными жителями обеих Америк и всех остальных континентов. При этом он пять раз признавал те исторические несправедливости, которые были допущены христианами в отношении этих народов. Вернувшись в октябре 1992 года после встречи с членами Ассоциации коренных американцев (Native Americans) Финикса⁴ и Санто-Доминго⁵ он говорил, что для него общение с этими людьми стало «актом искупления». Вот его слова: «Мы не перестаем просить у этих людей прощения. Наша просьба обращена, прежде всего, к коренным жителям этой новой для нас земли, а также к тем, кто был привезен сюда из Африки, чтобы в качестве невольников исполнять самую тяжелую работу. Простите нам прегрешения наши».

Во время своего посещения мемориала «Дом невольников» (Slave house) на острове Гори (Gorée) в Сенегале в феврале 1992 года папа Иоанн Павел II самым решительным образом осудил преступления, совершенные в отношении чернокожего населения Африки. Он отметил, что бесчеловечное обращение с африканцами, сравнимое по своей жестокости с тем, что творилось в германских концентрационных лагерях, стало «трагедией цивилизации, называвшей себя христианской». На встрече с представителями католической общины он сказал:

«Посещение «Дома невольников» (Slave house) напомнило мне о том, что в 1462 году папа Пий II в своем письме епископу, отправлявшемуся с миссионерской поездкой в Гвинею, называл рабство великим преступлением (*magnum scelus*). На протяжении долго периода в истории Африканского континента чернокожие мужчины, женщины и дети насильственно отрывались от своей родины, от тех, кого они любили. Затем их перевозили в самых нечеловеческих условиях и продавали как товар. Закованных в цепи людей, выходцев из разных стран, партиями отправляли осваивать новые земли. Базальтовые скалы и утесы острова Гори остались в памяти невольников как последний образ их родной Африки.

⁴ Финикс — административный центр штата Алабама, США.

⁵ Санто-Доминго — столица Доминиканской Республики.

Можно сказать, что этот остров запечатлен в памяти и в сердце всей чернокожей диаспоры.

Эти мужчины, женщины и дети стали жертвами постыдной торговли, которой занимались те, кто, будучи крещеными, никогда не жили в соответствии с верой. Разве можем мы забыть те чудовищные страдания, которые пришлось вынести лишенным практически всех человеческих прав невольникам, вывозимым с Африканского континента? Разве можно предать забвению человеческие жизни, перечеркнутые рабством?

Со всей правдивостью и смирением мы должны исповедаться в этом страшном грехе, совершенном человеком против человека, человеком против Бога. Какой долгий путь еще предстоит проделать человечеству, прежде чем его члены научатся почитать образ Божий в себе подобном, любить друг друга как братьев и сестер, имеющих общего небесного Отца!

В этом скорбном и священном месте Африки мы возносим к небу молитвы о прощении. Мы молимся о том, чтобы последователи Христа были всегда верны завещанной Господом заповеди братской любви. Мы молимся о том, чтобы никогда впредь люди не угнетали братьев и сестер своих, кем бы они ни были, и всегда, подобно евангельскому доброму самаритянину, являли сострадание свое и стремились помочь тем, кто нуждается. Мы молимся о том, чтобы навсегда исчезло рабство и все, что с ним связано. Разве недавние трагические события, которые происходили, в том числе и на этом континенте, не побуждают нас к тому, чтобы быть бдительными и продолжать этот долгий и трудный процесс преобразования наших сердец?»

Принципиальное отношение папы к исламу может быть суммировано в следующих положениях: христиане и мусульмане — дети единого Бога; им необходимо приложить усилия к тому, чтобы преодолеть наследие религиозных войн, разделявших их в прошлом; добиться этого можно только путем взаимного прощения. Выступая в самых различных местах, он неоднократно называл мусульман «братьями», чего до этого не делал ни один папа. Так, например, на встречу в городе Ассизи⁶ в

⁶ Ассизи — город в области Умбрия, Италия.

1986 и 1993 годах он пригласил мусульман для участия в молитве о мире. В 1993 году его молитва в Ассизи звучала так: «За всех, кто признает Авраама отцом своей веры, — за иудеев, христиан и мусульман; пусть будут преодолены любые препятствия на пути к их взаимопониманию, с тем чтобы они могли вместе трудиться во имя мира».

В феврале 1992 года Иоанн Павел II побывал в Кадуне, городе на севере Нигерии. Во время своего выступления он, в частности, сказал: «Все мы, христиане и мусульмане, живем под солнцем одного милосердного Бога. Мы вместе верим в единого Бога, сотворившего человека. Мы признаем верховную власть Бога и отстаиваем достоинство человека как раба Божьего. Мы поклоняемся Богу и заявляем о своей покорности ему. Таким образом, мы поистине можем называть себя братьями и сестрами, верующими в единого Бога».

Говоря о мусульманских экстремистах, папа призывает проявить по отношению к ним «мужество прощения». Через два дня после совершенного в Алжире в мае 1996 года убийства семи монахов Ордена траппистов, Святой отец в своем воскресном обращении сказал: «Несмотря на охватившую нас глубокую скорбь, мы благодарим Бога за то, что стали свидетелями великой любви, продемонстрированной этими глубоко верующими людьми. Своей верностью и преданностью они служили Церкви, их жизни послужат делу примирения алжирского народа, с которым они всегда чувствовали свою солидарность. Пусть наша молитва будет услышана их семьями, братьями Цистерцианского ордена, членами маленькой церковной общины в Алжире: в это трагическое время пусть пребудет с ними "мужество прощения" и сила надежды».

Руководитель этой группы монахов, возможно, предвидел то, что с ними должно было произойти. За 3 месяца до трагедии он отправил письмо во Францию своим друзьям и родственникам:

«Если меня похитят и я стану жертвой терроризма, угрожающего сегодня, судя по всему, всем иностранцам, находящимся в Алжире, то я хочу, чтобы моя община, моя Цер-

ковь и моя семья помнили, что я отдал свою жизнь Богу и этой стране.

Я прожил достаточно долгую жизнь для того, чтобы считать себя соучастником зла, которое, увы, похоже, преобладает в мире и теперь может неожиданно добраться и до меня самого. Если это случится, то пусть искра озарения просветит меня, и я обрету силы испросить прощения у Бога, у моих собратьев по человеческому роду и в то же самое время от всего сердца простить того, кто нанесет мне последний удар.

На такую смерть я не могу даже и надеяться. Считаю важным сообщить об этом. На самом деле, я не вижу, как я смогу возрадоваться, по поводу того, что люди, которых я так люблю, будут без разбора признаны виновными в моем убийстве. Это была бы слишком высокая плата за то, что называется "благодатью мученичества"... Мне хорошо известно, с каким презрением относятся к алжирцам во всем мире. И я знаю, как выглядит карикатурное представление об исламе, возникшее на почве определенной формы исламизма.

Было бы слишком легко заставить замолчать свою совесть и идентифицировать эту религию лишь с фундаментализмом тех, кто представляет в ней экстремистское крыло. У меня совсем не такое мнение об Алжире и об исламе; они воспринимаются как тело и душа.

И тебе тоже, тому, кто станет мне другом в последний момент моей жизни, кто не будет осознавать то, что только что совершил, да, именно тебе я хочу сказать спасибо и прощай... И если нам, грешным, будет дарована возможность встретиться в раю, то на то будет воля Бога, нашего небесного Отца. Аминь!»

И в новом столетии, несмотря на свою физическую немощь, папа Римский продолжает отдавать все силы делу примирения. Покаяние, с которым он выступил в 2000 году, носили, по мнению большинства, самый всеобъемлющий и фундаментальный характер за всю историю. Папа принес покаяние за все ошибки, допущенные христианами в течение двух тысяч лет: «Мы смиренно просим прощения. Мы не можем не признавать те преступления против Евангелия, которые были совершены некоторыми из наших братьев. Это особенно относится к событиям второго тысячелетия. Осознание искажений,

допущенных в прошлые годы, позволит нам пробудить свою совесть, и откроет глаза на те отступления, которые могут быть совершены сегодня». Упомянул он и о преследовании католиков со стороны представителей других вероисповеданий: «Когда мы просим прощения за свои грехи, мы одновременно прощаем другим все их преступления против нас». В том же году он совершил паломничество в Святую землю. После посещения им мемориала Холокоста «Яд-Вашем» (*Yad Vashem*) израильская газета *Ha'aretz* писала: «Слова Иоанна Павла II о том, что сердце Церкви обливается слезами от того зла, которое было совершено во время массового истребления евреев, дополняют высказанную от имени всей Церкви просьбу о прощении и открывают новые горизонты в отношениях между двумя религиями».

Во время своего визита в Казахстан в сентябре 2001 года Иоанн Павел II призвал людей молиться за то, чтобы христиане и мусульмане, объединив свои усилия, «день за днем, рука об руку, смиренно исполняли свои обязанности перед Богом» и вместе трудились во имя мира.

Крик из Хорватии

Молиться за этого негодяя?

Нет, не может Бог этого требовать от меня!

Я люблю моих друзей, я люблю луга, леса, море...

Я буду молиться за растения и за животных,

Если они умрут, погибнет наша планета.

Но молиться за этого негодяя и прочую мразь?

Не слишком ли многого от меня хотят?

Нет, совсем даже не многого.

Как ты можешь надеяться изменить мир,

Если любишь только тех, кто принадлежит тебе?

Твоя любовь разделяет мир на два лагеря:

Мы на одной стороне, они на другой,

Друзья на одной стороне, враги — на другой.

В тебе нет веры, если ты так разделяешь мир.

В тебе нет веры, даже если ты принял крещение,

Даже если ты ходишь на воскресную молитву,

Даже если ты отдаешь свою старую одежду
нуждающимся.

В тебе нет веры, пока ты любишь только своих друзей.

И ты не участвуешь в преображении мира,
Все идет своим чередом,

И земля медленно умирает от твоей любви.

Да, враг не дает нам жизни,

Он отнял у тебя то, что в наследство
оставили тебе предки,

Он захватил твою землю.

Ты слышишь, как он смеется в твоём доме,
Из которого тебя самого выгнали.

Да, все это правда.

Но в тебе нет веры, если ты не молишься за него,
Если ты не относишься к нему как к брату.

Только такая любовь преобразует мир,
Создает города там, где лежали лишь булыжники,
Орошает пустыни благодатной влагой,
Побеждает смерть, возрождает жизнь.

И ты больше не будешь видеть врагов вокруг себя.

Подобно Фениксу, ты воскреснешь из пепла,
оставшегося от твоего дома.

И все для тебя будет новое, новое, новое.

*Лулуана Маткович-Власич
(Matkovic-Vlasic)*

Общенациональный день прощения: австралийцы заново осмысливают свою историю

«Подлинное национальное примирение в Австралии не может быть достигнуто до тех пор, пока не состоится всеобщее признание того факта, что по отношению к коренным народам этого континента была совершена историческая несправедливость, выразившаяся в выселении этих народов со своих территорий, подавлении их прав и свобод, результатом чего стал упадок и разрушение жизненного уклада аборигенов. Это не означает, что каждый взятый в отдельности австралиец, не принимавший участие в происходивших в прошлом событиях, должен чувствовать свою персональную вину. Просто нация должна осознавать свою ответственность за те ошибки, которые были совершены ею в прошлом, наряду с тем, что она испытывает гордость по поводу своих достижений. Такое признание своей вины должно состояться, по крайней мере, в тех случаях, когда ошибочные действия совершались от имени всего народа или в соответствии с решением государственных властей. Без всенародной гордости и всенародного чувства стыда по поводу своей истории не может существовать душа нации».

*Сэр Вильям Дин (Deane),
генерал-губернатор Австралии*

Во многих странах европейская колонизация оказала опустошающее воздействие на культуру местных народов. Это особенно характерно для тех стран, где колонизаторы составили большинство населения. Теперь для этих государств наступил период борьбы за преодоление повсеместного чувства безысходности, которое поразило культуру коренных народов и находит свое выражение в ужасающих темпах распространения среди их представителей всевозможных болезней и пагубных пристрастий. Перед австралийцами эта проблема встала во всей своей остроте.

Британская колонизация Австралии началась в 1788 году. Последовавшие затем 150 лет стали периодом изгнания со своих земель и массового истребления аборигенов. В результате этих действий общепризнанным фактом стало то, что коренные народы Австралии оказались на грани полного уничтожения. Одновременно шел процесс увеличения числа австралийцев от смешанных браков; но поскольку практически все они были детьми белых мужчин и женщин-аборигенов, то большинство из них росли в аборигенных общинах.

Это обстоятельство беспокоило обладающих властью белых колонизаторов. Для них культура аборигенов не представляла ни малейшей ценности. Им казалось, что если пресечь все контакты таких детей с аборигенской культурой, то Австралия сможет вскоре стать полностью западной страной. И вот, с конца XIX века во многих частях Австралии власти начали осуществлять практику отчуждения детей у их родителей-аборигенов. Детей передавали в белые семьи или помещали их в специально созданные для этой цели и подконтрольные белым организации.

Такая практика существовала вплоть до 70-х годов XX века. Большинство белых австралийцев, знавших об этом, считали, что такие действия оправдываются крайне тяжелыми условиями жизни большинства аборигенов, и соглашались с доводом о том, что таким образом дети получают возможность приобщиться к благам западной цивилизации. Однако при этом слишком мало внимания уделялось улучшению условий жизни самих аборигенов.

В 1995 году женщина-аборигенка по имени Фиона (Fiona) рассказала о своей жизни то, что могли бы повторить тысячи людей по всей стране:

«Это произошло в 1936 году. Мне было пять лет. Мы были в гостях у Эрнабеллы, когда пришла полиция. Мы играли и были счастливы, как вдруг воздух наполнился криками. Появились полицейские, и матери бросились прятать детей. Они пытались зачернить лица своим детям и спрятать их в пещерах. Эсси, Бренда и я, еще три наших двоюродных сестры — всех шестерых посадили в старый грузовик и увезли за несколько сотен миль, в Ооднадатту (Oodnadatta). Мы очутились в полной темноте. Нашей матери пришлось поехать с нами. Она уже потеряла свою старшую дочь — та была больна полиомиелитом, и ее забрали в детскую больницу. Теперь у нее могли отобрать еще троих детей. Отобрать всех ее детей. Помню, она ехала с нами в грузовике, вся сжалась, сторбилась. Разве можно себе представить, какая это чудовищная травма — знать, что у тебя отберут всех твоих детей? Конечно, это была травма и для нас, но я думаю, что никто и представить себе не может, что пришлось пережить нашей матери. Нас привезли в Ооднадатту, в Объединенную Миссию для аборигенов. Там нам пришлось ждать в полной темноте. С тех пор мы больше не видели нашу маму. Для нас она как бы растворилась в этой темноте».

Эти слова из свидетельских показаний Фионы перед Австралийским королевским комитетом, в которых она рассказывает о том, как ее насильственно отобрали у матери. Вплоть до 1968 года Фионе не удавалось встретиться с матерью: «Когда, в конце концов мы встретились, моя мама через переводчика рассказала мне, что ей доводилось слышать о других ее детях, но не обо мне, поскольку у меня теперь другое имя».

Среди белых австралийцев нашлись люди, которые решили приложить все свои силы к тому, чтобы изменить ситуацию и не допустить в будущем повторения таких жестоких акций. Среди них — Ким Бизли (Beazley), депутат парламента, отец лидера парламентской фракции лейбористской партии. Главным приоритетом его политической деятельности стала защита интересов корен-

ного населения. Он исходил из того, что до тех пор, пока аборигены не станут собственниками земли (а из 3 миллионов квадратных миль австралийской территории им тогда не принадлежало ни одной), они никогда не смогут на равных участвовать в диалоге. И ему удалось убедить свою партию выступить в поддержку прав аборигенов на землю. За время своих поездок по стране он преодолел 21 тысячу миль и встречался с сотнями представителями коренного населения. Его поразило благожелательное отношение аборигенов к тем, кто, составляя большинство населения этой страны, повинен в притеснениях ее коренных жителей.

Бизли выступил с рядом инициатив, направленных на то, чтобы обеспечить аборигенам положение в обществе, соответствующее их статусу исконных жителей Австралийского континента. Став министром образования, он, в качестве одного из своих первых действий, добился того, что дети аборигенов получили возможность обучаться в начальной школе на родном языке. Он заявил: «Отрицать право народа получать образование на родном языке — значит, относиться к нему как к порабощенному народу». И вот, школы перестали быть чуждыми для аборигенов. Кроме того, вместе со своими коллегами Бизли добился осуществления ряда инициатив, в результате которых аборигены стали обладателями права собственности на землю, превышающую по площади территорию Великобритании.

Проблемы австралийских аборигенов неоднократно оказывались в центре внимания видных представителей международного сообщества. Вот что сказал папа Римский Иоанн Павел II во время своего визита в Австралию в 1986 году: «В течение долгих лет аборигены были вынуждены покидать родные места и жить на маленьких клочках земли или в резервациях, где разрушались их семьи и распадались племена, дети лишались родителей, и людям приходилось вести жизнь изгнанников, попавших на чужбину. Осознание этого вызывает боль у всех христиан доброй воли, причем многие из нас пришли к осознанию этих фактов лишь в самое последнее время».

Выступления, подобные этому, заставили австралийские власти с большим вниманием отнестись к нуждам аборигенов. В конце 1980-х годов лейбористским правительством был создан Королевский комитет, которому предстояло разобраться в том, почему так много представителей аборигенного населения попадают в тюрьмы. Комиссия разработала различные рекомендации и отметила, что задачей первостепенной важности является улучшение взаимоотношений между аборигенами и остальной частью населения Австралии путем налаживания взаимопонимания между ними.

Выводы комиссии оказали свое воздействие на правительство, и был сформирован Совет по примирению с коренными народами (*Council for Aboriginal Reconciliation*). Его возглавил видный аборигенный общественный деятель Патрик Додсон (Dodson), заместителем председателя стал бывший министр правительства консерваторов Ян Винер (Viner). Под их руководством на всей территории страны был осуществлен ряд проектов, в рамках которых проводились многочисленные встречи, форумы и плодотворные дискуссии между аборигенами и представителями местных властей, полиции и государственного аппарата.

Председатель Торгово-промышленной палаты Австралии (*Chamber of Commerce and Industry*) Ян Спайсер (Spicer), также приглашенный для работы в составе Совета по примирению с коренными народами, с уверенностью отмечает, что, несмотря на различные спорные моменты, им удалось добиться значительного прогресса: «Впервые в истории каждый из нас оказался участником процесса формирования отношений с коренными жителями Австралии. Никто не мог остаться в стороне». Для решения существовавших проблем одних денежных инвестиций было недостаточно. Необходимо было обеспечить атмосферу взаимного понимания. К этому выводу Спайсер пришел в результате многочисленных встреч и переговоров с представителями аборигенов. Он утверждает: «Жизнь каждого гражданина Австралии наполняется особым смыслом в силу того, что наша страна имеет ве-

ликую культуру, в которой особое внимание уделяется установлению баланса между тем, что земля может дать человеку, и тем, что люди могут потребовать от нее. Таким образом, в англосаксонскую культуру, для которой характерно повышенное внимание к хозяйственной деятельности, привносится целостное понимание жизни».

В 1993 году премьер-министр страны Пол Китинг (Keating) выступил с речью, которая стала свидетельством того, что многие австралийцы, в том числе многие представители государственной власти, признают факты жестокого обращения с местным населением. Выступая перед аборигенами в Сиднее, он, в частности, сказал:

«Именно мы захватывали чужие земли. Мы разрушали традиционный уклад жизни. Мы принесли болезни и спиртное. Мы совершали убийства. Мы отбирали детей у их матерей. Мы осуществляли политику дискриминации. Мы действовали так в силу нашего невежества и предрассудков. За редким исключением мы поступали не так, как подобает человеку, и оставались для аборигенов чужаками. Никто из нас не задался вопросом: "Каково бы пришлось мне, если бы так обращались со мной?" Мы деградировали, сами того не замечая».

В 1992 году Верховный суд Австралии вынес решение чрезвычайной важности: он признал законными исторические права коренного населения этой страны на владение землей. Так был разрушен двухсотлетней давности миф, лежащий в основе всей правовой системы государства, согласно которому до приезда белых колонистов Австралия могла считаться в юридическом отношении незанятой территорией (*empty land*).

Постепенно между представителями различных рас стали устанавливаться отношения взаимного уважения. И все же один из наиболее болезненных эпизодов истории постоянно напоминал о себе: последствия того, что в свое время проводилась практика отчуждения детей у их родителей-аборигенов, оказались неизгладимыми. Опубликованная в 1977 году книга аборигенной писательницы Маргарет Такер (Tucker) *If Everyone Cared* привлекла к этой теме внимание австралийской общественности.

Эта книга заставила читателей по-иному взглянуть на широко распространенное мнение, согласно которому власти, отбирая детей у родителей, на самом деле вызволяли их из ужасающих условий существования. Вот рассказ писательницы о том, как ее саму отбирали у матери:

«Мы буквально повисли на нашей матери, и она решительно заявила: "Это мои дети, и они не пойдут с вами". Полицейский, который, конечно же, исполнял свой долг, похлопал ладонью по наручникам, которые висели у него на поясе в кожаном чехле. Мэй и я подумали, что у него там револьвер. "Миссис Клементс, — сказал полицейский, — если вы помешаете нам забрать этих детей, мне придется прибегнуть к этому средству".

Испугавшись того, что полицейский застрелит нашу маму за то, что она пытается остановить его, мы закричали: "Мамочка, мы пойдём с ним, мы пойдём". Я не могу забыть ни малейшей детали этой истории, она стоит у меня перед глазами, как будто все это происходило только вчера. Даже когда я вижу, как у кошки отбирают ее маленьких котят, я заново переживаю весь этот кошмар. А ведь прошло уже шестьдесят лет».

Книга Маргарет Такер замечательна тем, что в ней находит свое выражение возвышенное, благородное настроение духа. Автор пишет:

«Дело не в цвете кожи, и не в том, кто прав. Мы все должны понять, что на самом деле является правильным. Я совершила много ошибок и не всегда находила в себе силы их исправлять, но пока я жива, я молюсь о том, чтобы с Божьей помощью побеждать в себе дух ожесточения и ненависти, не давая ему поднять голову. Ненависть приносит больше вреда тому, кто ненавидит, чем тому, кого ненавидят. Она делает неэффективными все наши попытки преодолеть ту ситуацию, которая вызвала к жизни это чувство. Ненависть поддается излечению. Я знаю, потому что сама пережила это».

Члены Королевского комитета, расследовавшего причины смерти 99 аборигенов в Кастоди (*Custody*), выяснили, что 43 человека из погибших были в детстве разлучены со своими семьями. Этот факт привлек к себе самое пристальное внимание. Правительство поручило Комитету по правам человека и равным возможностям (*Human*

Right and Equal Opportunity Commission) начать государственное расследование обстоятельств отчуждения детей у аборигенов и жителей островов пролива Торреса. Расследование было поручено возглавить сэру Рональду Уилсону (Wilson) из Западной Австралии, бывшему во время Второй мировой войны пилотом «Спитфаера», а затем сделавшему блестящую юридическую карьеру. Его заместителем стал Мик Додсон (Dodson), специальный уполномоченный по социальной защите аборигенов и жителей островов пролива Торреса (*Aboriginal and Torres Strait Islander Social Justice Commissioner*).

Члены комитета, проводившего расследование, побывали в административных центрах всех штатов и территориальных образований, объехали большинство регионов Австралии. Во время общественных собраний и частных бесед они опрашивали представителей коренного населения, государственных и церковных служащих, бывших сотрудников различных миссий, приемных родителей, врачей, ученых, полицейских — всех, кто обладал интересующей информацией. В общей сложности 777 организаций и частных лиц дали свои показания и свидетельства, 535 из них были аборигенами, большинство из которых в детстве были разлучены с семьями.

Сэр Рональд пишет:

«Это расследование было не похоже ни на одно из тех, что я проводил прежде. Все предыдущие расследования представляли собой что-то вроде интеллектуального упражнения: нужно было просто сопоставлять факты и делать выводы. В данном же случае от людей потребовалось огромное мужество для того, чтобы они смогли рассказать о том, что с ними произошло. Их слова направлялись не умом, а сердцем. И для того, чтобы услышать их, я должен был открыть свое сердце.

Во время каждого допроса мы включали магнитофон и ждали, что будет дальше. Я вглядывался в лицо своего собеседника. Я видел, с каким напряжением ему удавалось сдерживать слезы. Но слезы все равно капали, хотя еще не было сказано ни единого слова. Наконец, преодолевая нерешительность, наш собеседник начинал свой рассказ. Мы сидели и слушали. Перед нами раскрывалась сама душа рассказ-

чика, мы узнавали о тех событиях, воспоминания о которых десятилетиями были глубоко спрятаны от посторонних. Это было свидетельство сердца. И чтобы понять его, я должен был держать свое сердце открытым.

Я начал понимать, что у аборигенов отбирали детей, потому что белые австралийцы считали этот народ помехой в своих делах. Их цель состояла в том, чтобы оторвать детей от своих национальных корней и приучить их жить в белой Австралии. Трагедия состояла в том, что когда дети выросли, они сталкивались с расизмом, процветающим в этой стране, и оказывались отвергнутыми тем самым обществом, к жизни в котором их до этого готовили».

Сэр Рональд возглавлял общину Пресвитерианской церкви в Западной Австралии. На попечительстве этой церкви был приют для «украденных детей» — Дом сестры Кейт (*Sister Kate's Home*). «Этот дом был моей гордостью. Дети жили в одноэтажных коттеджах, их воспитание было организовано по семейному принципу. Представьте себе, какую боль мне пришлось испытать, когда во время расследования я узнал о том, что в этом доме дети подвергались сексуальному насилию».

В апреле 1997 года по итогам расследования был подготовлен доклад объемом в 680 страниц, он назывался «Возвращение домой» (*Bringing Them Home*). В нем были изложены 54 рекомендации, в том числе предложения о выплате компенсаций и принесении официальных извинений, о внесении изменений в сфере образования, о социальной помощи детям аборигенов, о защите прав молодежи, о создании консультативных служб и о проведении дальнейших исследований. Доклад содержал также призыв к всенародному покаянию.

Однако затем к власти пришло другое правительство, которое решило, что коренные народы уже и так получили слишком много и что настала пора «качнуть маятник в обратную сторону». Этот доклад стал для них неудобен, и они приложили все усилия к тому, чтобы «похоронить» его.

Но в общественном сознании наступили перемены. Совет по примирению с коренными народами работал

уже в течение шести лет. В рамках его деятельности по всей стране были созданы сотни рабочих групп, объединявших в своих рядах как аборигенов, так и представителей других народов. В мае 1997 года в Мельбурне состоялся съезд этой организации. В его работе приняли участие 1800 делегатов. Съезду предшествовало проведение 100 региональных собраний по всей Австралии, число участников которых составило 12 тысяч человек. Сэр Рональд представил съезду свой доклад «Возвращение домой».

Для австралийцев этот доклад был настоящим потрясением. Этот текст стал бестселлером. Была подготовлена сокращенная версия доклада, вместе с которой общее число проданных экземпляров превысило 70 тысяч. По мнению корреспондента *Associated Press* в Канберре, опубликование этого доклада стало главным событием года. Раньше австралийцы были уверены в том, что у аборигенов забирают детей для того, чтобы спасти их от нечеловеческих условий существования и предоставить им возможность пользоваться благами европейской цивилизации. И в самом деле, кому-то из детей посчастливилось попасть в руки заботливых и бескорыстных людей. Но, как было показано в докладе, во многих случаях дело обстояло совсем иначе: жестокое обращение с детьми получило самое широкое распространение. В докладе утверждалось, что это была не просто ошибочная практика, но настоящая политика геноцида, целью которой было уничтожение аборигенов как самостоятельного народа. У многих такой вывод вызвал возмущение. Тем не менее в феврале 1998 года Роберт Манне (Manne), редактор журнала *Quadrant* написал: «Даже если обвинение в геноциде по отношению к людям, действовавшим с самыми благими намерениями, является спорным, факт остается фактом: практика отчуждения детей у аборигенов является одной из самых позорных, а возможно, и самой позорной, страницей в истории Австралии XX века».

Несколько месяцев спустя правительство объявило о своем намерении выделить в ближайшие 4 года 63 мил-

лиона долларов на воссоединение семей и оказание соответствующих юридических услуг.

Тем не менее правительство проигнорировало призыв принести официальные извинения, ссылаясь на то, что оно не может нести ответственность за действия своих предшественников. Также без внимания властей осталась концепция проведения общенационального Дня прощения, которой должен был знаменовать собой официальное и всенародное признание ошибок, совершенных в прошлом.

Многочисленные местные инициативные группы, в состав которых входили и аборигены, и белые австралийцы, на общем собрании приняли план проведения Дня прощения 26 мая 1998 года, ровно через год после того, как доклад был впервые представлен в парламенте. В статье, опубликованной в *Canberra Times* за 7 апреля 1998 года, Джон Бонд (Bond), член Комитета по проведению общенационального Дня прощения, писал:

«У нас ушло более 20 лет на то, чтобы оказать почести нашим ветеранам войны во Вьетнаме. Нам было стыдно за то, что наше государство заставило их принять участие в этих событиях. Еще больше времени нам надо на то, чтобы почтить целые поколения "украденных" людей, потому что мы испытываем еще больший стыд. Но во время Дня прощения мы воздадим им дань уважения, ибо они заслужили это. Стремление превозмочь свой трагический жизненный опыт выработало у многих из этих людей нестигаемую стойкость, наградило их чувством юмора и привило им способность к состраданию. В них наша страна обрела источник своей жизненной силы».

Идея проведения Дня прощения была решительно поддержана представителями различных церковных и общественных организаций, оказавших свое содействие в подготовке и изучении соответствующих материалов. Одна из общин даже выпустила «Книги прощения» (*Sorry Books*), в которых каждый мог выразить свое сожаление по поводу политики насильственного отчуждения детей. В результате было распространено более 1200 таких книг, в которых около 400 тысяч человек оставили свои записи.

В этих книгах нашло свое выражение глубокое чувство сострадания, проявленное австралийцами по отношению к коренным жителям своей страны. Молодые и пожилые, представители самых различных слоев общества, иногда даже те граждане, кто с трудом находил в себе силы писать понятно и красиво, выражали свои чувства такими словами: «Надеюсь, что этот день станет началом новой жизни, и мы с надеждой будем смотреть в будущее»; «Я не чувствую себя виновным, но мое сердце наполнено чувствами сожаления и стыда»; «Простите меня за ужасные страдания, причиненные людям»; «От всего сердца прошу прощения за все несправедливости, выпавшие за эти годы на долю вашего народа. Конечно, одних моих слов недостаточно, но в этот день я хочу обратиться именно с таким покаянием».

Иногда в этих книгах можно встретить записи, авторы которых выражают возмущение по поводу самой идеи просить прощения. Также там иногда встречаются критические замечания в адрес премьер-министра: «Я не считаю себя виновным, но со всей определенностью заявляю, что сожалею о происшедшем. Джону Ховарду (Howard) и его правительству следовало бы выступить с таким же заявлением».

Одно послание, украшенное изображением цветка, имеет лаконичную подпись: «Мама из Канберры». Вот, что там написано: «Прошу прощения за ту боль, которая была причинена вам. Надеюсь, что слова, написанные в этой книге, помогут исцелить ее, и все австралийцы смогут лучше понять, каким удивительным духовным и культурным наследием могут поделиться с ними коренные жители нашей страны. Пусть обращения, написанные на этих страницах, помогут преодолеть отчаяние и породить надежду и любовь».

Во время общенационального Дня прощения в больших и малых городах и поселках состоялись сотни торжественных церемоний, в ходе которых эти книги вручались старейшинам аборигенов, представителям «украденных поколений». Тысячи школ и церквей приняли участие в мероприятиях. В административном центре

Западной Австралии городе Перт в кафедральном соборе Англиканской церкви представители различных церквей от имени своих единоверцев выступили с покаянием по поводу политики отчуждения. На этом представительном собрании выступил бывший председатель Совета по примирению с коренными народами Патрик Додсон. Он, в частности, сказал: «Знайте, в сердцах молодых австралийцев живет стремление войти в следующее столетие под знаменем примирения. Я могу прожить и не получив извинений с вашей стороны, но на этот путь надо вступить во имя единства нашего народа».

На юге Австралии, в столице штата Южная Австралия Аделаиде, был торжественно открыт памятник «украденным поколениям». Высеченная из гранита пустая колыбель омывается водой, символизирующей слезы отнятой у родителей аборигенной девочки. В качестве подписи — слова из свидетельских показаний Фионы: «И каждое утро, лишь только всходило солнце, плач охватывал всю семью. Так прошло 32 года, пока, наконец, мы не встретились снова. Кто может себе представить, что пришлось пережить моей матери? Но надо научиться прощать».

Мэр Мельбурна (штат Виктория) вручил символические ключи от города представителям «украденных поколений». В этот день во всех церквях города звонили колокола. Две тысячи человек присутствовали на экуменической службе в соборе св. Павла. На собрании в городской палате председательствовала Димити Файфер (Fifer), член Совета по примирению с коренными народами. Она обратилась к присутствующим с такими словами: «Примирение, как и любой процесс установления взаимоотношений, иногда требует больших усилий. Мы учимся слушать друг друга и подчас начинаем упорствовать, когда слышим не то, что мы готовы воспринять. Для того, чтобы слушать, надо иметь мужество и силу, и когда мы оказываемся способными проявить такие качества, это делает нам честь и как нации, и как личностям».

В Сиднее (штат Новый Южный Уэльс) тысячи людей собрались в Оперном театре. Событие освещалось по об-

щенациональному радио. В программе выступила Эйвис Гэйл (Gale), женщина-аборигенка, которую отобрали у матери уже через неделю после рождения. Принимая извинения, она сказала, что тоже должна попросить прощения. В ее душе растет сильное стремление научиться любить своих бывших врагов. Эйвис рассказала, что испытала огромное душевное волнение, когда ее в числе других пригласили принять извинения у членов синода Объединенной церкви Австралии. В возрасте восьми лет она выражала свой протест против заведения, в которое ее насильственно поместили, тем, что бросала в костер все экземпляры Библии, которые ей попадались в руки. Ей сказали, что за это она попадет в Ад. Так у нее на ноге появилась татуировка — буква «Н» (первая буква английского слова «Hell» — «Ад». — *Прим. пер.*). То, что церковь принесла извинения за свое участие в политике отчуждения детей, глубоко потрясло Эйвис. Она поняла, что должна в свою очередь попросить прощения. Одного за другим она с мучениями вычеркивала из своего «черного списка» всех тех, к кому относилась с ненавистью, а таких набралось примерно 20 человек. Она простила их. Она перестала чувствовать себя жертвой тогда, когда поняла, что на свете есть люди, которых она сама обидела и у кого теперь должна попросить прощения. «Когда-нибудь им предстоит встретиться с Создателем, — говорит Эйвис, — и мне тоже предстоит эта встреча».

По поводу общенационального Дня прощения законодательными собраниями штатов были приняты соответствующие резолюции. Австралийский сенат отметил это событие минутой молчания. Также минуты молчания проходили во всех тюрьмах штата Квинсленд. События Дня прощения стали главной темой газетных комментариев и радиорепортажей. По всей стране звучала специально написанная по этому поводу песня «Верните детей» (*Took the Children Away*). Ее исполнил певец-абориген Арчи Роач (Roach).

Луиза «Лоуития» О'Донахью (O'Donoghue), первая и пока единственная представительница народа аборигенов, выступавшая перед Генеральной ассамблеей Орга-

низации Объединенных Наций, сказала, что этот день стал «важной вехой на пути к примирению». Она представляет народ, существующий уже более 60 тысяч лет. Именно ее предкам изначально принадлежала территория, на которой находится знаменитая скала Улуру (*Ayers Rock*). И вот ей пришлось провести первую половину жизни, даже не имея гражданства. В двухлетнем возрасте ее забрали из семьи. Так же как и Эйвис, она только спустя 30 лет смогла встретиться со своей матерью. В ответ на принесенные ей извинения она отвечала: «Мы прощаем вас за то, что вы отбирали наших детей у матерей, отрывали их от семьи, от нашей культуры, отнимали у них землю и лишали родного языка. Но не спрашивайте прощения за ту боль и страдания, которые мы перенесли за эти годы».

Через 4 месяца после общенационального Дня прощения в Большом зале Дома Парламента (*Great Hall of Parliament*) состоялся торжественный прием. Более 700 государственных и общественных деятелей, чиновников высшего ранга, дипломатов, политиков, предпринимателей, а также членов их семей собрались вместе для того, чтобы «засвидетельствовать единство нации». Среди присутствовавших были как представители аборигенов, так и представители многих других этнических групп, составляющих население Австралии. Министр по делам иммиграции и вопросам межнациональных отношений Филипп Радок (*Ruddock*) назвал эту встречу «поворотным пунктом в развитии диалога между различными культурами».

Председатель Совета по примирению с коренными народами Эвелина Скотт (*Scott*) сказала: «Многие жители нашей страны, в особенности аборигены, а также австралийцы азиатского происхождения чувствуют, что фундаментальным ценностям нашего общества угрожают невежество и фанатизм. Эта угроза исходит от тех людей, кто хотел бы навязать нашим народам роль козла отпущения за собственные неудачи. Я глубоко тронута тем вниманием, которое сегодня нам было оказано. Я убеждена в том, что примирение должно стать

всенародным делом, и сегодняшнее событие еще раз подкрепляет мою уверенность».

Отмечая первую годовщину Дня прощения, комитет, проводивший подготовку этого мероприятия, призвал австралийцев принять участие в «Походе исцеления», организованном под патронатом бывшего премьер-министра страны Малькольма Фрезера (Fraser) и председателя рабочей группы «Украденных поколений» Кэрол Кендал (Kendall). Исходной точкой похода стала монолитная скала Улуру, находящаяся в самом сердце Австралийского континента. Газета *Sydney Morning Herald* посвятила этому событию статью под заголовком «Новый знак надежды» (*Radiating from the Rock, new ritual of hope*).

7 апреля 1999 года газета *The Age* опубликовала статью Малькольма Фрезера, занимавшего пост премьер-министра с 1975 по 1983 год. В статье, озаглавленной «Почему мы должны просить прощения» (*Why we must say sorry*), говорилось:

«Трудно принять правдивую информацию о прошлом своей страны, если она расходится с тем, чему нас учили на протяжении жизни нескольких поколений. До тех пор пока те австралийцы, чьи предки были колонистами на этот континент, не найдут в себе мужество беспристрастно взглянуть на свое прошлое, никакого примирения с аборигенами им достичь не удастся. Подлинное примирение выражается не только в осязаемых поступках, оно обязательно должно проникнуть в души людей. И именно поэтому особое значение приобретает прощение за ошибки, совершенные в прошлом. Подлинное покаяние состоит не только в том, чтобы сказать: "Я виновен". Необходимо признать, что в нашем обществе была нарушена справедливость, и что мы все сожалеем об этом. Самое главное — это исцеление человеческих душ. И мы в силах это сделать. Когда мы просим прощения, мы не просто выражаем свое несогласие с действиями определенных лиц. Подлинное покаяние — это выражение нашего отношения к определенным поступкам, а не критика поведения отдельных людей, которые жили совсем в другое время и преследовали другие цели. Мы просим о прощении и, тем самым, даем понять, что с современной точки зрения так поступать было нельзя».

Гатжил Джеркура (Djerrkura), руководитель одной из крупнейших организаций австралийских аборигенов, дал такую оценку акции «Поход исцеления»: «Оно дало начало активным процессам преобразований по всей стране и способствовало тому, что самые обыкновенные люди, обыватели, приняли участие в обновлении общества».

Идеология «Похода исцеления» включает в себя три основных положения:

Во-первых, это признание тех несправедливостей, которые были совершены в прошлом. Акцент делается не на персональную ответственность отдельных лиц, а преодоление последствий совершенных ошибок. Необходимо научиться понимать историю своей страны, а не замалчивать события прошлых лет.

Во-вторых, это стремление приложить усилия для исправления ситуации, которая возникла в результате осуществления политики насильственного отчуждения детей у аборигенов. Речь идет о таких последствиях, как разрушение семей, утрата национальной принадлежности, распространение различных заболеваний и психических расстройств, отсутствие знания родного языка, потеря связи с традиционной культурой и исторической средой обитания, утрата у людей родительских навыков.

В-третьих, важнейшей целью провозглашается единство общества, для достижения которого необходимо научиться слушать и понимать друг друга, преодолеть такое явление, как расизм, победить предрассудки и забыть обиды прошлого, разделяющие народы Австралии. Мудрость, являющаяся достоянием каждого из народов, должна быть поставлена на службу всему обществу.

«В прошлом году австралийцы сделали первый шаг: они попросили прощения. Следующим шагом должно стать преодоление все еще сохраняющихся последствий совершенных ошибок», — писал Джон Бонд в статье, опубликованной в *Australian Medicine*. Автор призвал врачей приложить все свои силы к исцелению австралийского общества, к тому, чтобы всячески развивались и поддерживались местные инициативы, направленные на укрепление здоровья нации.

«Поход исцеления» возглавили представители «украденных поколений», те, кто, являясь пострадавшей стороной, решили взять в свои руки процесс исцеления ран, нанесенных людям самых разных национальностей. Среди них была и Фиона, рассказ о жизни которой помещен в начале этой главы. Вот, что она сказала: «Перенесенные страдания сделали нас сильными и мужественными людьми. Мы понимаем, как страдают другие, и умеем проявлять сочувствие. Главное, чтобы в наши сердца не проникли уныние, ненависть или гнев. Только прощая, мы исцеляемся сами».

Другой женщиной, ставшей во главе манифестантов, была Одри Кинир (Kinear), советник по вопросам охраны здоровья канберрского Комитета по делам аборигенов и жителей островов пролива Торреса. В 1998 году она представляла доклад «Возвращение домой» в Центре международных конференций в Ко (Швейцария). Тогда она говорила: «Этот доклад рассказывает о страдании, о людях, о сохранении национальной культуры, о том, как прощать и просить прощения». Ее саму забрали из семьи в четырехлетнем возрасте, и ей пришлось провести детство в приюте. Ей было 28 лет, когда она снова встретилась со своей матерью. В течение долгих лет она даже не знала о своей национальной принадлежности. Иногда ей хотелось быть чистокровной аборигенкой, а иногда, наоборот, представительницей белой расы:

«Но для белой Австралии мы были изгоями. Мы не принадлежали ни к одному из народов. Я знаю, что многим не нравится выражение "украденное поколение", но оно вполне соответствует сути вещей. У нас украли все — семьи, родной язык, наше общество, нашу культуру, даже само чувство национальной принадлежности. Все это вернуть невозможно. Члены моей семьи, аборигены, помогли мне исцелиться. Они поняли и приняли меня. Общенациональный День прощения сделал исцеление реальностью, о наших страданиях узнали все. Представители других народов Австралии просили у нас прощения, это дало нам право не скрывать своей боли и слез. В этот день я вдруг поняла, что наш народ больше не является жертвой».

26 мая 1999 года по всей Австралии проводились мероприятия в рамках акции «Поход исцеления». В Канберре тысячи людей собрались в Большом зале парламента. Их встреча завершилась коллективным исполнением песни, написанной двумя аборигенными авторами:

Пойдем в поход, «Поход исцеления»,
И пусть нас дух ведет.
Возьмемся за руки, друзья,
Вперед наш путь идет.
Мы больше не должны молчать.
Сердца излечим, боль мы победим.
Вернем украденных детей
И веру в счастье им дадим.
Вперед, друзья, нас ждет поход.

Австралия сегодня сталкивается с трудностями, вызванными проблемой справедливого распределения земельных угодий между аборигенами и остальными гражданами. Во многих странах похожие ситуации привели к серьезным конфликтам. Проведение «Похода исцеления» дает австралийцам надежду на то, что они смогут избежать эскалации напряженности, выработав такое конструктивное решение, которое позволит справиться с этой проблемой не только в Австралии, но и везде, где она возникает.

28 мая 2000 года Совет по примирения с коренными народами проводил Марш в поддержку движение примирения. Мероприятие проходило на мосту в гавани города Сидней. В дни, предшествующие маршу, было сделано немало прогнозов относительно возможного числа участников этого события. Но все прогнозы были побиты — в марше приняли участие 250 тысяч человек. Примеру Сиднея немедленно последовали другие города. В Мельбурне такое мероприятие собрало уже 300 тысяч участников. Всего около 1 миллиона человек приняли участия в Маршах в поддержку движения примирения.

В том же году в Сиднее проходили Олимпийские игры. Кульминацией церемонии открытия соревнования стало зажжение олимпийского огня аборигенной бегунь-

ей Кэти Фримэн. Вся страна наблюдала за ее финальным забегом на 400 метров. Победа Кэти стала для австралийцев настоящим праздником. Выступая на церемонии закрытия Олимпиады, участники самой популярной в Австралии рок-группы *Midnight Oil* вышли на сцену в майках с надписью «Sorry!» («Простите!»). Вслед за ними под аплодисменты 90—100-тысячной аудитории выступил аборигенный фольклорный ансамбль *Yothu Yindi*. Австралийцы показали, что они гордятся культурным наследием коренных народов своей страны.

**Ярмуку, старейшему из племени Улупна,
похороненному 14 августа 1959 года
в Куммерагунье на реке Муррей**

Изношенное тело лежит на безмолвной земле,
Вокруг деревья, склонились золотые кроны,
Река неспешный свой продолжает путь,
Ветер шелестит травой — что можно к этому еще
добавить?

Ты, последний, кто знал язык своего племени,
Покойся с миром на своей земле, среди своих
предков.
Вековая несправедливость, возвышающаяся над
твоей могилой,
Выступает посреди величественного и полного
глубокого смысла молчания.

За те известные и неизвестные болезни, которые
твои люди
Получили от нас, тех, кто убивал посредством пуль,
топоров и своей гордыни,
За то, что были мы слепы, как камень; за то, что мы,
Прикрываясь добрыми намерениями, отбирали у
тебя детей.

Что сможем мы ответить, когда твой дух восстанет
из могилы
И проклянет детей наших детей?
Ты восстанешь, но сострадание будет в твоём
взгляде.

Ты простишь нас раньше, чем мы посмеем об этом попросить.

Пламя справедливости и любви будет бушевать в тебе,

Не зная злобы, сражался ты со злой судьбой.

Мы отняли у твоих отцов их землю и их жизни,

Но ты отказался от ненависти, доставшейся тебе в наследство.

Ты отдал жизнь свою всю, без остатка, тем, кого любил,

К кому судьба была жестока и несправедлива.

Спи спокойно, но пусть твой пылающий дух останется с нами,

Пока камень наших сердец не переплавится в живую плоть.

Майкл Твайтес (Thwaites), The Honey Man

За радугой: Взгляд с мыса Доброй Надежды

«Я всегда знал, что глубоко в сердце каждого человека живет милосердие и великодушие. Чувство ненависти к людям, имеющим другой цвет кожи, другое происхождение или исповедующим другую религию, ни у кого не является врожденным. Ненависти приходится учиться. А раз люди могут научиться ненавидеть, то, значит, их можно научить любить друг друга, тем более что любовь куда более свойственна человеческому сердцу, чем ненависть. Даже в самые тяжелые времена, когда тюрьма испытывала на прочность меня и моих товарищей, мне иногда удавалось обнаружить у одного из своих охранников признаки проявления гуманизма. Это вдохновляло и придавало мне новые силы».

*Нельсон Мандела,
президент Южно-Африканской Республики
с 1994 по 1999 год*

«Вся Южная Африка пропитана Нельсоном Манделой».

*Фейзл Рангера (Randera),
член Комиссии по примирению
и установлению справедливости
(Truth and Reconciliation Commission)*

В 80-е годы XX века никто из тех, кто представлял себе положение дел в Южно-Африканской Республике, не

решился бы поставить на то, что эта страна сможет достичь такого впечатляющего прогресса, какого она посредством мирных преобразований добилась к началу нового столетия. В то время почти никто не сомневался, что близится кровавая развязка. Еще в октябре 1985 года епископ (впоследствии архиепископ) Кейптауна Дезмонд Туту, один из тех общественных деятелей, кто приложил все усилия для мирного разрешения ситуации в этой стране, выступая перед Генеральной Ассамблеей ООН, предупреждал о том, что кровопролитие почти что неизбежно: «Наша страна стоит на пороге катастрофы. Только чудо или вмешательство Запада может предотвратить грядущий Армагеддон».

Слово «чудо» часто используется для описания того, как ЮАР перешла от господства белых к многорасовому правлению. «Для сегодняшнего мира выборы в ЮАР — это настоящее политическое чудо», — писал в *New York Times* Энтони Льюис. Год спустя королева Англии Елизавета II впервые за последние 48 лет посетила ЮАР. Она сказала: «Я снова приехала сюда, чтобы своими глазами увидеть это чудо».

Не вызывает сомнений, что мудрая политика руководителей страны, позволившая прийти к разумным, тщательно проработанным компромиссным решениям, была важным фактором, позволившим осуществить бескровную передачу власти. Еще одним решающим обстоятельством стало создание Комиссии по примирению и установлению справедливости. Именно благодаря ее деятельности южно-африканцы почти ежедневно могли получать сообщения о тех событиях, которые в течение долгого времени являлись предметом замалчивания.

Есть еще одно слово, с которого берет начало история новой Южно-Африканской Республики. Это слово «прощение». Угнетаемые на протяжении столетий чернокожие жители этой страны находят в себе силы смотреть не в прошлое, а в будущее. Для всего мира символом этой устремленности стал Нельсон Мандела (Mandela). По словам Дезмонда Туту, «Если бы Мандела и его товарищи не захотели прощать, мы бы не продвинулись вперед ни на

шаг». Дэвид Айкман в своей книге «Великие души» пишет, что Мандела «возвратил добродетель прощения в разоренное царство политики XX века».

После 27 лет заключения, 18 из которых прошли на острове Робен, Мандела сделал еще один шаг на пути, названном им в своей автобиографии «долгой дорогой к свободе»:

«Когда я вышел из тюрьмы, передо мной стояла задача освободить не только угнетенных, но и тех, кто их угнетал. Некоторые считают, что эта задача уже выполнена. Но я знаю, что это не так. На самом деле мы еще не свободны; мы добились права быть свободными, права на свободу от угнетения. Мы совершили лишь первый шаг, впереди долгий и трудный путь, до завершения которого еще очень далеко. Для того чтобы быть свободным, недостаточно сбросить цепи, необходимо научиться жить, утверждая и уважая свободу окружающих. Подлинное испытание нашей приверженности свободе только начинается».

Как подчеркивает Мандела, на этом пути будет немало трудностей. Прощение само по себе еще не приводит к созданию новых рабочих мест, не способствует повышению образовательного уровня населения и не помогает одержать победу над преступностью. Комиссия по примирению и установлению справедливости не способна положить конец коррупции или победить укоренившиеся предрассудки. Но без знания правды, без примирения, без прощения люди едва ли смогут справиться с существующими проблемами.

Есть еще одно понятие, которое наравне с прощением должно начать играть важную роль в жизни южно-африканцев. Без него, как считают многие жители этой страны, примирение невозможно. Речь идет о покаянии. Это не просто еще одна модная идея, популярная среди представителей самых различных слоев общества; как пишет Брайан Фрост (Frost) в своей книге *Struggling to Forgive*, южно-африканцы стремятся к установлению справедливости и к тому, чтобы восторжествовали законы любви. «Покаяние — трудный шаг, но с него начинается путь вперед; все другие пути для нас закрыты. Подлинное по-

каяние станет очевидным признаком того, что перемены совершились и что мы стремимся к новой жизни, не похожей на старую, и что смирение, порожденное подлинным покаянием, станет неотъемлемым атрибутом этой новой жизни».

18 марта 1990 года Вильгельм Фервурд (Verwoerd), внук основателя системы апартеида Хендрика Френча Фервурда, написал письмо Нельсону Манделе:

«Уважаемый г-н Мандела!

Перед Вами письмо личного характера. Я давно хотел написать Вам и даже чувствовал себя обязанным сделать это. В течение долгих лет мне хотелось высказать Вам свою благодарность за то, что в Вашем лице я вижу вдохновляющий пример настоящего государственного деятеля. Я хочу особо подчеркнуть, что поддерживаю выработанную Вами в тяжелой борьбе концепцию нерасовой демократии в Южной Африке. Мне не составило труда написать эти строки, но впереди меня ждет самая трудная часть моего письма.

Теперь, после Вашего освобождения, мне вдвойне тяжело писать Вам об этом. Чем больше я узнаю и читаю о Вас, чем внимательнее я изучаю трагическую историю нашей с Вами страны, тем глубже я убеждаюсь в том, что все могло случиться и по-другому, тем острее я чувствую свою личную вину за происшедшее и тем серьезнее мне представляется степень ответственности д-ра Х. Ф. Фервурда, человека, которого, по словам Чифа Лутули, "будут помнить как автора всех наших несчастий".

Прошлое изменить невозможно, никакими словами нельзя оправдать ту роль, которую сыграл мой дед в истории Вашего тюремного заключения, продолжавшегося долгие 27 лет. Будучи белым жителем Африки, я пользовался всеми благами, которые предоставляла мне система апартеида за счет других жителей нашей страны. Как внук создателя концепции "раздельного развития рас", человека, который более чем кто-либо еще ответствен за Ваши страдания и страдания многих других людей, я должен признаться, что очень глубоко сожалею обо всем происшедшем.

Я не могу попросить прощения от имени своего деда. В любом случае такая просьба была бы лишена смысла, потому что я слишком плохо представляю себе, через что Вам при-

шлось пройти за эти десятилетия. Но вот что я могу сделать, так это заверить Вас, что я и моя супруга сделаем все, чтобы слова, в которых мы просим у Вас прощения, превратились в конкретные дела. И пусть страна, в которой, согласно учению Фервурда, свободой пользовались лишь немногие избранные, обретет подлинную свободу для всех своих граждан. Я искренне надеюсь, что когда-нибудь мне представится возможность обсудить с Вами все эти вопросы при личной встрече. А пока я молю Бога о том, чтобы Он благословил Вас, Вашу семью и всю Африку».

Это письмо было опубликовано в автобиографии Фервурда «Мои ветры перемен», книге, которая стала вкладом самого Фервурда в дело примирения. Как белый человек, пользовавшийся всеми благами системы апартеида, он теперь раскаивается и стремится к восстановлению справедливости.

По ряду причин письмо так и не дошло до своего адресата. Однако позже Фервурд-младший имел возможность встретиться с Манделой и сказать ему все это лично. Во время беседы Мандела прежде всего осведомился о здоровье его бабушки. Он сказал: «Когда Вы увидите с ней, передайте ей, пожалуйста, мои самые лучшие пожелания. Не беспокойтесь о прошлом. Давайте вместе работать во имя лучшего будущего. У Вас, у представителя рода Фервурдов, есть большие возможности, люди будут прислушиваться к тому, что Вы говорите».

Для того чтобы найти в себе силы принять новые порядки, Вильгельму Фервурду пришлось проделать нелегкий путь, который он сам называет «небольшим путешествием». Ему, воспитанному в атмосфере приверженности идеалам белой Африки, предстояло многому научиться. Традиционные семейные отношения были поставлены под угрозу. Различные события помогли ему обрести более широкий взгляд на мир и расстаться с теми убеждениями, которые господствовали у него в семье.

В 1988 году в составе группы из десяти преподавателей и студентов Штелленбошского университета (*Stellenbosch University*) Фервурд совершил поездку по Малави, Замбии и Зимбабве. Он поехал, так как считал себя

африканцем, своим происхождением неразрывно связанным с этим континентом. Эта связь окрепла еще больше, когда он встретил самый радушный прием со стороны жителей этих стран. Как писал он позже, во время этой поездки он понял, что наивность, свойственная африканцам, отнюдь не принижает их человеческое достоинство и что до этой поездки он находился под влиянием лживой информации и целенаправленной пропаганды, цель которой — очернить происходящее в странах Африки. Он также понял, что руководствовался ошибочными представлениями, находился в плену тенденциозных и ограниченных суждений о действительности. «Умственные способности, задатки к управлению государством и экономикой, — писал он в 1989 году в издании «Свободный путь», — не находятся в прямой зависимости от расовой или национальной принадлежности».

Фервурд вернулся из этой поездки с убеждением, что узость политических взглядов определенной части белых южно-африканцев, чрезмерное внимание, проявляемое ими к политическим и культурным различиям между народами, ставит под угрозу единство Африканского континента: «Мы, белые жители ЮАР, живем в своем, замкнутом, мире, в своих оазисах благополучия, построенных благодаря политике апартеида и этнического социализма. Мы не желаем обращать внимание на тот ущерб, который нанесла эта политика другим африканским народам, и не замечаем, что тем самым подрываем основы своего собственного существования». Он начал осознавать, что подоплекой происходящих событий является столкновение различных систем миропонимания и что эта борьба «направлена не против белых жителей Южно-Африканской Республики, а против антигуманного и нелегитимного государственного и политического строя». Для того чтобы разрешить сложившуюся ситуацию, было необходимо проявить решительность, мужество и политическую волю, был нужен лидер, «хорошо разбирающийся в происходящих событиях и преданный идеалам нерасовой, всеобщей демократии».

Во время своей учебы в Нидерландах и в 1986 году в Оксфорде Фервурд познакомился с рядом книг, которые было невозможно найти у него на родине. Так, например, он прочитал книгу Дональда Вудса, в которой рассказывалась о Стиве Бико, который был лидером движения Самосознания черных и погиб в одной из южно-африканских тюрем в 1977 году. В Оксфорде к Фервурду многие отнеслись с подозрением из-за его фамилии и родственных связей с создателем апартеида. Возвратившись домой, он прочитал 120 книг и диссертаций, посвященных своему деду, и ни в одной из них он не обнаружил ни слова критики. Но, конечно, в этих книгах мнение чернокожих африканцев представлено не было. В 1991 году, в 25-ю годовщину со дня смерти деда, Фервурд сделал ряд важных заявлений для прессы. Вот цитата из этого интервью, помещенная в книге «Мои ветры перемен»:

«Политика раздельного развития рас на самом деле привела к тому, что благие намерения и возвышенные идеалы были использованы для оправдания безнравственных действий. Многочисленные несправедливости, которые стали результатом этой политики, привели к тому, что все благородные цели и намерения оказались обесцененными...

И сегодня, как никогда, мы должны помнить об этом. Тяжелое наследие, оставшееся от д-ра Фервурда, указывает нам на то, что мы, белые жители Южно-Африканской Республики, должны признать, что политика, автором которой был этот человек, не просто ошибочна, но и безнравственна. Часть ответственности лежит и на нас. Мы не имеем права убежать от этой ответственности, а должны активно работать на благо нашего общества, переживающего сегодня нелегкие времена. В этом состоит наш нравственный долг».

В 1992 году Вильгельм Фервурд вступил в Африканский национальный конгресс (АНК), партию Нельсона Манделы. Жена Фервурда, Мелани, является депутатом парламента от этой партии. В результате отец Вильгельма не смог с этим смириться и публично назвал сына предателем. Когда в 1994 году в Блумфонтейне¹ был демон-

¹ Блумфонтейн — административный центр Оранжевой провинции, ЮАР.

тирован памятник д-ру Фервурду, Вильгельм вместе с другими африканерами, такими как его отец, переживал тяжелые чувства, но тем не менее остался верен своим убеждениям. Свою автобиографию он закончил такими словами:

«Быть "белым" значит быть ответственным за многочисленные преступления, даже если "белые" совершали великие несправедливости, даже если понятие "белый южно-африканец" неразрывно связано с такими явлениями, как расизм, дискриминация женщин и фанатизм, даже если белые африканцы, христиане, выступали с оправданием всех этих преступлений, даже если белый человек по фамилии Фервурд стал для большинства людей олицетворением апартеида, я все равно не перестаю чувствовать себя белым африканцем и христианином; и я не должен стыдиться своей фамилии — Фервурд. Весь вопрос в том, как я живу, будучи тем, кем я являюсь. Смогу ли я, белый южно-африканский христианин Фервурд, преодолеть соблазн разрушительно-самоотрицания и найти в себе силы трудиться во имя примирения и преобразования нашего общества?»

Вильгельм Фервурд преподает политологию и прикладную этику в Штелленбошском университете. Он выполнил ряд исследовательских работ для Комиссии по примирению и установлению справедливости. Политика прощения, проводимая Манделой по отношению к белым гражданам его страны, считает он, «не позволяет нам примириться с тем, что мы совершили». Фервурд убежден: «Необходимо, чтобы те, кто причинял страдания другим людям, сами осознали, насколько велики были эти страдания». Процесс покаяния только начинается, и, по мнению Фервурда, в его основе должны лежать конкретные действия по возмещению нанесенного ущерба и восстановлению справедливости.

В ноябре 1990 года произошло событие, в значительной мере способствовавшее тому, чтобы белое население Южно-Африканской Республики выразило свое согласие с новой политической системой, установившейся в этой стране. Значение этого события особенно велико в свете той роли, которую Церковь и религиозные общи-

ны сыграли в процессе примирения между народами ЮАР. В одном из отелей в окрестностях города Рустенбурга, находящегося к северо-западу от Йоханнесбурга, состоялась первая за последние 30 лет конференция, участие в которой приняли руководители всех церквей Южно-Африканской Республики, в том числе и представители Голландской реформатской церкви (Dutch Reformed Church), прихожанами которой являются белые граждане этой страны. В работе конференции приняли участие 230 религиозных лидеров, представляющих 80 различных конфессий. Наверное, это была наиболее представительная встреча руководителей церквей в истории ЮАР. Архиепископ Туту говорил: «Если бы в сентябре 1989 года нашелся человек, утверждавший, что в ноябре 1990 года представители практически всех церквей ЮАР соберутся на общенациональную конференцию, большинство из нас сочли бы такого предсказателя ненормальным и посоветовали бы ему обратиться к психиатру».

Дезмонд Туту, лауреат Нобелевской премии мира 1984 года, подчеркнул в своем выступлении, что те, кто совершал несправедливые действия, должны приложить все свои усилия для компенсации причиненного ущерба. «Допустим, я украл у Вас авторучку. Я говорю: "Простите меня, пожалуйста", а сам продолжаю держать Вашу ручку у себя. Разве это будит подлинное покаяние? Только вернув украденное, я продемонстрирую, что действительно раскаиваюсь. Это будет настоящее покаяние. Тогда произойдет примирение. За примирение всегда надо платить».

В своем ответном выступлении Вили Джонкер, авторитетный профессор богословия Штелленбошского университета, отложив заготовленный ранее текст, вынужден был засвидетельствовать: «[Я] исповедуюсь перед вами и перед Господом не только в своих грехах и преступлениях, не только в тех ошибках, которые были совершены мною в таких областях, как политика, экономика, социальная сфера и организация общественной жизни, в результате чего до сих пор страдаете вы и вся наша стра-

на, но как пастырь от имени всей Голландской реформатской церкви, членом которой я являюсь, и от имени всех белых жителей Южно-Африканской Республики я исповедуюсь перед вами».

Архиепископ Туту прореагировал на это следующим образом:

«Слова профессора Джонкера глубоко затронули меня и, я уверен, всех здесь собравшихся. Он публично исповедался перед нами и попросил прощения. К этому моменту мы были приведены самим Богом, и, говоря от своего имени, я чувствую себя очень неловко. Когда мне говорят: "Прости меня", я не могу ответить отказом. Иначе я просто не смог бы молиться так, как молимся мы все: "Прости нам, как мы прощаем..." Но и моя церковь тоже должна исповедаться. Моя церковь должна исповедаться в том, что проводила политику расизма. И я как человек с черным цветом кожи должен исповедаться. Ведь я тоже часто относился к другим членам нашего общества так, как будто они не являются детьми Божьими. В нашем общем грехе есть и моя доля».

На той же неделе конференция приняла документ, получивший название Рустенбургская декларация. В ней говорится: «Исполнившись духа смирения и раскаяния, мы просим прощения у Бога и у всех, кто живет в ЮАР. Мы призываем прихожан наших церквей присоединиться к этому покаянию. Мы призываем правительство Южно-Африканской Республики присоединиться к нам и публично признать свою вину за те беззакония и несправедливости, которые в течение долгих лет творились в нашей стране».

Епископ Методистской церкви Стэнли Могоба, проводивший богослужение, которым завершалась Рустенбургская конференция, принял христианскую веру, находясь в заключении на острове Робен. В Рустенбурге он рассказал о тех суровых испытаниях, которые ему пришлось вынести и выразил надежду на то, с Божьей помощью жителям ЮАР удастся очистить свою страну от расизма и порожденной им взаимной ненависти. В телевизионном интервью по поводу вручения ему Всемирной методистской премии мира Могоба сказал: «Нахо-

дьясь на острове Робен, было очень трудно прощать людей, причинивших тебе так много зла. Однако гнев пожирает тебя самого, а не того, на кого это чувство направлено».

В период с 1974 по 1994 год в мире действовало около 15 комиссий, задачей которых было установление истины относительно тех или иных исторических событий. Они работали в Боливии, Чили, Аргентине, Сальвадоре, Уганде, Чаде, Эфиопии, Руанде, Германии. Некоторые из этих комиссий финансировались ООН, некоторые получали поддержку от неправительственных организаций. Сразу после вступления в должность президента Нельсона Манделы в 1994 году правительство национального единства объявило о намерении основать Комиссию по примирению и установлению справедливости. Деятельность комиссии должна была способствовать преодолению обществом тяжелого наследия прошлого. Через год такая комиссия была создана специальным решением парламента. Перед ней были поставлены четыре основные задачи: установление наиболее полной картины происшедших в стране событий; подготовка материалов для амнистии за преступления, совершенные в ходе борьбы с апартеидом; обеспечение восстановления человеческого и гражданского достоинства жертв режима апартеида; подготовка доклада по итогам проведенных расследований, включая выработку рекомендаций по возмещению ущерба пострадавшим от расистского режима. В комиссию было назначено 17 членов. В соответствующем постановлении комиссии говорилось о необходимости примирения и восстановления общественной жизни, указывалось на то, что южно-африканцам надо стремиться к взаимопониманию, а не к отмщению, к возмещению нанесенного ущерба, а не к возмездию. Возглавивший комиссию архиепископ Туту определил сущность такого подхода как средний путь «между теми, кто хочет забыть о прошлом, и теми, кто жаждет мести». Открывая первое рабочее заседание, он сказал: «Мы должны преподать всему миру урок — мы должны научить кое-чему народы таких стран, как Босния, Руанда и Бурунди. Этот урок состоит в том, что мы готовы прощать».

Слушания проходили в течение двух лет, и на их проведение было израсходовано около 30 миллионов долларов. По итогам своей работы комиссия подготовила доклад объемом в 3500 страниц. В ходе слушаний было принято примерно 20 тысяч заявлений о различных случаях нарушений прав человека. Далеко не каждый из тех, кто давал свидетельские показания, испытал чувство исцеления и душевного примирения. И все же, как сказано в докладе, были случаи, когда жертвы «проявляли удивительное стремление простить своих обидчиков, а те, кто были виновны в совершении несправедливых действий, просили прощения и выражали готовность участвовать в возмещении ущерба. Таким образом, зарождался процесс примирения и установления новых взаимоотношений».

Этот доклад представляет собой удивительный документ. Так, с использованием любимого прилагательного архиепископа Туту, писал о нем в лондонской газете *Independent* Андреас Витам Смит. «Удивительный? Да, благодаря мудрости и такту, проявленным Туту во время проведения слушаний. Да, потому что некоторые из показаний были пропитаны духом подлинного благородства. Да, даже несмотря на то, что авторы доклада неустанно свидетельствуют нам о несчастьях, о пытках и убийствах, о тех событиях, в которых находит свое выражение то, что Ханна Арендт называла "банальностью зла"». Смит заключает: что работа комиссии стала «настоящим прорывом» в деле национального примирения.

Ежедневно репортажи о слушаниях, проводимых комиссией, транслировались на всю страну. В каждом доме услышали не только леденящие душу рассказы о всевозможных страданиях, но и удивительные истории о прощении. На глазах архиепископа Туту нередко выступали слезы. Он говорил: «Я не перестаю удивляться великодушию тех, кто, став жертвой самого отвратительного насилия, с радостью принимает в объятия своих палачей, выражает готовность простить и жить в мире».

Но находились и те, кто отказывался ставить под сомнение правильность совершенных ими несправедливых по-

ступков. А некоторые отказывались прощать. Лишь немногие из тех, кто просил об амнистии, получили ее. Мать Стива Бико говорила перед смертью: «Да, я прощу убийц моего сына. Я христианка, и мы, христиане, умеем прощать. Но прежде я должна знать, кого и за что я должна простить, то есть мне нужно получить ответ на вопрос: что там произошло, и почему это произошло?». По мнению комиссии, тюремные служащие, допрашиваемые по делу об убийстве Бико, скрывали правду, и в итоге они не были амнистированы.

Пожалуй, наиболее страшным из всех свидетельств, представленных перед комиссией, был рассказ офицера полиции безопасности Джеффри Бенцина, который продемонстрировал, как он проделывал над заключенными пытку «мокрый мешок» (*wet-bag torture*). На глазах Эшли Форбса, ставшего в свое время жертвой этого палача, были видны слезы. Но вскоре в газете *Sunday Times* появилась статья под заголовком «"Я тебя прощаю за эту пытку", — говорит Форбс» (*I forgive torture cop, says Forbes*). Статья приводит слова бывшего политзаключенного: «Случай с Бенцином показал мне, что Комиссия по примирению и установлению справедливости может добиться очень многого. В ходе этого слушания все увидели, через что пришлось пройти и мне, и Бенцину. Я прощаю этого человека, и мне его жалко. С этого момента я могу жить спокойно». Форбс подчеркнул, что прощение еще не означает, что он готов примириться со своим палачом. И все же во время слушаний Форбс и Бенцин пожали друг другу руки.

В статье под заголовком «Прощаю палача, но не пытку», написанной Вильгельмом Фервурдом по поводу этого события, говорится, что, простив Бенцина, Форбс приобрел даже больше, чем его бывший мучитель:

«Он простил своего палача. Это произошло потому, что он смог возвыситься над самой пыткой и увидеть в Бенцине человека и проникнуться к нему жалостью. Выражаясь словами другого уцелевшего заключенного Тони Енжени, он смог "увидеть человека через холстину мокрого мешка". Именно в этом состоит сущность призыва архиепископа

Туту к прощению. Это призыв к тому, чтобы увидеть в преступнике человека, даже если его человеческая природа скрыта за "мокрым мешком".

В докладе говорится, что, «по словам свидетелей, давая показания, они делились своими страшными воспоминаниями с другими людьми и тем самым находили в себе новый источник умиротворения. Это подтверждается той уверенностью и спокойствием, которые можно было наблюдать во взгляде этих людей, когда они уходили после дачи показаний».

Лукас Сиквепере, подвергшийся пыткам и потерявший зрение в результате пулевого ранения, сказал после своего выступления: «Я чувствую, что именно невозможность поделиться с людьми своей страшной историей причиняла мне все эти годы невыразимые страдания. Теперь я вижу, что после того, как я пришел сюда и все рассказал, мучения отступили». Еще один заключенный, также не понаслышке знающий, что такое пытки, говорил: «Молчание прекратилось, я как будто проснулся от страшного кошмара». Индус, одно время мечтавший пробраться в парламент и расстрелять всех белых министров, сказал членам комиссии: «Я начал понимать, что ненависть — это бумеранг, который возвращается и больно бьет того, кто его запустил».

В ходе работы комиссии произошло немало запоминающихся встреч.

Так, Бет Сэвейдж выразила желание встретиться с человеком, бросившим в нее гранату, в результате взрыва которой женщина получила тяжелые ранения. Она хотела «простить его и выразить надежду, что и он простит ее, если она хоть в чем-то перед ним виновата». И такая возможность ей была предоставлена. После встречи с этим мужчиной, оказавшимся одним из командиров Народно-освободительной армии Азании, она заявила, что ее больше не мучают кошмарные воспоминания об этом событии. Бывший капитан военно-воздушных сил ЮАР Нэвил Кларенс, ставший жертвой террористического акта и потерявший в результате зрение, пожал во время слушаний руку боевику АНК Абубакеру Исмаилу,

принимавшему участие в подготовке этого нападения. Кларенс сказал: «Я не держу на вас зла». В передовой статье газеты *Sowetan* по этому поводу говорилось: «Великодушный поступок Кларенса несомненно станет символом надежды для нашего раздираемого противоречиями общества».

Давая оценку работы комиссии, генеральный прокурор Международного трибунала ООН по уголовным преступлениям судья Ричард Годстоун сказал следующее: «Для того, чтобы понять, каких успехов добилась Комиссия по примирению и установлению справедливости, нужно лишь представить себе, что бы происходило сегодня в ЮАР, если бы не деятельность этой организации». По его словам, работа комиссии станет «примером для всех, кто в следующем тысячелетии будет искать средства для борьбы с военными преступлениями и нарушениями прав человека». (Еще один рассказ о работе Комиссии по примирению и установлению справедливости приводится в 11-й главе этой книги.)

Подобно Вильгельму Фервурду, ставшему одно время изгоем среди своих родственников и знакомых, многие чернокожие африканцы, те, кто еще до свержения правительства белого меньшинства выступал против насильственных средств ведения борьбы, подвергались нападкам своих братьев и, несмотря на это, отстаивали свои взгляды. Даже тогда, когда это казалось просто невозможным, они верили в то, что придет время, и чернокожие жители ЮАР станут хозяевами своей страны. Именно такими мужественными людьми были Вильям Нкомо и Филипп Вундла. Избавиться от расистских предубеждений им помогли слова и конкретные дела тех белых африканцев, кто также осознал необходимость перемен в жизни своих соплеменников.

Вильям Нкомо был доктором медицины в Аттериджвилле и первым чернокожим президентом Южно-Африканского института межрасовых отношений. Первый из своих трех университетских дипломов он получил в Форт Харе. Там же зародился у него интерес к политике. В 1938 году он был избран представителем ЮАР на Всемирном

молодежном конгрессе мира, который проходил в США. Однако ему было отказано в получении паспорта. В Витватерсрандском (*Witwatersrand university*) университете Вильям стал первым африканцем, избранным в студенческий совет. Он вступил в Африканский национальный конгресс и в числе других его членов, таких как Нельсон Мандела, считавших деятельность этой организации недостаточно активной, стал одним из основателей Молодежной лиги Африканского национального конгресса. «Мы считали, что наши старшие товарищи слишком далеко заходят в заигрывании с властями, и хотели создать более динамичную и воинственную организацию, способную сражаться за свободу и независимость чернокожего населения». Он был убежденным сторонником вооруженной борьбы, революции и мечтал сбросить в море своих белых противников.

Затем Нкомо познакомился с группой белых студентов, изучавших богословие в Университете Претории. Они объяснили ему, что отказались от теории расового превосходства и хотят посвятить свою жизнь строительству новой ЮАР. По их мнению, в основе единства народов этой страны должно лежать стремление прислушиваться к голосу своей совести. Необходимо жить по правде, а не выяснять, кто прав, кто виноват. «Их искренность убедила меня. Уничтожать этих людей просто бессмысленно, и я уже не мог придерживаться своих старых взглядов», — говорил впоследствии Нкомо. «Меня так потрясла встреча с белыми националистами, которые нашли для себя новый смысл жизни и теперь были готовы просить прощения у нас, черных националистов, за то, что раньше они относились к нам с презрением и ненавистью. Я начал понимать, что вместо того, чтобы уничтожать этих людей, я могу вместе с ними внимать божественным наставлениям строить новую Южно-Африканскую Республику».

В 1954 году Нкомо, выступая на общественном собрании в городском конференц-зале Кейптауна, заявил: «Я поклялся сбросить белых в море. Затем я увидел, что белые изменились, и черные начали изменяться. И я тоже решил измениться. Теперь, вместе с тысячами других аф-

риканцев, я борюсь за то, чтобы наш континент стал свободен от ненависти, страха и алчности, за то, чтобы наши мужчины и женщины обрели подлинную свободу».

Вместе с Нкомо выступал один из лидеров белого меньшинства Джорж Дэниел (Daneel), министр по делам Голландской реформатской церкви, бывший спортсмен, выступавший в свое время за команду по регби *Springbok*.

В последующие годы Нкомо и Дэниел объединили свои усилия. Иногда чернокожие обвиняли Нкомо в том, что продался белым, в свою очередь белые африканцы говорили, что Дэниел занимает слишком мягкую позицию, позволяющую неграм добиваться своих целей. Противники Нкомо даже пытались поджечь его дом. Деятельность Дэниела в правительстве подвергалась нападкам президента Х. Ф. Фервурда, и он сам стал объектом преследования со стороны тайного общества белых националистов, так называемого «Братства» (*Broederbond*). Но у их позиции, направленной на формирование широкого общественного единства на нерасовой основе, нашлось немало сторонников. Так, в городе Аттеридже был организован день чествования Нкомо, продолжающего неустанно отстаивать права своего народа.

Однажды в Претории полицейский остановил машину Нкомо, нарушившего правила дорожного движения, и сильно ударил его по лицу. Нкомо получил серьезную травму глаза. Состоялся суд, признавший служащего дорожной полиции виновным, однако дело было закрыто. На какое-то время ярость снова охватила Нкомо, и нашлись те, кто начал призывать его к мести. «Помню, я сказал тогда, что мы слишком часто обращались за помощью к Богу, и, видимо, теперь настала необходимость прибегнуть к силе. Но когда я шел домой, Бог ясно дал мне понять, что происшедшее событие было делом рук всего лишь одного человека, и я не должен обвинять весь народ».

Нкомо скончался в 1972 году в возрасте 57 лет. Проститься с ним пришли 10 тысяч человек. Алекс Борэйн, председатель Конференции методистов, впоследствии ставший заместителем председателя Комиссии по прими-

рению и установлению справедливости, сказал о Вильяме Нкомо такие слова: «Все страдания, выпавшие на долю его народа, он переживал, как свои собственные. Он ни к кому не испытывал ненависти, но в борьбе против любой несправедливости он был подобен огненному смерчу».

Выступая на похоронах своего друга, Джорж Дэнил сказал:

«Когда я услышал его слова о том, что он преодолел в себе ненависть к белым людям, я подумал, что именно такие люди, как я, своим надменным и презрительным отношением к чернокожим порождали ненависть и гнев в сердцах представителей этого народа. Я покаялся перед Богом и публично попросил прощения. Возможно, каждый белый гражданин нашей страны, каждый белый человек, где бы он ни жил, должен пройти через это. С тех пор я, как и многие другие люди, среди которых есть представители различных рас, решил посвятить себя борьбе с теми несправедливостями, которые творятся в нашей стране».

Филипп Вундла (Vundla), близкий друг Вильяма Нкомо, всю свою жизнь находился в самой гуще борьбы за права африканского населения золотодобывающей провинции Трансвааль. Так же как и на Нкомо, на него огромное впечатление произвели перемены, которые он наблюдал у представителей белого населения.

В молодости Филипп работал на шахте в окрестностях Йоханнесбурга. Как-то раз ему пришлось наблюдать похороны ребенка, и тогда он подумал: «Как ужасно было бы умереть, не успев убить достаточного количества белых». Вундла стал активно участвовать в работе профессионального Союза африканских шахтеров. В 1952 году его избрали членом исполнительного комитета Африканского национального конгресса. Также он сотрудничал с изданием *Bantu World*. Вундла часто говорил своим товарищам: «Хороший белый — мертвый белый».

Однажды в гостях у Вундлы побывал Нико Феррейра, молодой белый африканец, служивший в департаменте по работе с местным населением. Ранее Феррейра возглавлял студенческую организацию одного из ведущих

университетов, где обучались белые. «Что ему надо? От белых всегда одни только неприятности», — прореагировал Вундла на сообщение о том, что Феррейра хочет с ним встретиться. Ничего, кроме ареста, от визита белых он не ждал. Но Феррейра сообщил своему собеседнику, что получил назначение на работу в их районе и зашел к Вундле просто познакомиться. Он сказал: «Я решил отказаться от своих старых предубеждений и начать новую жизнь, чтобы такие люди, как вы, могли доверять мне».

Скромность и искренность молодого человека поразили Вундлу. В свое время на Феррейру огромное влияние оказала встреча с Вильямом Нкомо. Мысль Нкомо о том, что любая доктрина, исключая какой-либо народ из процесса развития, не может соответствовать реалиям современного мира, перевернула представления Феррейры о жизни. После долгого разговора с Нкомо он проникся убеждением в необходимости перемен.

С тех пор Вундла, так же как и Нкомо, стал проводить более независимую политику. Целый скандал разгорелся по поводу забастовки учителей, организованной лидерами африканских националистов. Вундла выступил против этой акции, так как считал, что в результате ее проведения должны были пострадать дети. Кончилось дело тем, что его избili члены основанного им же самим местного отделения Молодежной лиги Африканского национального конгресса. Вундла нашел в себе силы пошутить по этому поводу: «По крайней мере, те, кто напал на меня, были моими учениками». Лежа на больничной койке он говорил: «Они могут убить меня, но никто не может уничтожить идеи, за которые я борюсь». Последователи Вундлы хотели отомстить за своего лидера, но, выйдя из больницы, он собрал их и заявил: «Мечь — не наш путь». Через несколько лет Вундла встретился с одним из нападавших, и они примирились.

Вундла продолжал свою работу в АНК и был избран председателем Консультативного совета, представлявшего 600 тысяч членов организации, проживающих в пригородах Йоханнесбурга. Когда он умер, 250 автомобилей и 10 автобусов составили траурную процессию. «Я понял,

что все добытое в результате насилия можно сохранить, лишь прибегая к еще большему насилию, — любил говорить Филипп Вундла. — Те, кто стремится к кровопролитию, готовы проливать чужую кровь, а не свою». И еще: «Законы невыносимы, и их пора менять. Меняться должны не только законы, но и сами люди».

Еще за два дня до своей смерти Вундла продолжал бороться против произвола властей, отстаивая права чернокожих вдов, над которыми после смерти мужей нависала угроза лишения права собственности на жилище. У Вундлы было мужество проводить политику, свободную от ненависти, в то время, когда его народ еще не добился свободы. Как пишет южно-африканский журналист Энтони Дуйган, Вундла и Нкомо «заложили фундамент, на который сегодня опираются те, кто выступает за прощение и примирение».

Мотлалепула Чабаку, спикер законодательной ассамблеи провинции Свободная (*Free State*), избранная также депутатом парламента страны, является продолжателем дела Нкомо и Вундлы в современной Южно-Африканской Республике. Вот что она говорит о Вундле: «В начале нам казалось, что он будет занимать слишком мягкую позицию. Но как бы не так! Он становился все сильнее и сильнее, у него были ясные цели, и он ничего не хотел для себя самого». И добавляет: «Южной Африке нужны такие лидеры, как Нкомо и Вундла, — неподкупные и свободные от личных амбиций. Ненависть — не самый лучший путь. Многие из нас ненавидят друг друга лишь потому, что мы придерживаемся разных позиций. Мы становимся рабами тех, кого ненавидим. Но на самом деле мы должны постараться убедить именно тех людей, кого мы больше всего ненавидим».

Нико Феррейра, тот самый молодой белый политик, который оказал такое сильное влияние на жизнь Вундлы, до конца остался верен своим убеждениям. Покаяние и прощения стали важнейшими элементами его политической программы. Феррейра, как и его жена Лоель, представительница англоязычной общины белых граждан ЮАР, считает, что подлинное примирение станет ре-

альностью только тогда, когда общество начнет уделять должное внимание таким проблемам, как преодоление бедности, сокращение безработицы и повышение образовательного уровня населения. С 1973 года они начали помогать африканцам создавать и развивать свои предприятия. 1990 год стал годом конфликтов, волнений, бойкотов и забастовок. Супруги Феррейра убедили членов своей общины города Штуттерхайма начать процесс примирения, неотъемлемой частью которого стали программы по развитию сельскохозяйственных предприятий и обеспечению занятости населения. В рамках этого процесса был создан Штуттерхаймский консультативный центр по развитию предпринимательства. Были выделены средства на оказание консалтинговых услуг, предоставление займов и льгот, позволивших чернокожим африканцам создавать свои собственные малые предприятия, такие как, например, небольшие магазины или строительные фирмы. Также проводилась подготовка кадров для этих предприятий. Когда режим апартеида прекратил свое существование, все эти программы были востребованы с новой силой и получили дальнейшее развитие.

К моменту основания Штуттерхаймского центра хозяйственная жизнь этого района, насчитывавшего около 50 тысяч жителей, находилась в состоянии упадка. Потребители бойкотировали товары, что привело к закрытию 14 предприятий. Жилищные условия чернокожего большинства населения были очень плохими. Отношения между представителями различных рас характеризовались обоюдным недоверием и подозрительностью. При апартеиде чернокожие получали лишь самое начальное образование. Кроме того, тяжелым наследием 1980-х годов стала практика бойкота образовательных учреждений: юные африканцы отказывались посещать школы, а их родители тоже не видели в этом необходимости.

В результате обсуждения на так называемом Штуттерхаймском форуме было решено, что в целях дальнейшего развития процесса примирения необходимо самое серьезное внимание уделить таким проблемам, как пре-

одоление бедности, сокращение безработицы и повышение образовательного уровня населения. Так был создан некоммерческий фонд развития, осуществивший в короткие сроки 35 различных проектов. Государство стало вкладывать средства в строительство школ. Одним из проектов стало создание детских садов, в которых усилиями педагогов и родителей дети получали необходимый уход и готовились к обучению в школе.

Давая оценку мероприятиям, проводимым в Штуттерхайме, профессор архитектуры и планирования Кейптаунского университета Дэвид Дьювер (Dewar) отмечал, что наиболее важным результатом проделанной работы стал рост у населения взаимного доверия и уверенности в будущем, развитие деловых и организаторских качеств у всех участников проекта. «В раздираемом противоречиями обществе, члены которого давно утратили доверие друг к другу, стало зарождаться чувство товарищества и взаимного уважения».

Многие сельскохозяйственные регионы ЮАР стали рассматривать Штуттерхаймский форум в качестве модели своего дальнейшего развития. Главная особенность этого метода состоит в разрешении конфликтов путем развития диалога и осуществления перспективных экономических программ. Во многих регионах страны началось изучение штуттерхаймского опыта. Специалистами из Штуттерхайма было разработано руководство по осуществлению программ развития сельских общин. Авторы подчеркивали, что это документ не является подробным планом необходимых мероприятий, а представляет собой именно руководство, пример новаторского, творческого подхода к удовлетворению насущных потребностей населения.

28 мая 1999 года *Los Angeles Times* опубликовала статью, рассказывающую об успехах, достигнутых в Штуттерхайме:

«Этот небольшой городок носит имя немецкого военачальника XIX века, когда-то в нем останавливавшегося. Население здесь в основном занято сельским хозяйством и заготовкой леса. Отношения между различными расами в этом

городе сильно изменились с колониальных времен. Впервые здесь можно увидеть черных и белых, работающих рука об руку. Далеко не все проблемы еще решены, но ситуация в этом городе с 30-тысячным населением заметно выделяется на общем фоне раздираемой межрасовыми противоречиями Южно-Африканской Республики. Здесь черные и белые убеждены, что им необходимо сотрудничать. Они равны и находятся в одинаковом положении».

Барбара Нусбаум (Nussbaum) рассказывает о Штуттерхаймском опыте в своей книге *Making a Difference*. Она считает, что осуществление программ экономического и социального развития дает новые возможности для разрешения политических противоречий и ведет к взаимному сближению позиций противоборствующих сторон. Она пишет:

«Преодолевая политические и иные, возникшие на исторической почве, противоречия, необходимо прилагать все усилия для скорейшего подъема жизненного уровня населения: решая проблемы, возникшие в прошлом, надо постоянно двигаться вперед».

Брайан Фрост в своей книге *Struggling To Forgive* дает такую оценку событиям, происходящим сегодня в Южно-Африканской Республике:

«ЮАР сделала огромный шаг вперед. Политика примирения, проводимая властями этой страны, не имеет аналогов в мире. В сознании людей происходят большие перемены, позволяющие каждому включиться в процесс примирения, преодоления былых разногласий и строительства нового общества, в котором будут гармонично сочетаться различные культуры и религиозные верования. Если так пойдет и дальше, то в XXI веке Южно-Африканская Республика может стать одним из лидирующих государств на международной арене».

После Страстной пятницы

«В меня вселяет надежду тот факт, что все больше и больше наших женщин, как католичек, так и протестанток, не перестают твердить мужчинам о том, что лучше сидеть за столом и мирно беседовать, чем безутешно рыдать на могиле близкого тебе человека. Эти слезы не окрашены в оранжевые или зеленые цвета. Это слезы горечи и скорби. Я никогда не поверю, что о человеке можно судить не по его характеру, а по тому, какую церковь он посещает по субботам или какого цвета его кожа. Достижение мира не есть дело католика или протестанта. Это дело любого христианина. Мир устанавливается не в результате действий политиков и военных. Он достигается совместными усилиями всех людей».

*Сэди Пэттерсон (Patterson),
All Her Paths Are Peace:
Women Pioneers in Peacemaking*

«Я не говорю: "Простите и забудьте!", я лишь говорю: "Помните и раскаивайтесь!"»

Отец Николас Фрейлинг (Frayling)

11 ноября 1998 года в Мессине (Бельгия), где некогда произошло решающее сражение Первой мировой войны, имела место удивительное событие. В 1917 году эта местность, служившая одним из стратегических пунктов немецкой армии, была атакована и взята под контроль британскими солдатами, входившими в состав 16-й и 36-й Ольстерских дивизий.

Необходимо отметить, что во время ирландской войны за независимость и последовавшей за ней гражданской войны погибло меньше ирландцев, чем в сражениях под знаменами английской армии. В период Первой мировой войны почти 250 тысяч ирландцев выразили желание сражаться за Великобританию. 15 тысяч из числа ирландских добровольцев тогда погибли. «В то время как герои ирландской войны за независимость в дни Пасхи 1916 года захватывали Главпочтамт и участвовали в столкновениях с Британской Армией, — писал Чарльз Гласс в 1995 году, — большая часть их сверстников, как католиков, так и протестантов, носили английскую форму и под флагом Великобритании шагали по французской земле. Признать этот факт — значит попытаться понять Ирландию с ее сомнениями и нерешительностью в вопросах об объединении и обретении независимости».

На церемонии в Мессине Ирландское Государство впервые публично почтило четверть миллиона своих граждан, которые во время той великой войны служили в армии Ее Величества и были до сего момента преданы забвению. Тогда же в их честь был установлен памятник, представлявший собой 33,5-метровую круглую башню, на изготовление которой пошло 400 тонн камня, прежде служившую фундаментом и стенами Маллингарской тюрьмы. Памятник открыла президент Ирландии Мэри Макализ в присутствии королевы Великобритании Елизаветы II и королевской четы Бельгии.

Мэр Мессины Жан Лифог выразил надежду, что этот памятник заставит людей задуматься о бессмысленности войны и насилия. В появившейся в *Irish Times* статье под заголовком «Историю снова делают во Фландрии» (*History made again on Flanders Field*) сообщалось следующее: «В вопросе о конфликте в Ирландии наметились тенденции к осознанию нецелесообразности военного противостояния. На центральной площади Мессины музыканты оркестра Ирландского Королевского полка, ранее называвшегося Ольстерским заградительным полком (столь ненавистным ирландским националистом), играли вместе с оркестром Британской Армии».

По мнению автора статьи в газете *The Irish Times*, самая лучшая речь из тех немногих, что были произнесены в этот день, принадлежала прежнему лидеру партии лоялистов Глену Барру, основавшему совместно с бывшим донегольским членом парламента Пэдди Харт движение «В надежде на примирение» (*The Journey of Reconciliation Trust*), результатом деятельности которого и стало строительство этого монумента. Барр предлагал увидеть в молодых строителях с Севера и Юга, участвовавших в сооружении монумента, ту силу, которая в будущем станет главным подспорьем в деле примирения. Он выразил надежду, что ни одному молодому ирландцу более не придется платить своей жизнью за свободу Ирландию. «Этот маленький цветок мака, — продолжил Барр, — совершенно безобиден, тем не менее мы сделали его символом возвращения дивизии в Ирландию». В завершении своей речи Барр призвал ирландских католиков сохранить этот символ и в будущем, «дабы после долгих 80 лет забвения предать миру и покою души юных героев, обретших свое последнее пристанище на поле боя».

Другим знаменательным для Ирландии событием была речь Тони Блэра, произнесенная в Ирландском парламенте в том же году, которая стала первым в истории выступлением английского премьер-министра в Дублине. Речь была обращена к собравшимся в зале сенаторам и членам Палаты представителей и транслировалась в прямом эфире по национальному телевидению. В ней Тони Блэр отметил, что вот уже целые столетия длится противостояние между Англией и Ирландией, причиняющее нестерпимую боль народам обеих стран. По словам английского премьер-министра, настало время пересмотреть историю взаимоотношений между странами и «попытаться забыть и простить все нанесенные друг другу обиды». Тони Блэр говорил об «исторической общности обеих государств, о схожести выпавших на их долю страданий», отмечая, что теперь необходимо «проникнуться общей надеждой на возможность нового этапа в истории межгосударственных отношений». Он не призывал сложить оружие, он лишь просил возвестить о победе мирного

пути в разрешении конфликтов. «Мы не должны быть заложниками нашей истории. Мы способны понять эмоции, вызванные теми трудностями, с которыми сталкивается Северная Ирландия. Но, находясь на пороге XXI века, нельзя поверить в то, что не существует иного пути развития, кроме убийств, терроризма и ненависти к иноверцам». Спикер Ирландского парламента Симус Паттисон оценил речь английского премьер-министра как значительный шаг на пути укрепления взаимоотношений между Великобританией и Ирландией.

Два других важных шага в этом направлении были предприняты еще за некоторое время до выступления английского премьер-министра в Ирландском парламенте. Вскоре после своего избрания Тони Блэр публично выразил сожаление по поводу инцидента, происшедшего более 150 лет назад, когда Британия оставила Ирландию без помощи во время голода, унесшего жизни более 1 миллиона ирландцев. Английский премьер-министр также возобновил расследование дела 25-летней давности о Кровавом воскресеньи, связанном с гибелью в Лондондерри 14 мирных граждан от рук британских десантников.

В течение многих лет религиозные разногласия среди христиан Северной Ирландии, сопровождавшиеся обоядной жестокостью и обильными жертвами среди населения (за четверть века более 3 тысяч убитых и 30 тысяч раненых), лежали пятном позора на репутации христианства в целом. Но в Страстную пятницу 1998 года в восточном Белфасте было подписано соглашение, которое получило одобрение подавляющего большинства ирландцев, принявших участие в проведенных по обеим сторонам границы референдумах. Важным шагом в этом направлении явилось присуждение Нобелевской премии мира в 1998 году двум крупнейшим североирландским политикам Дэвиду Тримблу и Джону Хьюму. Заслуга в подписании соглашения отчасти принадлежит женщинам Северной Ирландии, которые оказали помощь в поддержании мирного процесса. Тем не менее взрыв в городе Ома, происшедший вскоре этого события, показал, насколько ненадежной может быть подобная договоренность, если не

принимать во внимание накопившееся за долгие годы ожесточение. Так получилось и с предпринятой годом позже попыткой выполнить все пункты этого соглашения.

В последней четверти столетия инциденты, подобные происшедшему в Ома, часто заполняют собой первые полосы газет. Однако именно это время характеризуется небывалым в истории Ирландии оживлением взаимоотношений между противоборствующими группировками, когда протестанты молятся за католиков, а католики за протестантов. Именно сейчас все большее число общественных групп и организаций оказывается вовлеченным в мирный процесс и в откровенный обмен мнениями со своими историческими противниками. Важные инициативы были выдвинуты представителями Коримелла, Центра Христианского возрождения в Ростворе, Общества примирения св. Колумбана (Северная Ирландия) и Гленкрийского центра примирения (*Glencree Centre for Reconciliation*) (Ирландская Республика).

Процесс мирного урегулирования постоянно находится под угрозой, срывы каждый раз становятся импульсом для дальнейшего движения вперед. В 1987 году бомба, заложенная в День поминовения в Эннискиллене активистами Ирландской республиканской армии, послужила причиной гибели 11 протестантов, проводивших ежегодную службу в память о погибших на войне. Безусловно, это происшествие не было самым вопиющим случаем в истории Ирландии, где террористические акты — не такое уж редкое явление. Тем не менее здесь присутствовало нечто, что затронуло души всех католиков и протестантов, живущих как в Ирландии, так и в Великобритании, и возбудило в них чувства более глубокие, чем ненависть и жажда мести. Ирландский премьер-министр Чарльз Хоги поддержал призыв руководителей обеих церквей почтить память жертв этого взрыва минутой молчания на всей территории Республики Ирландия. В сообщении информационного агентства *Associated Press* говорилось следующее:

«Прокатившаяся по всей стране волна негодования по поводу убийства ни в чем не повинных людей во время молеб-

на породила решимость не допустить повторения подобного инцидента в будущем».

Широкий отклик у общественности вызвало телеинтервью с Гордоном Уилсоном, ставшим жертвой террористического акта. Он вместе со своей 20-летней дочерью Мэри оказался погребенным под обломками здания и держал ее за руку до последнего мгновения ее жизни. «Я никому не желаю зла», — сказал он на следующий день. Гордон и его жена Джоан жаждали мира, а не отмщения. «Сначала она кричала, — рассказывает Гордон о своей дочери, — а затем успокаивала меня, говорила: "Папа, я люблю тебя". Это были ее последние слова. И они были о любви. Так что я не могу омрачить память моей дочери призывом к ненависти и отмщению».

Корреспондент газеты *New York Times* писал: «Это трагическое событие обратило на себя особое внимание общественности благодаря словам Гордона Уилсона, так отчетливо выразившего свои чувства. Человеческое горе слишком часто остается в стороне при решении проблем насилия, когда на первый план выходят политические соображения». Королева Великобритании Елизавета II в своем ежегодном Рождественском обращении упомянула Уилсона, отметив, что нет ни одного человека, кто бы не был потрясен его словами. Зрители *BBC* избрали Уилсона Человеком года.

После телеинтервью лишившийся дочери отец получил 5 тысяч писем поддержки со всего мира. Лорд-мэр привез из Дублина Книги соболезнований с 45 тысячами подписей граждан Ирландской Республики. Кардинал Томас О'Файах, примас Католической церкви Ирландии, выступил по телевидению и публично попросил прощения у всех протестантов. Брайан Хэннон, протестантский епископ, в чью епархию входит Эннискиллен, произнес во время поминальной службы в Дублине следующие слова: «Господи, прости нас всех и каждого в отдельности за наши мысли и дела, ставшие причиной гнева и насилия».

Эта трагедия вызвала к жизни целый ряд инициатив, которые вселили надежду на продолжение процесса мир-

ного урегулирования. К примеру, правительства Великобритании и Канады учредили ежегодные стипендии, которые позволяют юным католикам и протестантам совместно посещать христианские общины в других странах мира. Учредители убеждены, что такие встречи несут в себе «дух Эннискиллена». Они распространяют веру в то, что великому злу может на смену прийти еще более великое добро, веру в это так искренне исповедовал Гордон Уилсон.

К сожалению, инцидент в Эннискиллене не был последним в цепочке террористических актов, организованных ирландскими боевиками. В 1993 году члены Временной Ирландской республиканской армии заложили бомбу в Уорригтоне (Англия), в результате взрыва погибли два ребенка и более 50 человек получили ранения (об отклике на это событие см. главу 11). По всей Великобритании, а также Ирландии, прокатилась волна сочувствия и поддержки пострадавшим от террористического акта. Сотни тысяч ирландцев поставили свои подписи в Книгах соболезнований. Гордон Уилсон, занимавший тогда пост сенатора Ирландского парламента, приехал в Уорригтон, чтобы разделить общее горе.

Уоррингтонская трагедия переполнила чашу терпения ливерпульского священника Николаса Фрейлинга (Frayling). Это был уже третий инцидент подобного рода. После него Фрейлинг уже не мог сидеть сложа руки.

В 1979 году, когда ирландскими террористами был убит член английской королевской фамилии Эрл Маунтбаттен, отцу Фрейлингу открылось новое видение проблем, существующих в этом регионе. Он понял, что в Ирландии не будет мира до тех пор, пока британская сторона не принесет покаяния в тех несчастьях и несправедливостях, которые испытал ирландский народ за сотни лет английского господства. Но тогда Николас Фрейлинг еще не был готов публично высказать свои мысли.

В мае 1985 года 27 человека погибли на брюссельском стадионе «Хейзель» в драке, случившейся после футбольного матча между «Ливерпулем» и итальянским «Ювентусом». В их смерти обвиняли некоторых болельщиков

английской команды. «Мы восприняли случившееся в Брюсселе как национальную трагедию, пятно позора легло на всех нас, — писала британская газета *Sunday Telegraph*, — и очень хорошо, что мы осознали это». По словам *Observer*, другой английской воскресной газеты, «Футбольные хулиганы поставили наш спорт на колени, и это стало тяжким бременем для всей английской нации».

Выдвинутые Ливерпулем инициативы позволили растопить холод в отношениях между Италией и Великобританией. Было решено провести торжественные богослужения в двух ливерпульских соборах и организовать визит гражданской делегации в Турин. Фрейлинг, служивший тогда каноником Англиканского собора в Ливерпуле, помогал в организации богослужения, названного «Молебном скорби и покаяния в надежде на примирение», который собрал в одно воскресное утро более двух тысяч человек. В то время как хор пел «Боже, пребудь в моем сердце и сознании», генерал-губернатор Мерсисайда преподнес послам Бельгии и Италии серебряные подносы с надписью «Народу Бельгии (Италии) в знак глубокой скорби и сочувствия». На церемонии прозвучали проповедь епископа Англиканской церкви, молебны с участием главы Нонконформистской церкви и архиепископа Римско-католической церкви. Дети зажигали свечи, олицетворяющие собой надежду на примирение. Богослужение завершилось исполнением молитвы святого Франциска.

Молитва святого Франциска Ассизского

Господи, удостой меня быть орудием мира Твоего,
Чтобы я любил, где ненавидят,
Прощал, где обижают,
Мирил, где враждуют,
Давал веру, где сомневаются,
Давал надежду, где отчаиваются,
Давал радость, где плачут,
Свет приносил — во тьму.

Господи, удостой утешать, а не ждать утешения,
Понимать, а не ждать понимания,

Любить, а не ждать любви.
Ибо, кто дает, тот получает,
Кто забывает себя, тот обретает,
Кто прощает, тому простится,
Кто умирает, тот проснется к жизни вечной.

На послов молебен произвел неизгладимое впечатление. Впоследствии посол Италии в интервью английской телекомпании *BBC* признался: «Вы сделали больше того, что было необходимо, дабы заслужить прощение итальянского народа, и он простит вас». Бельгийский посол недоумевал: «К чему было устраивать публичное покаяние? В том, что случилось, нет вины Ливерпуля». Архиепископ Римско-католической церкви, отслуживший за неделю до этого особую мессу в своем соборе, сказал: «То было время слез, сейчас же необходимо все начать сначала».

Прибывшая в Турин ливерпульская гражданская делегация состояла из представителей всех политических партий, обоих футбольных клубов, редактора главной городской газеты, епископа Англиканской церкви и архиепископа Римско-католической церкви. Несмотря на недостаточно хорошее владение итальянским языком, архиепископ отслужил литургию по-итальянски. Главный редактор газеты привез с собой экземпляры своего издания, отпечатанные на итальянском языке, в которых выражались извинения по поводу происшедшего несчастия. В день возвращения ливерпульской делегации на родину в итальянском ежедневнике *Tutto Sport* появилась статья под заголовком «Ливерпуль, Турин прощает тебя» (*Liverpool, Turin forgives you*).

Увидев результаты предпринятых Ливерпулем действий, Николас Фрейлинг снова вернулся к своей мысли об Ирландии. «Ливерпульское богослужение произвело на меня глубочайшее впечатление. Оно оказало сильное воздействие на всю мою дальнейшую жизнь и деятельность как священника», — вспоминал он.

Два года спустя Фрейлинг получил назначение в Ливерпуль. Его приход охватывал почти весь центр города и

район Воксхол, расположенный близ доков. Именно здесь когда-то проживали тысячи обнищавших ирландских эмигрантов, прибывших в Англию после великого голода 40-х годов XIX столетия. Многие из них, крайне истощенные и лишенные всяких средств к существованию, умерли вскоре после приезда в Ливерпуль. И в настоящее время примерно 95% населения этого прихода составляют католики. «Даже в рамках Англиканской церкви невозможно быть приходским священником в Ливерпуле без того, чтобы не чувствовать глубокой озабоченности судьбами Ирландии, ибо Ливерпуль немислим без Ирландии и ирландцев», — говорит Николас Фрейлинг.

Затем, в марте 1993 года, произошел взрыв в Уорригтоне. По словам священника, это событие, а также предшествующий ему инцидент в Мерсисайде вызвал у него желание призвать тысячи граждан Ирландской Республики к примирению. Эти трагедии предоставили ему возможность высказать мысли, которые он вынашивал 14 лет с того дня, когда случилось убийство Маунтбаттена. Теперь настало время публично заявить о своих убеждениях. Фрейлинг написал письмо в лондонскую газету *Independent*, в котором он одобрил действия людей, ратующих за мир в Ирландии, но в то же время призвал британцев признать свою ответственность за трагические события, происходившие в Ирландии на протяжении веков. Он напомнил о существовании тесных связей между Ирландией и Ливерпулем и о том, что на кладбище его прихода в безымянных могилах покоится более 100 тысяч жертв того ужасного голода. По мнению Фрейлинга, никогда не поздно сказать «Прости», даже рискуя навлечь на себя обвинения в капитуляции перед лицом террористов. В своем обращении он спрашивал, что может сделать его народ для исправления ошибок прошлого, каждый человек в отдельности или все вместе, чтобы достигнуть при всеобщем согласии мирного урегулирования конфликта.

Его послание встретило широкий отклик у читателей газеты, и это вдохновило отца Фрейлинга на продолжение начатого им дела. В числе прочих Николас получил письмо от бывшего главы сухопутных войск Великобри-

тании генерал-майора Моргана Лайуэллина, опубликованное в той же самой газете. В нем было сказано следующее: «Признавая ошибки прошлого, мы проявляем не слабость, а силу. Прошлое теряет власть над нами, мы становимся открытыми для партнерских отношений в деле межнационального примирения». Отец Николас Фрейлинг получил более 200 писем со всей страны.

Несколькими месяцами позже Фрейлинга попросили выступить с речью на митинге в Дублине, организованном Ирландским национальным конгрессом. Он принял приглашение отчасти потому, что считал необходимым выслушать обе противоборствующие стороны. Он был рад познакомиться там со студентами, которых с ним объединяла общность интересов и чьи исторические изыскания были столь же односторонними, как, по их словам, и его собственные. «Они стремились превозмочь свою боль и как можно более радушно принять у себя представителя чуждой им традиции. Туда стоило ехать, и это очень хороший знак».

Фрейлинга также пригласили выступить на конференции в Ричмонде (штат Виргиния), где американцы обсуждали вопрос о рабстве и его последствиях. Там он заметил удивительные параллели, которые можно провести между ситуацией в Америке и отношениями, сложившимися у Ирландии с Великобританией. «Нежелание принять нашу общую историю во всей ее запутанности и сложности означает, что люди оказались заложниками своих предрассудков, недоверия и беспросветности существования. В подобной ситуации становится невозможным благоприятное отношение к другим». В Ричмонде Николас Фрейлинг вместе с сотнями людей принял участие в «марше через историю». Он описывает это, как «ощущение, изменяющее всю жизнь человека».

В мае 1994 года отец Фрейлинг получил творческий отпуск сроком на 4 месяца, большую часть которого он провел в Ирландии. Результатом стала книга *Pardon and Peace*, которая представляла собой страстный и при этом тщательно аргументированный призыв к Великобритании пересмотреть свои взаимоотношения с Ирландией в духе

раскаяния и примирения. По мнению обозревателя *Irish Times*, книга Фрейлинга «поможет вдумчивым и чутким английским читателям правильно оценить ситуацию в Ирландии и отнестись к происходящему там с большим пониманием и сочувствием. Она также продемонстрирует ирландским читателям лишённую покровительственного тона обеспокоенность британцев накопившимся у нас за долгие годы наследием былых обид и унижений. Книга заканчивается личным призывом автора к согласию и примирению, дабы добиться искупления столетий горя и страданий и наконец позволить мертвым упокоиться с миром».

Николасу Фрейлингу посчастливилось встретиться с президентом Ирландской Республики Мэри Робинсон (Robinson) и лично вручить ей свою книгу. Теме урегулирования англо-ирландского конфликта была посвящена и его проповедь в Вестминстерском аббатстве. Везде, где бы он ни находился, отец Фрейлинг подчеркивает необходимость принесения официальных извинений британской стороной за причиненные Ирландии несправедливости. По мнению Фрейлинга, именно государственная церковь должна стать инициатором и главной движущей силой процесса мирного урегулирования. «Принесение извинений не есть проявление слабости, — писал отец Николас, — наоборот, для этого необходимо мужество и чутье государственного деятеля, выходящее за пределы политики». По его словам, бывают моменты, когда руководство страны может говорить о высших ценностях. «Когда главой государства является монарх, которому принадлежит особая, пусть даже чисто символическая, роль в отношениях с национальной церковью, подобные извинения могут иметь как духовное, так и мировое значение».

Сами по себе раскаяние и извинение не могут гарантировать прощение и долгосрочный мир. Но вряд ли следует рассчитывать на урегулирование конфликта без этих факторов. Подобная точка зрения лежит в основе подхода Николаса Фрейлинга. Такие шаги должны стать дополнением к экономическим и политическим измене-

ниям, необходимым для разрешения конфликта. По мнению Фрейлинга, Ливерпуль идеально подходит на роль инициатора мирного процесса.

Вопреки заключенному в 1998 году соглашению «Страстной пятницы», в августе того же года в Ома раздался новый взрыв, в результате которого погибло 29 и было ранено более 200 человек. Во время Рождества 1998 года тысячи людей прошли через весь город, держа в руках зажженные свечи в память о жертвах террористического акта. Католики и протестанты приняли участие в богослужении, которое было проведено в церквях города вместо обычных Рождественских молебнов. Для поднятия настроения был организован показ рождественских украшений, на которых крупными буквами было написано слово «мир».

Книга и выступления Фрейлинга способствовали его приглашению присутствовать на церемонии, посвященной 25-й годовщине Кровавого воскресенья. Приглашение прислала католическая община города Креггана. Фрейлинг привез с собой послание архиепископа Кентерберийского, Дональда Кэри (Carey), которое он прочитал в присутствии 2 тысяч человек, собравшихся на заупокойную мессу в церкви св. Марии в Креггане. Послание было встречено продолжительными аплодисментами, и отец Фрейлинг имел возможность пожать руки родственникам жертв того ужасного преступления. Он также прочитал проповеди на тему «Мир и прощение» на 5 богослужениях, состоявшихся в тот уик-энд. В послании архиепископа Дональда Кэри отмечалось, что все истинные христиане должны посвятить себя делу мира: «То, что объединяет нас в вере и богослужении, гораздо важнее того, что разъединяет. Наша общая история была омрачена ужасными деяниями, совершенными во имя религии и культуры. Мы должны заново усвоить язык раскаяния и покаяния, чтобы обеспечить безопасное будущее для наших детей, внуков и правнуков».

Отец Фрейлинг был чрезвычайно доволен тем, что в 1998 году премьер-министр Великобритании Тони Блэр признал вину своей страны перед Ирландией по поводу

случившегося там голода. Николас приводил слова Мэри Робинсон, произнесенные за 2 года до этого в Университете Ковентри при открытии первой в Великобритании школы исследований в области прощения и примирения: «По вполне понятным причинам от политиков трудно добиться извинений, но в вопросе об ирландском голоде слова сожаления могут иметь огромное значение».

Фрейлинг сознает, что раскаяние должно быть продолжительным и добрая воля английской стороны не может быть выражена однократным актом. Необходимо четко различать раскаяние и прощение. «Раскаяние отдельного человека или общества в целом не обладает принудительной силой, то есть не всегда влечет за собой прощение». Люди говорили ему в Лондондерри: «Мы не готовы простить англичан, но мы с вами можем быть хорошими друзьями». Поэтому, по мнению Фрейлинга, мы не должны недооценивать силы малых инициатив.

Надежду в священника вселяет и тот факт, что на Ближнем Востоке ситуация в Ирландии воспринимается некоторыми как пример мирного урегулирования конфликта. В 1998 году отца Фрейлинга пригласили прочитать лекцию в Вифлеемском университете на международной конференции, организованной *Sabeel*, Палестинским институтом богословия освобождения в Иерусалиме (*the Palestinian Institute of Liberation Theology in Jerusalem*). В своей лекции, опубликованной в сборнике *Holy Land — Hollow Jubilee*, Фрейлинг отмечает, что, несмотря на большое расстояние, разделяющее Северную Ирландию и Палестину, здесь присутствует все та же библейская тема Юбилея, когда царь, прославляя свое царствование, дарует свободу осужденным, прощает долги и отпускает на волю рабов (Лев 25). Подобная тематика связана с установлением справедливости, которая непосредственно обращается к причинам конфликта, а не к его последствиям. «Темой конференции, — продолжает Николас Фрейлинг, — был Юбилей, призывающий нас внести божественные великодушные и справедливости в жизнь каждого человека и общества в целом. Чрезвычайно трудно вернуть всех чинящих несправедливость на путь добра и справедливос-

ти. Нелегко себе представить, что Бог исправит все, что отошло от истины в жизни того или иного народа».

По мнению Фрейлинга, в Центре учения Иисуса Христа лежат терпимость и прощение, хотя и сопровождаемые изобличением несправедливости, насилия и лицемерия. Иисус не говорит о таких добродетелях, как миролюбие или мироискательство. Он говорит: «Блаженны миротворцы» (Мф 5:9). А это уже нечто совсем иное. Фрейлинг был поражен словами философа Ханнаха Арендта (Arendt): «Первооткрывателем роли прощения в мире человеческих взаимоотношений был Иисус Назарянин. То, что его открытие произошло в сфере религии и было выражено языком религии, не умаляет значимости этого открытия для других чисто светских областей жизни».

Обращаясь к собравшейся в Вифлееме аудитории, Николас Фрейлинг отметил, что проблема взаимоотношений Великобритании, Северной Ирландии и Ирландской Республики является лишь одним из целой серии локальных конфликтов. Она есть только буква в азбуке человеческого страдания, начиная с Алжира и кончая Заиром (z — последняя буква английского алфавита. — Прим. пер.):

«Тем не менее для нас, англичан, этот конфликт должен стать настоящей трагедией, поскольку длится он уже почти восемь столетий и касается людей, с которыми мы связаны самыми тесными узами. Необходимо найти новые, лучшие пути достижения примирения между нашими народами. Многие из присутствующих в этом зале уже пытались провести аналогии с ситуацией, сложившейся у них и, конечно же, с происходящим здесь, в месте проведения нашей конференции».

14 июля 1999 года, когда соглашение Страстной пятницы находилось на грани срыва, Фрейлинг пригласил в Лондон Форум ирландского согласия (*Agreed Ireland Forum*), в который вошли, главным образом, представители Лейбористской партии в Британском парламенте. Согласно его предположениям, это должна была быть небольшая встреча с участием 10—12 человек. Каково же было его удивления, когда он увидел, что его встречает

весь парламент, а сам прием был организован, чтобы почтить его за заслуги в деле установления мира и согласия. На приеме присутствовало 27 членов Английского парламента, а также бывший епископ Англиканской церкви Ливерпуля лорд Шеппард (Sheppard) и кардинал Римско-католической церкви Каал Дэйли (Daly), который специально ради такого случая прилетел из Ирландии. Примас Ирландской англиканской церкви Роберт Имз (Eames) прислал письмо с выражением сожаления по поводу того, что не может лично присутствовать на мероприятии, отметив «заслуженность в оказании подобных почестей».

Председательствовал на приеме Кевин Макнамара (McNamara), который исполнял должность «теневых» министра по делам Северной Ирландии при прежнем правительстве Великобритании. Он преподнес отцу Фрейлингу экземпляр новой книги, написанной бывшим сенатором Соединенных Штатов Америки Джорджем Митчелом (Mitchell), под названием «Миротворчество», в которой рассказывалось о «закулисной» работе этого сенатора в качестве посредника при заключении соглашения Страстной пятницы. На книге была надпись, сделанная Келвином Макнамарой: «В знак неопределимого вклада отца Николаса Фрейлинга, пастора Англиканской церкви города Ливерпуля, в дело правды, мира и согласия». Туда же была вложена записка, написанная рукой английского премьер-министра Тони Блэра: «Пусть "исправление ошибок истории" станет руководством к действию и в новом, XXI, веке».

Не вызывает сомнений существование острой, как никогда, необходимости в исправлении ошибок прошлого и в деятельности людей, которые, подобно Фрейлингу, отдадут все свои силы делу установления мира, столь желанного для многих миллионов человеческих существ. На том же заседании Палаты общин была организована новая парламентская группа, задачей которой стало, несмотря на возникающие время от времени трудности, продолжение работы в указанном направлении. Она получила названия «Друзья соглашения Страстной пятницы».

Откровенный разговор: проблема сосуществования рас в Америке

«Я до сих пор продолжаю злиться на людей, большинство которых уже давно ступило в мир иной. Если я буду дурно отзываться о них, Сэди скажет: "Не говори плохо об умерших". И это пробуждает во мне желание быть хорошей».

«Часто я испытываю неприязнь ко всем белым людям, но это прекращается, когда я вспоминаю о тех хороших белых, которых я встречала в своей жизни. Пусть их было не так уж много. Я признаю это. Более того, в жилах моей матери была частичка белой крови. Не могу же я ненавидеть собственную плоть и кровь! Да и в других местах живет много добрых белых. Порой их трудно отыскать, но все же они есть».

«Порой Бог мне посылает хорошего белого, и это происходит по сей день. Я полагаю, что Бог таким образом сохраняет мою добрую природу, не давая мне погрязнуть во зле. Посылая доброго человека, он заставляет меня проглотить ворону. А ворона, скажу вам откровенно, не лучшая птица на обед».

Сара Л. Дилэни (Delany)

В Палате представителей парламента штата Орегон, расположенной в здании Капитолия в Сейлеме, висит кар-

тина с изображением орегонских поселенцев, которая производит огромное впечатление на всякого, входящего в это помещение. На ней представлена сцена формирования временного правительства в 1843 году в Чампоеге на реке Вилламете.

Если вы белый, то вы не заметите того, на что тут же обратят внимание представители коренного населения Америки, афро-американцы или люди с цветным цветом кожи: на картине нет ни одного представителя этих рас. Согласно последней переписи, население Орегона на более чем 90 % состоит из европеоидов.

Откройте Голубую книгу Орегона (*Oregon Blue Book*) и прочитайте захватывающую историю этого штата. Она хорошо и интересно написана, но на занимаемых ею 27 страницах вы найдете всего лишь одно предложение, посвященное афро-американцам.

Подобное соотношение белых и негров в Орегоне не случайно. В 1849 году был принят закон, изгоняющий черных из штата, и последствия такой политики чувствуются до сих пор. Несмотря на отмену закона в 1926 году, он, по мнению автора одной из передовиц сейлемской газеты *Statesman Journal*, «стал оправданием для юридически узаконенной дискриминации, продолжавшейся более ста лет и оказавшей решающее влияние на формирование действующих и поныне расистских умонастроений». Это был не тот случай, когда, подобно одному из орегонских губернаторов, говорят: «Приезжай, посмотри и отправляйся восвояси». Это стало запретом на «всякое появление в тех местах вообще».

Ста пятьюдесятью годами позже, 22 апреля 1999 года, 800 мужчин и женщин собрались в здании Парламента Орегона, чтобы честно пересмотреть прошлое штата и создать предпосылки для будущего равноправия. Утром того дня Палата представителей и Сенат вынесли резолюции, в которых признавались факты изоляционистской политики штата в прошлом и выражалась признательность людям всех рас, способствовавшим на протяжении многих лет изменениям к лучшему. Кроме того, в резолюциях содержался призыв к продолжению диа-

лога и принятию дальнейших мер в указанном направлении. На дневном заседании произошло официальное подписание резолюций вместе с содержащей сходные формулировки декларацией губернатора штата, после чего спикер Палаты представителей пригласила публику присоединиться к законодателям. Люди всех рас подходили к рабочим столикам законодателей, толпились в боковых проходах и на галереях, заполняли зал для проведения парламентских слушаний. По словам одного из парламентариев, создавалось впечатление, что народ Орегона впервые берет в свои руки Парламент.

Губернатор Орегона Джон Китсхэбер сказал, что некоторым было не так уж просто вспомнить о расистском прошлом штата. «Орегон не будет хорошим домом для нас до тех пор, пока он не станет хорошим домом для всех нас», — продолжил губернатор. Президент сената Брэди Адамс, в свою очередь, заметил: «Если в нашем штате совершаются несправедливости, то все мы должны измениться. Человек не может называться справедливым, пока он не усвоил равного отношения ко всем людям». По словам спикера Палаты представителей Линн Снодгрэсс (Snodgrass), пришло время почтить героев, которые помогли нам справиться с мрачными страницами в истории нашего штата. Спикер отметила, что некоторые из них, мужчины и женщины, не сдавшиеся перед лицом тяжелых испытаний, присутствуют в этом зале. Обращаясь к этим людям, она сказала: «Вы герои, ибо вам принадлежит решающая роль в искоренении предрассудка».

Сенат одобрил резолюцию единогласно. Тем не менее в Палате представителей нашлось семь человек, которые проголосовали против ее принятия. «Не думаю, что обращение к нелицеприятным событиям прошлого сослужит нам хорошую службу, — сказал один из таких членов, — следует жить настоящим и будущим, смотреть в суть вещей и не увлекаться пустыми символами». Подобная точка зрения вызвала у многих негодование. Тем не менее, по сообщению информационного агентства «Ассошиэйтед Пресс», «во время проходившей в здании Парламента церемонии, на которую собрались люди всех

цветов кожи и религиозных конфессий, не было произнесено ни одного слова гнева, не было выдвинуто ни одного обвинения. Присутствовавшие здесь чернокожие солдаты, одетые в синюю военную форму, и индейцы в традиционных головных уборах из орлиных перьев вывесили флаги. Здание наполнила звуки *The Battle Hymn of the Republic*¹, инициатором исполнения которого стала бывший член Палаты представителей афро-американка Маргарет Картер».

Бывший главный судья штата Эдвин Петерсон рассказывает, что уже к семи годам идея о расовом превосходстве прочно укоренилась в его сознании. Во время обучения в правовой школе он умом понимал несправедливость подобного положения, но всем своим существом он постиг это лишь спустя многие годы. «Каковы причины расовой дискриминации?» — спрашивает Петерсон. «Ответ прост: в ней виновны люди, подобные нам с вами. Мы должны вывести простую логическую цепочку: я вижу несправедливость — я могу изменить существующее положение вещей — я сам стал другим». Но не так просто изжить в себе привычку смотреть на происходящее с позиций расизма. Первым шагом в указанном направлении должно стать обращение к самому себе. Тогда и только тогда мы сможем вступить в будущее, свободное от расовых предрассудков, где все люди вне зависимости от цвета их кожи будут наделены равными правами и обязанностями.

Бывший сенатор Марк О. Хэтфилд, почетный сопредседатель «Союза Орегона» (*Oregon Uniting*), коалиции, которая, выступив инициатором мероприятия, разрушила миф о «старых добрых временах», говорил о неисполнен-

¹ The Battle Hymn of the Republic — патриотическая песня-марш, бывшая неофициальным северян в период Гражданской войны (Civil War). Написана в 1861 г. Джулией Хау (Howe, Julia Ward) на мотив песни «Тело Джона Брауна» (*John Brown's Body*). Впервые опубликована в журнале *Atlantic Monthly* в феврале 1862 г. и сразу же стала популярной.

Позднее использовалась как протестантский гимн и песня протеста.

ных договорах и расовом неравенстве, которое влечет за собой религиозную нетерпимость и прочие виды несправедливости. В своих рассуждениях он опирался на собственный опыт. Хэтфилд, одно время занимавший пост губернатора, говорил, что ему приходилось видеть парад, организованный членами ку-клукс-клана в Сейлеме. Не понаслышке знаком он с практикой изгнания, применяемой по отношению к живущим по соседству цветным. Помнит он и о голосовании в Парламенте по вопросу об обязательном посещении каждым молодым человеком государственной средней школы, что имело целью нанести удар по приходским школам. Хэтфилд упоминает также об изгнании евреев из общества, о частных школах, женских университетских клубах и ситуации, сложившейся в рядах представителей денежной элиты. Он был свидетелем того, как его друга, американца японского происхождения, направили в лагерь для интернированных. Однажды ему пришлось отвезти своих афро-американских друзей певцов Марианну Андерсон (Anderson) и Пола Робесона (Robeson) в Портленд, так как их не пускали переночевать ни в одну сейлемскую гостиницу. Во время своей службы на американском флоте он неоднократно замечал, что тамошние афро-американцы постоянно находились в ситуации духовной изоляции.

«Жизнь в Орегоне в настоящее время изменилась к лучшему, — продолжает Хэтфилд, — и причиной этого изменения стали те серьезные усилия, которые были предприняты для исправления допущенных в прошлом несправедливостей». Законы о гражданских правах начали неукоснительно соблюдаться в таких сферах, как, например, места общественного пользования. Был восстановлен правовой статус американцев японского происхождения. Тем не менее, по словам Хэтфилда, «расовая дискриминация — очень опасный вирус, способный в любую минуту вызвать эпидемию ненависти, которой в равной степени подвержены все мы». Каждый случай проявления расового неравноправия тяжким грузом лежит на совести всего поколения. Каждый из нас есть часть единой расы, и имя этой расе — род человеческий. Эта

истина всегда открыта для нас, и познать ее никогда не поздно. Марк Хэтфилд познал ее на уроке в воскресной школе, и звучит она так: «Красные, белые, желтые или черные — все они драгоценны в Его глазах».

Другой сопредседатель Мирли Эверс-Уильямс, бывший глава Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, отметила, что данное мероприятие ознаменовало собой дальнейшее продвижение вперед на пути к расовому равноправию. Здесь каждый получил возможность в присутствии представителей законодательной и исполнительной властей штата заявить о своем нежелании терпеть проявления ненависти, расизма и несправедливости в будущем. «Мы, орегонцы, должны бороться, — продолжала Мирли, — чтобы стать ориентиром для всех других штатов».

По сообщению портлендской *Oregonian*, «Собрание стоя приветствовало каждого из выступавших, которые один за другим говорили о допущенных в прошлом несправедливостях и о надежде на лучшее будущее». Одной из выступавших была первый сенатор штата латиноамериканского происхождения Сьюзан Кастильо. Она призвала других присутствовавших на мероприятии законодателей не возвращаться к политике протекционизма по отношению к сельскохозяйственным рабочим. Американка японского происхождения Пегги Нэдже, юрист по профессии, вызвала бурю аплодисментов, когда, взглянув на присутствовавших в зале, сказала: «Вот так будет выглядеть орегонский Парламент в будущем».

Во время смены караула, когда представители коренного населения Америки сменяли на посту афро-американских солдат, Роуз Высокий Медведь, член группы «Мудрость старейшин», говорила о культурном возрождении ее народа. «Сейчас не время для проявления ненависти, гнева и раздражения. Мы никого не виним. Подобные чувства недостойны человека как духовной сущности. Это не наш способ действий». По словам Роуз, ее народ был создан для перенесения страданий. «Мы не хотим оскорбить память наших предков, которые выдержали все испытания до конца. От мудрости старших исходит целительная

сила». Коренные американцы помнили о собственных страданиях, и молились за европейцев на их пути слез. «Это великий день, — сказала в заключении Роуз, — день примирения и исцеления».

При получении текста резолюций от представителей Исторического общества Орегона сенатор штата Абель Гордли (Gordly) отметил, что Орегон показал всей Америке, сколько возможностей предоставляет людям победа над расовой дискриминацией: «На примере нашего штата можно увидеть, сколь велика сила прощения, примирения и исцеления от былых раздоров и разногласий. Исправив ошибки прошлого, мы полны решимости общими усилиями строить наше совместное будущее».

Коалиция чернокожих американцев привезла на церемонию целый автобус представителей Афро-американской общины северо-восточного Портленда. По словам одного из приехавших, сразу же после прибытия в Сейлем он почувствовал дух надежды, которым было наполнено все в этом городе. Создавалось впечатление, будто все пережитое в прошлом не кануло в Лету, и «кто-то, наконец, расскажет миру нашу историю».

«Люди были тронуты, — продолжал он, — они словно сбросили с плеч тяжкий груз. На обратном пути люди выглядели иначе. Все испытывали умиротворение и радость жизни. Это был их день».

Духовный лидер индейцев Америки Берни Клифф впоследствии сказал: «Это было ответом на наши молитвы». По словам государственного секретаря штата Орегон Фила Кислинга (Keisling), «возможно, это было лучшим из того, что произошло в законодательном собрании в этом году».

Тем временем изображенные на картине поселенцы, казалось, с изумлением взирали на происходящее в зале. Никто из выступавших не сказал ни слова о картине. Однако этот факт не остался незамеченным для обозревателя *El Hispanic News*, который назвал отсутствие представителей других рас на картине примером неспособности признать всю историю штата в целом, как она есть, без лакун и эксцерптов, включая таких ее действу-

ющих лиц, как испанцы, мексиканцы, китайцы, японцы и, конечно же, афро-американцы. «Тем не менее картина стала прекрасной декорацией, на фоне которой еще ярче проступал контраст между несправедливостями прошлых лет и событиями того памятного дня».

День покаяния

«Мы, американцы, имеем слабую связь с историей. Это объясняется как подвижным образом жизни, так и сравнительной молодостью нашего государства. Нам легко заявлять о собственной непричастности к делам давно умерших людей, поскольку неотъемлемой частью нашей национальной культуры является вера в возможность начать все сначала, не обременяя себя при этом заботой о прошлом.

Поэтому мы испытываем нечто вроде шока всякий раз, когда мы понимаем, что не можем заново начать до тех пор, пока трезво не оценим все происшедшее. Из собственного жизненного опыта мы знаем, что лучше обсудить с друзьями и близкими все неурядицы во взаимоотношениях, нежели притворяться, будто ничего не произошло. И мы осознали это здесь, сегодня утром.

Для благополучного сосуществования в будущем как единого народа мы, орегонцы, должны сначала признать то, что нас разделяет. В силу занимаемой нами должности мы являемся преемниками прежних законодателей штата, а именно членов Территориального законодательного собрания штата Орегон 1849 года. От них через многие поколения законодателей мы получили наши полномочия. Наш пост существовал задолго до нашего рождения и продолжит свое существование через много лет после нашей смерти. Наши голоса, слова и действия есть часть чего-то большего, чем мы сами. Мы получили полномочия только в силу избрания на занимаемую нами должность, которая восходит к тем первым членам Территориального законодательного органа штата Орегон.

Подобно нам, те прежние члены законодательного собрания пытались разрешить проблемы региона. Они составляли бюджет и принимали законы, имеющие своей целью улучшить жизнь людей и способствовать процветанию штата. Большинство их речей и решений, продиктованных мудрой

прозорливостью и заботой о гражданах штата, теперь преданы забвению, подобно тому, как и наши деяния будут в скором времени забыты потомками.

Тем не менее последствия одного из вынесенных ими постановлений, безусловно, обоснованного умонастроениями того времени, мы ощущаем до сих пор. Это был обычный законопроект, принятый, я полагаю, из соображений безопасности, которые здесь сыграли с законодателями злую шутку. Согласно этому документу, все «негры и мулаты» (я пользуюсь словами того времени) изгонялись с территории Орегона, дабы не допустить их «дурного» влияния на коренное население штата, равно как и избежать опасности их численного превосходства над белокожими американцами. Поддавшись страху, депутаты принимали во внимание лишь цвет кожи того или иного человека, который служил единственным основанием для изгнания с территории штата.

Уважаемые коллеги, это не самый лицеприятный эпизод в истории Орегона. Этому не учат в наших школах. Тем не менее запомните мои слова, он твердо запечатлелся в памяти народа и давно уже ждет того часа, когда мы сможем откровенно рассказать о нем. Этот эпизод — мрачная страница нашей истории, он полон горя и страданий людей, которые насильственно были лишены родного дома и средств существования. Это повесть о нереализованном человеческом потенциале. Но в то же самое время здесь есть место надежде и личному мужеству. Если вы открыли свое сердце, если вы решили выслушать, то вы узнаете о людях, которые нашли в себе силы преодолеть чудовищную несправедливость, равно как и о выступивших против воли народа руководителях.

Мы сегодня пришли сюда, чтобы оставить собственный след в истории ради наших детей, ради будущих членов законодательного собрания и, наконец, ради тех, чьи имена мы никогда не узнаем, чьи лица мы никогда не увидим, ибо время нашей жизни к тому моменту давно истечет. Своим сегодняшним решением мы заявляем людям, нас избравшим, равно как и нашим преемникам, следующее: «Мы, депутаты Палаты представителей законодательного собрания семидесятого созыва, признаем факты дискриминации в истории штата Орегон. Мы благодарны людям всех рас и национальностей, которые способствовали изменению ситуации в лучшую сторону, радовались малейшему продвижению в дан-

ном направлении и побуждали нас к честному обмену мнениями по вопросам межрасовых отношений, результатом которого явились позитивные изменения в социальной сфере.

Итак, давайте примем решение, что мы, депутаты Палаты представителей законодательного собрания семидесятого созыва, и в дальнейшем будем предавать гласности все случаи расовой дискриминации и добиваться полноценного участия представителей расовых меньшинств во всех аспектах жизни Орегона. Пусть этот памятный день станет началом конструктивного диалога по вопросам достижения расового равноправия в будущем».

Признавая прошлые ошибки, мы перестаем быть заложниками нашей истории. Мы получаем возможность начать все сначала и продвигаться вперед как один народ, как люди, оказывающие равное уважение друг другу вне зависимости от существующих между ними различий, будь то цвет кожи или что-то еще».

*Член Палаты представителей
Анитра Расмуссен,
Палата представителей штата Орегон,
22 апреля 1999 года*

Церемония, имевшая место в законодательном собрании Орегона, возможно, была первым мероприятием подобного рода в Америке. Она брала за основу деятельность организации «Надежда городов», располагающейся в Ричмонде (штат Вирджиния) и имеющей тесные контакты с «Союзом Орегона». Вот уже на протяжении многих лет «Надежда городов» делает упор на пропаганду необходимости исправления ошибок прошлого и поддержания откровенного обмена мнениями между представителями различных рас.

В 1993 году Коалиция граждан Ричмонда провела конференцию, темой которой стал «честный диалог о расах, примирении и ответственности». Особое место отводилось обзору истории Ричмонда с выделением наиболее значимых событий, как позитивных, так и негативных. Предпосылкой подобного экскурса в историю стало предположение, что в планах на будущее должно быть отобразено то единение, к установлению которого сейчас

прикладывается столько усилий. Одним из инициаторов проведения конференции была Пейдж Чаргос (Chargois), баптистский священник и активная участница борьбы за гражданские права, развернувшейся в 60-е годы XX века. Она ясно отдавала себе отчет в том, что раз она посвятила себя делу строительства сообщества людей, то должна обратиться и к тем, кто до тех пор вызывал у нее ненависть и раздражение. Это были сторонники Конфедерации.

Перед началом Гражданской войны 11 штатов вышли из состава США и создали собственную Конфедерацию со столицей в Ричмонде. Символом этого объединения стал флаг Конфедерации. Для Чаргос, в жилах которой течет афро-американская кровь, этот флаг является олицетворением ненависти белокожих южан по отношению к негритянскому населению штатов. «Подобные меры предполагали либо полное истребление афро-американцев, либо отношение ко всем представителям негритянской расы, как к людям второго сорта», — говорит Пейдж Чаргос. В 1997 году в ответ на жалобу афро-американских лидеров руководство штата Мэриленд согласилось отозвать 78 номерных знаков с изображением флага Конфедерации, предназначенных для автомашин членов организации «Сыновья ветеранов Конфедерации». «Символика имеет большое значение. Попробуйте спросить евреев о том, что значит свастика для них», — говорит афро-американец Кларенс Митчелл IV (Mitchell), член Законодательного совещания афро-американской фракции штата Мэриленд. В 1996 году республиканский губернатор Южной Каролины к великому неудовольствию членов консервативной партии предложил убрать последний во всей Америке флаг Конфедерации, развевающийся над зданием законодательного органа штата, но в 1999 году флаг оставался на прежнем месте, что явилось причиной отмены двух национальных съездов партий, которые планировалось провести в Ричмонде. В Джорджии был зарегистрирован иск, целью которого было вынудить местное руководство убрать эмблему Конфедерации с флага штата. Податели иска не добились тогда успеха. Тем

не менее на XI выездной сессии суда было высказано мнение, что подобная символика не должна использоваться на флаге штата Джорджия уже в силу того, что она оскорбляет чувства многих жителей штата. На том же заседании прозвучало следующее заявление: «Мы сожалеем о том, что законодательное собрание Джорджии избрало в качестве официального символа эмблему флага Конфедерации, что скорее разъединяет, а не объединяет граждан штата».

Везде, где бы Пейдж Чаргос ни видела пресловутый флаг, будь то на частных домах или на заднем стекле проезжающего мимо грузовика, он возбуждал в ней ненависть и негодование. «Моя ненависть была противна Господу, и тем не менее я не знала, как избавиться от нее». При подготовке к конференции, посвященной «исцелению сердца Америки», она сознавала необходимость обратиться к тем людям и предметам, которые вызывали ее ненависть. К этой категории относились, прежде всего, организация «Дочери Конфедерации», равно как и те, кто избрал своим символом флаг Конфедерации.

Познакомившись поближе с некоторыми женщинами—членами этой организации, Чаргос поняла, что для них флаг является, в первую очередь, олицетворением боли, а не расизма. Однажды она побывала в доме местного вице-президента «Союза дочерей Конфедерации». На стене висел флаг Конфедерации. «Чтобы лучше слышать то, что говорила хозяйка, мне пришлось облокотиться на эту стену», — вспоминает Чаргос. Белая женщина говорила о своем восприятии Гражданской войны, которое кардинальным образом отличалось от точки зрения Чаргос. «Тогда, в присутствии этой женщины и еще двоих друзей, Бог сказал мне, что я не смогу изгнать из сердца ненависть до тех пор, пока не приму на себя страдания моей собеседницы. Бог даровал мне победу. Моя ненависть не просто уменьшилась, она совсем исчезла, уступив место другим чувствам».

Впоследствии Пейдж Чаргос смогла стать посредником в диалоге между афро-американским руководством и белокожими лидерами Движения за сохранение наследия

Конфедерации. Все это заставило исполнительного директора Музея Конфедерации произнести следующие слова: «Музей должен стать учебным центром для всего общества». По мнению Чаргос, Музей должен перестать быть хранилищем реликтов и воспоминаний эпохи Гражданской войны, равно как и той ненависти, которая была унаследована от враждующих сторон.

Благодаря заслугам в деле примирения Пейдж Чаргос и Роб Коркоран (Corgoran), занимающий пост национального директора «Надежды городов», были по инициативе президента приглашены участвовать в создании «Единой Америки» (*One America*), получившей повсеместное распространение в Соединенных Штатах и призванной служить руководством в диалоге между расами. «Мы до конца осознали невозможность какой бы то ни было жизни в рамках того или иного общества без честного рассмотрения всех негативных факторов его истории».

В опубликованном Национальной конференцией по единению и справедливости в 1999 году сборнике под названием «Межгрупповые отношения в Соединенных Штатах» развернутой организацией «Надежда городов» диалог называется одной из семи «вселяющих надежду практик». Там же приводятся следующие слова Чаргос об участниках этого диалога:

«В основе нашего образа мыслей лежит тот факт, что люди реализуют свои знания там, где проходит их ежедневная жизнь. Именно так можно изменить существующее положение вещей. Нам не нужна еще одна организация, занимающаяся проблемой межрасовых взаимоотношений. Мы не нуждаемся в группе людей, из года в год устраивающих еженедельные собрания. Простые люди должны вернуться к своей обыденной жизни изменившимися и обновленными. Это касается и торговых работников в магазине, и проповедников. Так, например, продавец не должен изменять цену продаваемого им автомобиля в зависимости от цвета кожи покупателя».

Весной 1999 года Чаргос предстояло пережить новое испытание. К тому времени она уже в течение 5 лет пыталась преодолеть стену расовой нетерпимости, отделявшую

ее от приверженцев флага Конфедерации. Появление в прессе Ричмонда портрета героя Конфедерации генерала Роберта Эдуарда Ли (Lee) и последовавшие вслед за этим шумные протесты раскололи общество на две части. Словесная война, казалось, разбудила чувства почти столетней давности, стала причиной нового витка расовой напряженности, какого не испытывала Америка с 60-х годов XX столетия. В сложившейся ситуации Пейдж Чаргос обратилась к лидерам обеих противоборствующих сторон — как к руководству «Сыновья ветеранов Конфедерации», так и к главам афро-американской общины, членом которой она являлась. Чаргос обвинила в расизме членов обеих организаций.

«Мы должны извлечь серьезный урок из происходящего, — сказала она, — мы продолжаем совершать одну и ту же ошибку, кроющуюся в неправильном построении межрасовых отношений, что неразумно и к тому же пагубно сказывается на всей нашей жизни. Перед нами стоит огромная задача, заключающаяся в работе с обеими противоборствующими сторонами». Именно это и делает Чаргос, набравшись терпения и переступив через собственную боль. Она понимает, что логика беспомощна в подобной ситуации. «Ненависть алогична по своей природе, и это положение касается, в первую очередь, ненависти, возникающей между представителя различных рас». С обеих сторон звучали возгласы: «Ты должен знать факты!» Однако ни те, ни другие не сознавали, что факты не могут сломать стену отчуждения и взаимного презрения, возникающие в межрасовых отношениях. «Доказательством служат несколько столетий презрения, выказываемого людьми к их же собратьям с другим цветом кожи».

Чаргос отмечает, что сложившаяся ситуация принесла в результате успокоение как приверженцам символики Конфедерации, так и ее противникам, для которых флаг Конфедерации является символом глубоко укоренившейся ненависти к некогда обращенным в рабов представителям негроидной расы. «Все, что я имела, была моя вера, которая побуждала меня к "служению делу мира"

и призывала руководствоваться во всех поступках абсолютными нормами нравственности. Каждое свое побуждение, каждый мотив, каждое действие я подвергала тщательному анализу. Обе противоборствующие стороны помогли войти мне в новую реальность. Сторонники символики Конфедерации перестали быть для меня людьми, желающими истребить как меня лично, так и весь мой народ. Флаг был для них символом перенесенных некогда страданий, которые они так и не смогли забыть. Я познала свои подлинные чувства, и это позволило мне распознать подлинное в других».

70% населения Ричмонда довольно равнодушно восприняли появление портрета генерала Ли. Но для оставшихся тридцати процентов, которые увидели в происходящем личное оскорбление, деятельность Пейдж Чаргос стала возможностью подняться на новый уровень понимания и вступить в открытый обмен мнениями со своими оппонентами. «В некоторых вопросах я достигла успеха после бесед с представителями каждой из сторон, длившихся от пяти до семи часов. Но, к сожалению, мне не удалось убедить их лично встретиться за столом переговоров. Обе стороны возвратились на свои исходные позиции».

В обществе по-прежнему идет борьба. «Когда же, наконец, мы перестанем разрушать и сделаемся подлинными созидателями нашего общества?» — спрашивает Пейдж Чаргос. «Когда мы будем наладим и будем бережно поддерживать взаимоотношения между представителями различных рас? Мы продолжаем расточать наши эмоциональные возможности на бесплодную ненависть, которая в скором времени окончательно подорвет тот тип отношений в общества, к полному восторжествованию которого мы так стремимся».

В опубликованной в *Times-Dispatch* статье, которую написала Чаргос совместно с Конкораном, отмечается, что риторические выпады с обеих сторон, связанные с появлением изображения генерала Ли в СМИ, могут стать величайшим несчастьем для жителей города и затормозить начавшийся было процесс расового примирения.

«Ричмонд имеет уникальную возможность воспользоваться собственной историей не только для укрепления экономики города за счет привлечения сотен туристов со всех уголков мира, но и для того, чтобы указать всей нации путь исцеления от гнетущих ее расовых противоречий».

Вспоминая тот день, когда она посетила члена «Союза дочерей Конфедерации», Пейдж Чаргос говорит: «Возвращаясь домой после той встречи, я не могла себе представить, куда меня приведет зародившееся в моей душе чувство, наконец освободившее меня от той ненависти, которую я питала к флагу Конфедерации и ко всему, что он олицетворял. Я не могла сделать тогда свой личный опыт достоянием всех людей. Я лишь знала о кардинальном изменении моих чувств, восприятий и представлений касающихся тех, кто сражался на полях Гражданской войны, и их потомков, стоящих по обе стороны расового конфликта».

Иначе воспринимает события Гражданской войны и символику Конфедерации Ричард Руффин, чьи предки были в числе основателей Ричмонда. Его прапрадед Эдмунд Руффин, упоминающийся во всех учебниках истории, произвел знаменитый выстрел по форту Самтер, который ознаменовал начало Гражданской войны. Эдмунд Руффин был известным агрономом. Он служил в законодательном собрании штата Вирджиния. В конце войны этот рабовладелец и защитник прав штата на автономию, не желая присягать на верность Соединенным Штатам Америки, обернулся флагом Конфедерации и пустил себе пулю в лоб.

Ричард Руффин долгое время не знал, как ему отнестись к деятельности своего предка. Он вырос на рассказах о страстном желании его прапрадеда спасти сельскохозяйственный уклад экономики Юга, о его борьбе за сохранение рабства и выход Вирджинии из состава США. Несмотря на расхождения во взглядах, Ричард гордился политическим радикализмом прапрадеда и его нововведениями в области сельского хозяйства. Но лишь сравнительно недавно он осознал, что жизнь его предка неко-

торым образом затрагивает его собственную, и происходит это в сфере взаимоотношений с афро-американцами.

По мнению Ричарда Руффина, Гражданская война, окончившаяся поражением Конфедерации, была воспринята жителями юга как глубокое унижение, наполнившее их сердца чувствами обиды, возмущения и ненадежности бытия. Одним из последствий стало то, что белокожие южане начали интерпретировать пережитое, исходя из антагонизма Севера и Юга, а не из существующих межрасовых противоречий. Все это казалось унижительным: южане были жертвами, а их враги воспринимались как настоящие злодеи.

Судя по дневникам и семейным архивам семьи Руффинов, Эдмунд не сознавал всей несправедливости рабства и связанного с ним чувства нравственной опустошенности, которое испытывали миллионы обращенных в рабов африканцев и их потомков. Неудивительно, что в их семейных преданиях практически отсутствует всякое упоминание о чернокожих американцах, существование и подлинные чувства которых не вызывали никакого интереса. «Подобная нравственная слепота перешла по наследству и к последующим поколениям, — говорит Ричард Руффин, — так что многие мои современники практически не способны понять, что за жизнь была у этих закованных в цепи людей и какова сегодня жизнь их потомков».

В 1993 году в ричмондской *Times-Dispatch* Ричард Руффин указал на другой в большей степени завладевший умами пережиток рабовладельческого мировоззрения, который связан с низкой оценкой духовного потенциала афро-американцев. «Тот, кто видел в в этих людях только собственность, вряд ли смог привить своим потомкам идею о том вкладе, который чернокожие американцы способны внести в историю американской мысли, политики, экономики и культуры». По мнению Ричарда, он и ему подобные должны признать и по достоинству оценить ту роль, которую афро-американцы уже сыграли к настоящему моменту в жизни Америки. Более того, необходимо выработать новый взгляд на их место в буду-

щем Соединенных Штатов Америки. Мы должны доказать нашим чернокожим согражданам, что мы отказались от политики недооценки их возможностей, ослеплявшей нас в течение стольких лет.

После описания истории своей семьи, равно как и унаследованного людьми его поколения пренебрежительного отношения к своим афро-американским братьям, Ричард Руффин говорил об охватившем его глубоким раскаянии и собственных попытках найти пути обновления духовного и нравственного потенциала Америки. «Только тогда все мы сможем завершить великий американский эксперимент и сделать нашу страну единым целым», — писал Ричард Руффин.

С организацией «Надежда городов» сотрудничал и афро-американский певец из Миннесоты Джо Картер, внучатый племянник известного педагога Мэри Маклеод Битьюн. Он не понаслышке знает о расовой дискриминации и связанных с ней преследованиях, тем не менее, избирая прощение, он всякий раз обретает необходимую ему свободу, которая позволяет производить положительные изменения и в других людях. Он использует свой талант для того, чтобы не только поведать людям о борьбе и страданиях его народа, но и призвать их к прощению. «Если я питаю ненависть к какому-либо человеческому существу, — говорит Джо Картер, — то я не свободен».

Однажды в Лас-Вегасе к чернокожему певцу, рост которого примерно 193 см, пристал какой-то белый американец, наделенный куда более скромными физическими данными. Этот человек обозвал Джо неприличным словом. Первой мыслью певца было: «У этого человека не все в порядке. Возможно, он мазохист, иначе не стал бы цепляться к такому огромному негру, как я». Затем Картер улыбнулся и сказал: «Доброе утро! Похоже, ты выпил с утра. Надеюсь, что днем тебе станет лучше». Оглянувшись, Картер увидел, что его обидчик озадаченно чешет себе затылок, смущенный и обезоруженный происходящим. Для Картера же этот инцидент стал еще одним подтверждением его мнения, что «на любое неверное действие может быть дан верный ответ».

В 1999 году Картер предпринял поездку по 37 городам с целью пропаганды своего творчества и убеждений среди белых своих сограждан, живущих в американской глубинке. «После концерта, — говорит Джо, — я старался пожать руку каждому, старался заглянуть в глаза каждого. Для большинства из них я был первым черным, с которым они лично познакомились в своей жизни. Я чувствовал на своих плечах груз ужасной ответственности, так как мне предстояло обратиться к лучшим качествам души этих людей и попытаться разбить стену отчуждения и предрассудков.

По словам Картера, люди не откликаются, если их чрезмерно критиковать. «Когда я говорю о причиняемых расизмом боли и страданиях, я также не забываю упомянуть тех добрых людей, кто, рискуя всем, помогал рабам бежать по подземной железной дороге и кто отдал свои жизни во имя свободы во время кровопролитной войны между Севером и Югом». Джо рассказывает о своих собственных предрассудках и шутит о том, как на определенном этапе своей жизни он считал себя выше всего этого, но с ужасом обнаружил, что позаимствовал некоторые из подобных предубеждений. «Честно анализируя мотивы собственного поведения, понимаешь, что освобождение от предрассудков похоже на очищение от шкурки лука: снимешь одну из них и видишь, что есть еще одна, которую также нужно снять».

Люди внимательно прислушиваются к словам Картера. Но как быть с теми, кто не хочет слушать? Как любить тех, кто не желает, чтобы его любили? К этой проблеме обратился Ричард Браун несколькими годами раньше.

В 1954 году в результате решения Верховного суда по делу Брауна (этот Браун не имеет никакого отношения к Ричарду Брауну) (из Министерства образования) все школы Америки должны были войти в единую систему. Профессор Ричард Браун преподавал тогда в Блуфилдском государственном колледже (штат Западная Вирджиния). Решение было не сразу приведено в исполнение, но к концу 1960-х годов вследствие подобной политики Блу-

филдский колледж, где учились и преподавали до той поры в основном чернокожие американцы, стал преимущественно белым как в отношении студентов, так и профессорско-преподавательского состава. Браун, занимавший в то время пост декана, считался вторым человеком после белокожего президента колледжа. Большинство студентов и сотрудников колледжа спокойно воспринимали сложившуюся ситуацию. Исключение составляли три белых профессора, которые приложили все усилия, чтобы превратить жизнь своего чернокожего коллеги Брауна в ад. К тому же следует отметить, что конец 1960-х годов был трудным временем в истории колледжа из-за студенческих волнений, вызванных событиями во Вьетнаме.

Декан Браун старался относиться к каждому преподавателю и студенту колледжа с равным уважением и вниманием, но, по его словам, эти люди не позволяли ему проявлять к ним свое доброе отношение. И спустя некоторое время он проникся к ним жгучей ненавистью. Однажды утром, улучив момент для того, чтобы спокойно поразмыслить над происходящим, он подумал: «Невозможно предугадать свои чувства по отношению к тому или иному человеку, но вполне возможно выработать правильную линию поведения. Относись к ним как к своим лучшим друзьям, так чтобы всякий, глядя на тебя, подумал, что они твои братья».

«Я определенно не испытывал к ним братских чувств, — признавался Ричард Браун, — но мог попытаться проверить на практике созданную мною модель поведения».

Некоторое время Браун руководствовался в своих действиях этими принципами. Один из ненавистников Брауна был его ассистент по математике и химии. Несколько месяцев спустя он пришел к Брауну и сказал: «Я заметил, что в последнее время Вы были очень заняты, и поэтому составил новое расписание занятий по математике и химии на следующий семестр». Завязался разговор, и два прежде ненавидящих друг друга человека стали друзьями до конца своих дней. Через некоторое время и другой из прежних врагов Брауна явился к нему и расска-

зал о беде, постигшей одного из членов его семьи, он понял, что Браун — единственный человек, с кем он может поговорить о своем несчастье. Примирение с третьим недругом произошло несколько позднее, спустя почти год. Все вместе они стали работать над тем, чтобы сделать Блуфилдский колледж образцом добровольной системы совместного образования. За заслуги в деле десеграциации муниципальный совет удостоил Ричарда Брауна специальной награды.

В 1995 году в США имело место событие, которое стало результатом не столь болезненных и драматичных усилий, как решение, принятое синодом Голландской реформатской церкви в Южно-Африканской Республике, согласно которому церковь принесла свои извинения народу Южно-Африканской Республики за религиозное оправдание и поддержку режима апартеида. Тем не менее происшедшее в Соединенных Штатах Америки имело важное значение для всего американского общества и заняло первые полосы американских газет.

«Союз южных баптистов» (*Southern Baptist Convention*), большинство членов которого были представителями белой расы, принес официальные извинения за проводимую в течение многих десятков лет политику попустительства и примирительного отношения к расизму. Союз был организован в 1845 году после возникновения разногласий между северными и южными баптистами по вопросу о рабовладении. Тогда южные баптисты предпочли упразднению рабства раскол. В настоящее время «Союз южных баптистов» является наиболее крупным протестантским объединением на территории Соединенных Штатов Америки. Он включает в себя почти 16 миллионов членов, посещающих 39 910 церквей, из которых 1800 — преимущественно афро-американские.

Извинения прозвучали на ежегодном съезде Союза в Атланте и были облечены в форму резолюции, строго отвергающей «действия злых сил в истории, результатом которых стало рабство». Далее в резолюции выражалась надежда на прощение. Посланцы (так называют себя делегаты съезда) заявили: «Мы приносим извинения всем

афро-американцам за потворствование индивидуальным и систематическим проявлениям расизма на протяжении нашей жизни. Мы искренне раскаиваемся в том, что мы вольно или невольно были вовлечены в процесс расовой дискриминации». Резолюция была принята большинством голосов. 20 тысяч присутствовавших на съезде стоя приветствовали результаты голосования. В своем заключительном слове, обращаясь к собравшимся в зале, Билли Грэм сказал: «Я благодарю Бога. Пусть произошедшее сегодня будет способствовать моей миссии в мире!»

Гари Фрост, второй вице-президент Союза, заявил в ответ: «От имени моих чернокожих братьев и сестер я принимаю извинения. Мы молимся о том, чтобы ваше раскаяние нашло отражение в ваших мыслях и действиях». Другой афро-американец южно-баптистский священник Джордж Маккалеп дал ответ критикам резолюции, которые увидели в ней лишь попытку пополнить ряды членов объединения. Он сказал: «Дух Божий вдохновил нас на принятие этой резолюции. Раскаившиеся сердца его осуществили. Резолюция является еще одним подтверждением преображения людских сердец под воздействием силы Господа. Расизм — главный грех, гнетущий Америку. Важно то, что протестантская церковь нашла в себе силы выступить против него».

Как сообщалось в передовой статье сент-луисской газеты *Post-Dispatch*, «готовность признать и принести извинения за грехи прошлого может привести к преображению всего общества, поскольку подобные действия предоставляют возможность более честного взгляда на мир в настоящем и будущем». *Atlanta Journal* дала следующую оценку происходящему: «Принесение извинений и их принятие пострадавшей стороной закладывают фундамент в построение честных и открытых межрасовых взаимоотношений в будущем». Карл Т. Роуэн (Rowan), афро-американский обозреватель чикагской *Sun-Times*, в открытом письме обратился к президенту «Союза Южных Баптистов»: «Я воспринял резолюцию как проявление подлинного благочестия, так необходимого Америке в самые трудные для нее времена. Принятое вами

решение соответствует животворному духу Иисуса Христа. Оно позволит увести Америку в сторону от напоминающего паранойю фанатизма, безмозглого убожества, нелепой жадности и рабства. И если прав Иисус в том, что один хороший человек способен изменить окружающий его мир, то нет сомнений в том, что более 15 миллионов американцев, пополнивших недавно ряды южных баптистов, смогут произвести необходимые для спасения всей нации изменения».

9 октября 1990 года министр юстиции США встал на колени перед прикованным к инвалидной коляске 107-летним американцем японского происхождения Маморо Это (Ето) и, передав ему чек на 20 тысяч долларов, принес извинения от лица всей нации. «Признавая свои ошибки, государство не разрушает своей целостности, но, наоборот, подтверждает искренность в исполнении обязательств перед конституцией и, следовательно, перед его народом», — сказал Дик Торнбер.

Маморо Это был одним из 120 тысяч американцев японского происхождения, две трети которых родились в США. В разгар антияпонских настроений, прокатившихся по стране после событий в Перл-Харбор, эти люди подверглись насильственному переселению и интернированию. Они были помещены в «концентрационные лагеря», как называла впоследствии места их поселения «Лига американских граждан японского происхождения» (*Japanese American Citizens League*). Маморо Это служил в то время священником в Первой назарянской японской церкви (*First Nazarene Japanese Church*) в Пасадине. «Эти лагеря не были лагерями смерти, — писала обозреватель *Los Angeles Times* Бетти Каниберти, — но о свободе, чувстве собственного достоинства и надежде на осуществление мечтаний обитателям временных лагерей на территории Калифорнии, Колорадо, Аризоны и Вайоминга можно было забыть».

Конгресс США выделил 1,25 миллиарда долларов на репарационные выплаты пострадавшим за то, что некоторые законодатели называли «пятном позора на репутации Америки». Денежные компенсации получили примерно

65 тысяч человек, в число которых вошли как сами жертвы интернирования, так и их потомки.

Массовое перемещение 1943 года последовало вслед за подписанным президентом Франклином Д. Рузвельтом приказом, согласно которому американцы японского происхождения в связи с «военной необходимостью» выселялись с западного побережья США. Так что каждый денежный чек, выдаваемый жертвам интернирования, сопровождался заявлением тогдашнего президента США Джорджа Буша: «Мы никогда не сможем в полной мере исправить ошибки прошлого. Но мы в состоянии стать на сторону справедливости и признать серьезные правонарушения, совершенные против наших сограждан японского происхождения во время Второй мировой войны».

Роберт Т. Матсуи, член Конгресса США от Сакраменто, провел первые годы своей жизни в одном из таких лагерей в Калифорнии. Примерно в то же самое время его жена Дорис родилась в лагере для интернированных в Колорадо. Матсуи был одним из инициаторов и деятельных участников принятия Акта о гражданских свободах, который санкционировал принесение извинений и выплату компенсаций. В этом деле поддержку ему оказали сенаторы Даниэль Инуйе и Спарк Матсунага, а также депутат Конгресса от Калифорнии Норман Й. Минета, который в возрасте десяти лет был интернирован в лагерь Вайоминга. Матсуи оценивает происшедшее как великую победу, имеющую огромное значение не только для жертв насильственного перемещения, но и для Конгресса и страны в целом. По его мнению, принятое решение ознаменовало итог «мучительного движения к национальному искуплению». Матсуи не получил компенсации. Он добровольно отказался от своего права ради того, чтобы иметь возможность проголосовать за законопроект в Палате представителей.

20 тысяч долларов, в качестве компенсации выплаченные американским правительством, являются практически ничем по сравнению с теми денежными средствами, которые были потеряны американцами японского про-

исхождения во время их насильственного переселения. Тем не менее, один из жертв этого произвола в телеинтервью выразил благодарность за полученную сумму. Но, конечно, несравнимо большее значение имели произнесенные публично извинения.

Наиболее оскорбительным для представителей японской общины было открыто выраженное сомнение в их политической благонадежности и последовавшие вслед за этим гонения, основывающиеся лишь на расовом критерии. Многим служившим тогда в армии США американцам японского происхождения пришлось наблюдать, как их семьи насильственно переселяли в лагеря для интернированных. Добровольцы с японскими корнями сражались в знаменитом 100-м пехотном батальоне и в тактической группе 442-го полка, которые понесли наибольшие потери в той войне и снискали себе славу, не превзойденную ни одной войсковой частью во всей истории Соединенных Штатов Америки.

На трогательной церемонии, имевшей место в министерстве юстиции США, Дик Торнбер произнес следующие слова: «Я помню о той роли, которую министерство юстиции сыграло в вопросе об интернировании. Символично, что мы исправляем ошибки прошлого здесь, в этом здании». Депутаты Палаты представителей Матсуи и Минета в слезах заключили друг друга в объятия, пока собравшаяся в Грейт Холле публика исполняла «Боже, храни Америку» (*God Bless America*)². Минета сказал: «Американцы японского происхождения наконец-то прониклись уверенностью в то, что буква и дух нашей Конституции распространяется в полной мере и на них».

В 1994 году в возрасте 44 лет скончался афро-американский общественный деятель Спенсер Перкинс, написавший в соавторстве с белым Крисом Райсом книгу *More than Equals*. Перкинс и Райс являлись также лидерами

² *God Bless America* («Боже, храни Америку») — патриотическая песня И. Берлина, написанная в 1939 г. Особую популярность приобрела в исполнении певицы К. Смит. Этими словами всегда завершал свои официальные выступления президент Р. Рейган.

движения «Сообщество примирения», ратующего за преодоление расовых разногласий. Незадолго до смерти Спенсер Перкинс выступил с публичным обращением, которое процитировал еженедельник «Христианство сегодня» (13 июля 1998 года). В своем обращении он говорил о тупике, в который зашли США в вопросе о межрасовых взаимоотношениях. Причиной этого, по его мнению, было нежелание прощать:

«Хотя мы должны по-прежнему говорить от имени угнетенных и неустанно предостерегать угнетателей, моя готовность их простить не зависит от того, как воспримут они это прощение. Благодаря милосердию и прощению мы обретаем подлинную свободу. Нам не надо больше тратить свою эмоциональную энергию на мысли о том, что однажды наши мучители "получат по заслугам".

Укрепляясь в милосердии, я снимаю с плеч своих тяжесть, которая без подпитки извне становится почти что невесомой. Прощая и принимая тех, кто глух к божественной заповеди творить справедливость, мы тем самым позволяем им слышать Бога, не ища своего, что в конце концов придает нашему служению большую целостность. Способность являть милосердие и одновременно проповедовать справедливость делает нашу деятельность наиболее эффективной».

Когда оружие молчит: враги становятся друзьями

«Господи, прости!»

Надпись в кафедральном соборе города Ковентри

«Упокойся с миром. Мы более не совершим такой ошибки».

Надпись в Мемориале Хиросимы

В 1898 во время сражения близ Сантьяго моряки, находящиеся на борту американского линкора «Техас» громкими криками приветствовали потопление испанского судна «Вискайя», в то время как американский капитан Джон Вудворд Филип пытался сдержать их ликование словами: «Утихните, парни, бедняги умирают». Как часто в пылу сражения не остается места для сострадания! Для большинства людей прощение пока что не стало главным импульсом, руководящим их мыслями и поступками.

Но после завершения военных действий появляется возможность проявить свое великодушие. При капитуляции Японии в конце Второй мировой войны во время церемонии, проходившей на борту американского линкора «Миссури», генерал Дуглас Макартур произнес следующие слова:

«Идейные и идеологические разногласия между нашими странами уже получили свое разрешение на полях сраже-

ний. Поэтому сейчас не время и не место обсуждать их. Мы собрались здесь... не для того, чтобы выразить недоверие и недобрые чувства друг к другу. Мы, как победители, так и побежденные, встретились здесь для того, чтобы подняться над нашими чувствами ради достижения священной цели, стоящей перед нами. Ею является надежда всего человечества на возникновение нового, лучшего мира, который станет результатом этого торжественного события. Он займет место мира прежнего, переполненного кровью и страданиями. Новый мир будет основываться на вере и взаимопонимании. В нем будет выше всего цениться человеческое достоинство. Все в нем будет подчинено осуществлению самых сокровенных устремлений человека, среди которых первостепенными являются свобода, справедливость и терпимость в отношениях друг с другом».

Южно-африканский писатель Лоренс Ван дер Пост, побывавший в японском плену, так выразил мнение многих людей: «Когда смолкали залпы орудий, мы всегда пытались стать друзьями наших врагов». К сожалению, это удается не всем. В настоящей главе описывается ряд случаев взаимного прощения и примирения, которые имели место в Новой Зеландии, Польше, Лаосе, Аргентине, Эфиопии, Сомали и Вьетнаме.

Немецкий фельдмаршал Эрвин Роммель однажды сказал: «Дайте мне батальон маори, и я покорю весь мир». Он имел в виду мужество, проявленное в годы Второй мировой войны новозеландским подразделением союзнической армии, состоящим из представителей коренного населения островов. Пожалуй, самым известным сражением, в котором участвовало вышеназванное подразделение, была битва при Монте-Кассино в Италии. Капелланом батальона был в то время отец Ви Те Тау Хуата, занявший впоследствии пост капеллана королевы маори. В награду за проявленные в том бою храбрость и мужество он получил Военный крест Великобритании. Так была отмечена доблесть священника, который, не обращая внимания на свист пуль и снарядов, помогал выносить раненых с поля боя.

Ви Те Тау Хуата, отец и дед которого были священниками Англиканской церкви, верил в то, что его народ при-

зван осуществлять миротворчество в Тихоокеанском регионе. Он старался всеми силами содействовать сближению маори и живущих в Новой Зеландии европейцев или, как их называет коренное население, пакеха. При этом он опирался на свой собственный опыт по преодолению ненависти к немцам и предубеждений к католикам. По мнению Хуаты, ненависть — это болезнь. Он называет ее «раком горечи».

Через 25 лет после окончания Второй мировой войны отцу Хуате по пути на конференцию в Швейцарию довелось пролетать над Монте-Кассино. Пилот, не догадываясь, сколь важное значение может иметь это слово для его пассажира, указал на находящееся внизу местечко. Хуатой овладели горькие воспоминания. Он вспомнил, как в качестве капеллана подразделения похоронил здесь многих своих соплеменников.

Прибывшую на конференцию делегацию из Новой Зеландии приветствовала немка Фульвия Шпоерри, которая, описывая принципы работы конференц-центра, сказала следующее: «Я немка. Многие люди моего поколения называют себя европейцами. Мы стыдимся того, что ваши страны, находящиеся на другом конце света, заплатили столь высокую цену за действия, предпринятые нашими странами в период Второй мировой войны. Мы не просим вас забыть о тех событиях. Мы лишь просим вас простить нас».

Слова Фульвии Шпоерри привели отца Хуату в ярость. Чуть позже он сказал своему другу, что это был один из худших моментов его жизни: «Меня заставили вспомнить обо всех моих друзьях, которых я похоронил в Италии, мне напомнили о том, как я молился тогда, призывая Господа уничтожить Гитлера и стереть с лица земли Германию и всех немцев».

На вопрос друга о дальнейших планах и намерениях, отец Хуата ответил так: «Мне необходимо просить прощения у этой женщины. Все эти годы я был священником и тем не менее продолжал хранить в своем сердце ненависть». Он вспомнил о вопросе, заданном его женой, перед поездкой в Швейцарию. Она спросила: «Что ты бу-

дешь делать, когда встретишься с немцами?» Он тогда ответил, что будет действовать в зависимости от ситуации.

В этот момент мимо проходила Фульвия. Хуата остановил ее и попросил о прощении.

В своем выступлении на утреннем заседании конференции, состоявшемся на следующий день после происшедшего, Хуата, обращая ко всем присутствующим в зале немцам, повторил свои извинения. Он говорил о необходимости примирения как в рамках одной семьи, так и в международных отношениях. После этого выступления к Хуате подошли офицеры из экспедиционного корпуса Вермахта в Африке, о присутствии которых на конференции священник даже и не подозревал. Они пришли, чтобы поблагодарить его и пожать ему руку.

Тесное взаимодействие с представителями Германии на конференции изменило всю жизнь отца Хуаты. По его словам, это единение как между членами его семьи, так и в отношениях с прежними противниками стало возможным после того, как он исправил свои прошлые ошибки. «Покуда я был одержим горечью и злобой, я был слеп к нуждам нашей собственной семьи». Он решил излить свою горечь на старшего сына, который женился на католичке. «Я не мог простить его до тех пор, пока не понял, что библейский призыв "Возлюби ближнего своего" относится в равной степени и к представителям иных конфессий!»

На конференции Хуата подружился с племянником генерала Вестфалья, преемника Роммеля на посту командующего экспедиционным корпусом немецких войск в Африке. В результате батальон маори получил приглашение участвовать в следующем слете Африканского корпуса. Хуата прочитал приглашение в присутствии ветеранов, собравшихся на церковную службу перед началом собственного слета в Новой Зеландии. Он рассказал им о случившемся с ним в Швейцарии.

26 ветеранов откликнулись на приглашение и были восторженно приняты 7 тысячами африканских ветеранов. Отца Хуату попросили занять почетное место рядом с

женой и сыном Роммеля и выступить с приветственным словом. «Настало время для проявления братских чувств по отношению друг к другу, — сказал отец Хуата, — настало время для примирения, прощения и очищения. Невозможно простить, не отдавая при этом какой-нибудь части самого себя¹, невозможно стать братом кому-либо, не принимая во внимание чувств других². Точно так же единство немыслимо без понятия о единении.

В ответном обращении генерал Вестфаль сказал: «Приняв наше продиктованное доброй волей приглашение, вы не только продемонстрировали, что являетесь героями на поле боя, но и показали все величие своей души».

Хуата любил приводить шутку другого ветерана экспедиционного корпуса, сказанные этим человеком при виде широкого стана священника: «Мы, должно быть, были страшными мазилами, поскольку не попали в вас».

В новозеландской газете *Waikato Times* была опубликована статья, рассказывающая о посещении Хуатой Германии, в ней, в частности, отмечалось: «Отец Хуата постоянно указывает на то, что ненависть и Христос не могут одновременно сосуществовать в душе одного человека. Слова Хуаты обращены как к маори, так и к пакехе. Похоже, что тем же самым принципом стали руководствоваться и жители других регионов мира».

Ольгерд и Анеля Штепан, поляки, ныне живущие в Англии. Они также знают о великой силе прощения, которое некогда совершенно преобразило их собственную жизнь. К числу эпизодов, свидетельствующих о важной роли прощения в деле национального примирения, они могли бы добавить событие, имевшее место в 1965 году, когда польские епископы обратились к немцам с призывом «после страшных лет нацистской оккупации простить и предать забвению» прошлое и идти в будущее и «со Христом и во Христе». Польские епископы сделали тогда сле-

¹ Английский глагол *to give* «давать» здесь воспринимается как составная часть глагола *to forgive* «прощать». — *Прим. пер.*

² В оригинале игра слов *brother* «брат» и *other* «другой». — *Прим. пер.*

дующее заявление: «Мы, как добрые христиане и существа, наделенные человечностью, протягиваем вам руки в знак дарования прощения и одновременно с мольбой о прощении». Немецкие епископы восприняли это обращение «с радостью и энтузиазмом».

Семья Штепанов назвала это событие «проявлением огромного мужества», так как подобное заявление было встречено жесткой критикой и обвинениями в «прогерманских настроениях», прозвучавшими со стороны коммунистического режима в адрес многих епископов, священников и вообще католиков. Обращение деятелей церкви привело, в конце концов, к возникновению в политических кругах обширной дискуссии по вопросу о советском протекционизме, направленном против «мстительных германцев», что, в свою очередь, позволило Римско-католической церкви Польши начать играть более заметную роль на международной арене и в некоторой степени даже способствовала избранию папой польского кардинала Кароля Войтылы. Поистине велика сила подлинного прощения. Она, как ничто другое, делает нас действительно свободными.

Ольгерд Штепан, ведущий деятель польского католического движения в Великобритании, говорит, что в своей работе на Европейском форуме соборов католических мирянских организаций (*European Forum of Catholic Laity Councils*) он поддерживает постоянный диалог с немецкими коллегами. На форуме были установлены специальные правила, регламентирующие порядок проведения встреч, которые способствуют взаимопониманию и откровенному обмену мнениями между его участниками. «Честность — это не только основа любых отношений, но и проявление уважения к воззрениям другого человека», — считает Ольгерд Штепан.

То, что Штепаны так охотно идут на диалог с немцами, не следует воспринимать как должное, принимая во внимание ужасные испытания, перенесенные этими людьми в годы Второй мировой войны. Они выросли на Западной Украине, которая входила тогда в состав Польши. В результате они пострадали и от немецких захват-

чиков, и от советских властей. «Немецкие летчики использовали нас в качестве живых мишеней, расстреливая как людей, так пасущийся на полях скот. Наши города регулярно подвергались бомбардировкам, было ужасно много жертв среди гражданского населения», — вспоминает Анеля Штепан, которой было тогда пятнадцать лет. Вскоре после вторжения немецких войск с запада с востока стала наступать Красная армия. Стоял сентябрь. Сотрудники КГБ произвели обыск в их доме и, заявив, что в 24 часа они должны покинуть родину, отвезли их на станцию, где поместили в вагон для перевозки скота. Они были направлены на принудительные работы на север России. Ехали туда три недели. Единственной пищей был хлеб, который выдавали через день. Кому-то удалось взять из дома кое-какие припасы. Анеля вспоминает, что только три раза им давали горячий суп.

На протяжении последующих 6 месяцев в Советский Союз депортировали 1,5 миллиона поляков, что составило примерно десятую часть населения Польши. «Нам повезло больше, чем Анеле, — говорит Ольгерд, — так как ко времени нашего вынужденного переселения уже наступила весна». За четыре месяца до этого его отец, архитектор, был арестован КГБ. Больше Ольгерд его не видел: отец умер в советской тюрьме.

На следующий год немецкие войска вторглись в Советский Союз, и Анеля направилась на юг, чтобы вступить в ряды заново формирующейся Польской армии. Однако ее сочли слишком слабой для военной службы и, в конечном счете, направили в одну из школ в Палестину. В дни пасхальных праздников 1945 года в Американском университете Бейрута она познакомилась с Ольгердом. Через год они поженились. А в 1950 году они решили поселиться в Лондоне.

Желая забыть прошлое с его страданиями, Штепаны с головой окунулись в лондонскую жизнь. Но в 1956 году советские танки подавили восстание в Венгрии. Ольгерд был охвачен горечью захлестнувших его эмоций. Он осознал, что время его рождения, равно как и язык его предков, были дарованы ему Господом. «Я понял, что должен

уважать выбор Бога и перестать стремиться уйти от действительности. Я должен жить с моим народом и культурой». Он ощутил в себе призвание быть «надеждой для угнетенных и обманутых». Все это побудило его к активному участию в работе Польского института католического действия (*Polish Institute of Catholic Action*). Штепан руководил его работой с 1968 по 1986 год.

Вернувшись в Польшу после долгих лет отсутствия, Анеля по совету одного священника посетила Освенцим, где закончили свои дни десятки тысяч ее сограждан. Анеля, несмотря на выпавшие на ее долю страдания, никогда не испытывала ненависти к русским или украинцам. Она видела, сколь много они претерпели от сталинского режима. Но ненависть к немцам продолжала жить в ее сердце. Сначала она не вняла совету священника, опасаясь ужасов концентрационного лагеря, но затем все же согласилась. Позднее она так описывает свои впечатления:

«Прошло уже много лет, но воспоминания об увиденном там до сих пор угнетают меня. Священник подвел меня к стене смерти. Мы увидели горы старой обуви и остриженных волос, и поныне лежавших на том месте. Передо мной внезапно открылась еще одна страница истории человеческих страданий. Мне хотелось бежать без оглядки, но я не могла и двинуться с места. Я была словно парализована ужасом. Напротив стены смерти стоял огромный крест, на котором производились публичные казни. Оглянувшись, я внезапно увидела этот крест. Я чувствовала себя так, как, наверное, чувствовал себя Христос перед казнью. Я ужаснулась собственной ненависти к немцам. Для меня они были олицетворением зла. Лагерь напоминал конвейер смерти, и это было ужасно.

Я крикнула: "Боже мой, Боже мой, помоги мне!" И тут я увидели протянутые ко мне руки Христа. Я услышала его голос: "Отче! Прости им, ибо не знают, что делают". Голос прозвучал еще раз, и затем послышалось: "Я умер за них, я умер за них". Для меня эти слова стали величайшей победой, но не моей, а Его. Состояние подавленности отступило, и я почувствовала себя полностью обновленной. В момент осознания своего преобразования все мое существо охватило чувство глубочайшей благодарности Господу. Но что гораздо

важнее, ненависть оставила меня тогда навсегда. С тех пор я ежедневно молюсь за немецкий народ».

Ольгерд Штепан полагает, что после падения тоталитаризма в Центральной и Восточной Европе возобладали крайнее националистические умонастроения, и потому мы как никогда, нуждаются в культивировании прощения. И в гораздо большей степени, чем то, которое испытала его жена при посещении Освенцима.

По словам Штепанов, «в акте прощения человек достигает максимальной самореализации; только тогда мы до конца проявляем в себе "образ Божий"». Как католики они убеждены в великой роли исповеди, в которой священник выступает *in persona Christi* (как свидетель со стороны Христа). Акт прощения имеет двоякое значение. Обидчика он освобождает от бремени вины и угрызений совести. Обиженного он избавляет от отрицательных эмоций как в отношении обидчика, так и в отношении самого себя. Прощая, человек получает свободу, необходимую для того, чтобы, оставив в прошлом рабство, достичь земли обетованной, где царствует любовь. Прощение драгоценно. Ибо оно связано с искуплением грехов всего человечества, осуществленным Иисусом Христом на кресте. Прощение приобщает нас к Его страданию и одержанной Им победе».

Тианетон Чантарази и его жена Вьенгксай живут в настоящее время в Австралии, в стране, где Тианетон некогда исполнял обязанности поверенного в делах Лаоса. В 1970 году Тианетон был послом в Индии, а затем занимал пост министра иностранных дел в последнем коалиционном правительстве Лаоса перед захватом власти коммунистами в 1975 году. Находясь в изгнании, Тианетон Чантарази стал генеральным секретарем Объединенного национального фронта освобождения Лаоса. Более всего членов этой организации заботит благополучие полумиллиона лаосских беженцев, разбросанных по всему миру. Чантарази и его жена неоднократно занимались сбором одежды и медикаментов, предназначенных для обитателей лагерей беженцев. Они также активно участвуют в жизни лаосской общины Сиднея. В интервью

корреспонденту местной газеты Тианетон Чантарази сказал следующее: «Мы все должны сажать деревья, даже если нас не учили этому. Любые проявления доброй воли в человеке достойны всякого восхищения».

Борьба за свободу началась для него в 40-х годах XX века. Тогда он молодым человеком записался в ряды Армии национального освобождения, боровшейся за изгнание французского колониального правительства. Тианетон и его жена могли бы с полным правом возненавидеть французов, японцев, американцев, равно как и коммунистов, в особенности, представителей северовьетнамского направления, которые, захватив Лаос, уничтожили в концентрационных лагерях тысячи его сограждан и попытались создать новую расу, насильно вынуждая вступать в межнациональные браки вьетнамцев и лаосцев. Семья Чантарази до сих пор страстно желает освобождения своей страны от иностранного владычества. Тем не менее они, по их словам, предпочли «разорвать цепи ненависти». «Если испытываешь ненависть к собственному брату, то как же можно рассчитывать на освобождение своей страны?» — спрашивает Тианетон.

В очерке «Перспективы национального примирения в Лаосе», написанном им в 1995 году от имени руководителей лаосской общины в Австралии, Чантарази говорит, что Лаос был вовлечен в порочный круг ненависти и жажды мести. Для того, чтобы преуспеть в деле национального примирения, необходимо действовать в большем масштабе, необходимо прощение со стороны целого народа. «Ненависть, сковывающая сердца лаосской политической и интеллектуальной элиты, должна быть разорвана. И это станет первым шагом на пути разрешения стоящих перед нацией проблем».

Тианетон Чантарази убежден в том, что лаосцы не могут забыть, но они способны простить. Причин, не позволяющих забыть прошлое, великое множество. Одной из них является то, что люди часто становятся заложниками прошлых событий. Они непрестанно возвращают в своем сердце ненависть и жажду отмщения за причиненные им как народу несчастья, что может, в

свою очередь, привести к новым виткам вооруженного конфликта. Путь к примирению через прощение незнаком ведущим лаосским политикам, и поэтому представляет избравшим его большие трудности. «Однако цепь ненависти и мести может быть прервана, если за дело возьмутся сильные и мужественные политические деятели».

По словам Чантаразы, настоящий коммунистический режим в Лаосе связан с Вьетнамом в военном, политическом, экономическом и культурном отношении. По сути дела, Лаос является «провинцией» своего более могущественного соседа. Тем не менее, надежду вселяет тот факт, что в 1997 году Лаос был принят в АСЕАН (Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии), и эта организация призвала создать к 2002 году «открытые» общества на территории государств—своих членов. Тианетон Чантаразы, как и все лаосцы, прилагает все усилия для того, чтобы выборы в Национальную ассамблею, которые должны состояться в этом году, были честными и свободными. Он надеется, что после выборов будет объявлена всеобщая амнистия, которая коснется сторонников, как правых, так и левых, и будут преодолены противоречия, существующие между прежним и нынешним режимами. Результатом подобной политики станет возникновение новых условий, более благоприятных для общенародного прощения и национального примирения».

Стремление Тианетона Чантаразы и его жены вернуть свою страну на путь свободы и демократии сопряжено с желанием создать такое лаосское общество в будущем, которое будет невосприимчиво к попыткам насильственного свержения правительства, предпринимаемым теми или иными политическими силами. «Мы должны принять во внимание не только сам факт освобождения Лаоса, но и его последствия, — говорит своим согражданам Тианетон, — поскольку на примере других стран мы неоднократно замечали, что, несмотря на смену власти, следующую за освобождением, кровопролитие не прекращается. Нам нужно создать фундамент нового общества,

которое будет построено на вере и взаимном доверии, любви и уважении по отношению к различным племенам и этническим меньшинствам».

Основой будущего сближения должен стать буддизм, который, по мнению Тианетона, несет в себе «величайшую надежду» для всего Лаоса. «Нам необходимо подавить в себе ненависть и провести в разбросанных по всему миру лаосских пагодах совместные молебны о прощении. Прощение — не панацея от всех бед, тем не менее, оно может способствовать миру и процветанию нашей страны».

Чантарази и его жене удалось сохранить жизнь именно из-за их великодушия и стремления поддерживать диалог даже с своими идеологическими противниками. В период участия в деятельности коалиционного правительства Тианетон при активной поддержке со стороны жены пытался заложить нравственные основы лаосского общества. Одному молодому активисту левой партии показались близкими идеи Чантарази в той их части, которая представляла универсальную ценность. В мае 1975 года, придя на встречу с членами своей партийной ячейки, он увидел имя Чантарези, который как бывший министр националистического правительства был включен в списки лиц, подлежащих аресту в ту ночь. Молодой человек поспешил в дом Тианетона и его жены и убедил их уехать. Чантарази, упаковав свои немногочисленные пожитки и получив разрешение премьер-министра на выезд из страны, тайно покинули свой дом и, переправившись через реку Меконг, очутились в Таиланде. Через 15 минут после их отъезда солдаты вторглись в дом Тианетона и его жены, чтобы арестовать их.

В 1998 году президент Аргентины Карлос Менем, находясь в Великобритании, возложил венок в память о британских солдатах, погибших в войне за Фолклендские (Мальвинские) острова. В 1999 году подобный акт доброй воли повторил принц Чарльз во время своего посещения Аргентины. В Буэнос-Айресе принц Чарльз также лично пожал руки ветеранам той войны. Таким образом, на самом высоком уровне была предпринята попытка сбли-

жения между двумя государствами. Не всегда это было легко осуществить. На президента Менема обрушился целый шквал критики за публичное выражение сожаления о происшедшем. Многие расценили действия президента как официальное принесение извинений Великобритании. Ответный шаг принца Чарльза также посчитали открытым вмешательством в политику. Особенное раздражение вызвала выраженная им надежда на установление добрых взаимоотношений между аргентинцами и жителями островов.

Тем не менее процесс проник и на уровень простых солдат, принимавших участие в военных действиях. Орасио Бенитеса, молодого солдата, не так давно призванного в армию Аргентины, посчитали мертвым и оставили на поле боя. Раненый в голову, он так бы и умер, лежа закутанный в шерстяное одеяло среди горы трупов, если бы английский сержант не заметил, что у него моргают глаза. Англичанин доставил раненого в медицинскую часть и тем самым спас его жизнь.

«Я сражался на передней линии фронта, — говорит Орасио Бенитес, — трижды мне отдавали последние почести, и, тем не менее, я выжил. Однако ненависть переполняла все мое существо. Я потерял много друзей на войне. Я действительно сожалею о том, что было столько жертв. Но мы можем изменить мир в лучшую сторону и тем самым не допустить повторения этой трагедии в будущем». На встрече, состоявшейся после окончания войны в Буэнос-Айресе, Орасио попросил присутствовавших британцев о прощении. Он попросил прощения у английских семей, лишившихся в результате военных действий своих отцов и сыновей.

Приехав в Лондон, Бенитес выразил желание встретиться с командиром того британского воздушно-десантного полка, против которого он воевал. Бенитес с горечью вспоминал, как выпустил две автоматных очереди в наступающих британцев. На вопрос корреспондента *Guardian* о причинах, побудивших его высказать подобное пожелание, Бенитес ответил: «Я непрестанно спрашиваю себя о том, скольких детей я лишил их роди-

телей и почему я это сделал?» Он хотел отыскать тех людей в Британских вооруженных силах, которым он мог бы выразить свое покаяние.

Британские друзья, которые оказали Орасио Бенитесу гостеприимство в Лондоне, знали, где найти подполковника Криса Кибла, командовавшего тем самым воздушно-десантным полком. Тот сразу же согласился встретиться со своим бывшим врагом. Их встреча была впечатляющей. Они обняли друг друга. Слезы выступили на глазах Бенитеса, который впоследствии вспоминал: «Я был настолько взволнован, что не мог говорить. Я полагаю, что в тот момент война закончилась для меня по-настоящему. Я испытывал самое странное чувство в своей жизни. Подполковник, казалось, был моим старым добрым другом».

По словам подполковника Кибла, он в течение двух часов терпеливо слушал Бенитеса, пытающегося выразить свое раскаяние и добиться прощения. Затем он спросил аргентинского солдата, что стало бы с его страной, если бы не разразилась война. Услышав о страшных реалиях военной диктатуры, Кибл высказал предположение, что они «оба сражались на одной стороне, на стороне добра против поднимающего голову зла». По мнению британского подполковника, «осознание этого факта освободило аргентинского солдата от чувства вины. Добро, а не я, породило прощение».

Английский офицер убежден в том, что война по своей природе позволяет обеим противоборствующим сторонам совместно «выстрадать» на поле боя то, что в результате послужит делу искупления еще большей несправедливости. «Таким образом, идеи «страсти» и «страдания» являются неотъемлемыми частями прощения, — говорит Кибл. — Воюющие стороны помогают всем остальным отстоять добро».

В битве на Фолклендских островах Кибл, тогда еще майор, во время наступления на Гуз Грин был вынужден взять на себя командование десантным батальоном, после того как его командир был убит. Стоял страшный холод. Его люди сражались уже почти сорок часов. Каждый ше-

стой был либо ранен, либо убит. Складывалось чрезвычайно опасное положение, и Киблу пришлось взять на себя ответственность за исход операции и за жизни людей. Тогда он опустился на колени и произнес: «Господи, вверяю себя Тебе. Поступай со мной, как знаешь. Что бы ни случилось, я благодарю Тебя, ибо во мне да исполнится воля Твоя. Большого я не прошу».

По словам Кибла, в тот момент он полностью преобразился. Испуг и растерянность оставили его. Он преисполнился радости и обрел необычайную ясность в отношении своих будущих действий. Он сказал своим людям, что с рассветом отправится к аргентинцам и предложит им сдаться. Все были в изумлении. «Мы являемся соединением, которое предназначено для силового разрешения конфликтов, а я стал вдруг предлагать нечто совершенно противоположное».

Но Кибл поступил именно так, как говорил. Он отправился к позициям аргентинцев в сопровождении одного артиллерийского офицера и журналиста телекомпании ВВС. Только впоследствии он осознал, что их путь пролегал через минное поле. В своем обращении он апеллировал к вере во Христа, которая объединяла всех аргентинцев под сенью Католической церкви, и призывал их прекратить кровопролитие. К полудню аргентинцы согласились на капитуляцию с сохранением всех знаков отличия. Они провели символический парад, исполнили национальный гимн и лишь после этого сложили оружие. «Я предлагал им то, что они желали, но не могли сделать сами». Аргентинский гарнизон поразил англичан своим количественным перевесом: 1500 аргентинских военных сдались 450 британским десантникам.

Майкл Смит, описывая этот инцидент в журнале *For a Change*, отмечал: «Капитуляция спасла многие человеческие жизни и задала тон всем последующим событиям этой войны». Три недели спустя батальон под командованием Кибла первым вошел в Порт-Стэнли, чтобы принять окончательную капитуляцию аргентинцев.

Война полностью изменила жизни Кибла и Бенитеса. Оба они решили посвятить себя служению людям.

Кибл работает сейчас в группе развития, где он реально может способствовать росту и развитию возможностей других людей. Бенитес, который в настоящее время успешно занимается бизнесом, создал кооператив для ветеранов войны. Кибл надеется, что однажды он и Бенитес вместе посетят те места на Фолклендах, где им довелось воевать. «В конце концов, — говорит он, — мы на одной стороне».

Маммо Вудне занимает в настоящее время пост председателя Союза писателей Эфиопии. Он известный историк, написавший более 40 книг. Вот уже много лет он работает над разрешением конфликта и прекращением военного противостояния между Эфиопией и Эритреей. На прошедшей в 1998 году в Европе конференции он выразил свою озабоченность по поводу приобретения противоборствующими сторонами дорогостоящего оружия, которое, по его словам, имеет место в странах Восточной Азии, Восточной и, может быть, Западной Европы. Вудне высказал тогда серьезные опасения относительно возможного расширения конфликта и вовлечения в него соседних стран, что, в свою очередь, поставит под угрозу стабильность во всем регионе:

«К моему величайшему сожалению, в то время, как мы собрались здесь для разработки лучших путей мирного развития наших стран, две страны, связанные между собой тесными узами братства, оказались вовлеченными в междоусобный конфликт. Когда же люди поймут, что насилие не решит их проблем? Неужели человеческая жизнь обладает меньшей ценностью, нежели разногласия по поводу государственной границы? Вооруженный конфликт — это зло, которое способно погубить и покалечить тысячи жизней, лишить детей родителей и родного крова».

Вудне призвал две страны, равно как и все вовлеченные в другие конфликты государства, отказаться от враждебности и насилия. Он обратился к присутствующим на конференции с призывом содействовать активному включению их стран в миротворческий процесс. За два месяца до конференции Вудне удалось организовать встречу руководителей различных религиозных конфес-

сий Эфиопии — христианских, мусульманских и других общин, — целью которой был вопрос об их мирном сосуществовании. Председательствовал на встрече патриарх Православной церкви Эфиопии. По словам Маммо Вудне, результатом этого мероприятия стала организация постоянно действующего комитета, в который вошли руководители этих конфессий.

Выступая с подобными обращениями к мировому обществу, Вудне опирался на собственный жизненный опыт. В период Второй мировой войны его деревня неоднократно подвергалась бомбардировкам со стороны военно-воздушных сил Италии, которая выступала тогда союзницей фашистской Германии. Во время одной из таких бомбардировок были убиты семья и все родственники Маммо. Тридцатью годами позже он встретил человека, который с гордостью рассказал ему о том, как во время оккупации Эфиопии итальянскими войсками служил в ВВС Италии и участвовал в бомбардировках его родной деревни. Вудне весь затрепетал и в бешенстве бросился в свою комнату за револьвером, желая отомстить за собственные страдания. «Однако голос совести заставил меня задуматься, — говорит Вудне, — и я стал молить Господа указать мне верный путь. Я подумал: разве сможет убийство старого фашиста вернуть мне родных и близких? В то время, как люди по всему миру прощают и, проявляя терпимость, стараются жить в мире, не повторит ли задуманное мной убийство преступления Муссолини?»

Вудне все хорошенько обдумал. На следующий день он нашел старого летчика в том же баре, где с ним познакомился, и рассказал ему свою историю. «Он был поражен, был в ужасе, полагая, что я хочу отомстить. Я сказал, что прощаю его». «Прости, прости», — повторял старый летчик. После этого они обнялись. «Я даже поцеловал его», — говорит Вудне.

Вудне — мужественный человек. Во время правления императора Хайле Селассие он открыто выступал против тех политических шагов руководства страны, которые считал неприемлемыми. В период гражданской войны между Эфиопией и Эритреей он рисковал собственной

жизнью ради сохранения эфиопско-эритрейских взаимоотношений. В 1987 году, когда диктатор Менгисту Хайле Мариам пригласил лидеров ряда африканских государств посетить съезд его партии, Вудне осмелился встать и открыто возразить против этого. После того как Вудне занял свое место, президент Замбии Кенет Каунда поднялся и сказал: «Этот человек говорил в духе подлинного panaфриканизма. Его слова были обращены в будущее Африки».

Сомалиец Ахмет Хассен Эгаль в своем выступлении на Международном форуме лейбористской партии, проходившем в 1998 году в Копенгагене, сказал, что он является частью «сообщества сомалийцев, ратующих за примирение». Его прадед был вождем. В возрасте 25 лет Эгаль вместе с другими членами своей семьи был арестован по приказу стоящего тогда у власти диктатора, несмотря на их общую принадлежность к одному и тому же клану. Эгалья выпустили на свободу через год после задержания. Он потерял все гражданские права и был вынужден бежать в Эфиопию. В 1978 году Эгаль вместе со своими единомышленниками организовал первую вооруженную оппозиционную группировку под названием «Демократический фронт освобождения Сомали».

«Некоторые из интеллектуалов, входивших в наши ряды, впоследствии выступили с критикой лидеров партизанской войны, — сказал Эгаль на конференции в Копенгагене, — в их числе оказался и я. За подобные высказывания я провел год в тюрьме, на этот раз уже эфиопской, и был очень ожесточен». Выйдя на свободу, он понял, что поставленных целей нельзя добиться с помощью оружия, и попросил политического убежища в Швеции. На курсах шведского языка Эгаль познакомился с еще одним беженцем, который ранее возглавлял польское движение «Солидарность». Этот человек помог осознать ему, что процесс изменения должен начаться с него самого. «Прежде я, главным образом, думал, как изменить других», — признается Эгаль.

В 1996 году в разгар гражданской войны и сопутствующего ей голода Эгаль получил возможность посетить Со-

мали в составе одной из шведских гуманитарных организаций. Во время поездки он посетил лидера партизанской войны, под командованием которого он ранее находился, и попросил прощения за некогда проявленные им ненависть и жестокосердие. «Я сказал ему, что хотел убить его при любом удобном случае. Но теперь я свободен от былой ненависти. Когда он понял, что я имею в виду, он простил меня. Тогда я сказал ему, что мы оба должны простить нашего злейшего врага — генерала Айдида».

На это партизанский лидер ответил: «Ахмед, ты заходишь слишком далеко. Этот человек виновен в том, что тысячи детей лишились своих родителей. Они никогда не простили бы мне, если бы я пошел на примирение с этим человеком».

Тогда Эгаль сказал: «Если мы не заключим мира, появится еще больше сирот, и они, в свою очередь, будут винить нас».

Четыре недели спустя из сообщения телерадиокомпании ВВС Эгаль к своему удивлению узнал, что его бывший предводитель с небольшим сопровождением отправился в Могадишо, где прямо на аэродроме примирился с генералом Айдидом. «Я не знаю, явилось ли это примирение результатом нашего разговора. Но я чрезвычайно рад происшедшему. Для будущего Сомали очень важно, что мой бывший руководитель начал сознавать величайшую роль прощения и примирения. И это приобретает еще большее значение в свете избрания этого человека одним из пяти, кто будет возглавлять страну на пути к формированию переходного правительства».

Один ветеран войны во Вьетнаме рассказывает, как ему довелось держать в руках сердце своего товарища, которого за несколько секунд до этого разорвал на куски мощный взрыв. Другой американец примерно того же возраста говорит, что отрубил себе пальцы, пытаясь избежать призыва во Вьетнам. Сейчас впервые каждый из них начинает чувствовать боль другого. Оба они стоят по разные стороны тех событий, которые продолжают разделять Америку на две части и относительно которых лишь очень немногие способны открыто обмениваться мнениями.

«Необходимо пройти через всю эту боль, чтобы избавиться от нее навсегда», — говорит Джек Истес. Он и его жена Коллин О'Каллаган организовали встречу в Портлендском университете, на которой имел место подобный откровенный обмен мнениями. Целью мероприятия было способствовать исцелению нанесенных вьетнамской кампанией ран. Напомним, что в ту войну потери Америки составили 58 тысяч человек убитыми, 300 тысяч ранеными, и более 60 тысяч ветеранов покончили впоследствии жизнь самоубийством. Портлендский университет был в 1970 году местом проведения массовых антивоенных демонстраций.

«Моя семья не понаслышке знакома со страданиями, — говорит Истес, который в составе американской морской пехоты принимал участие в войне во Вьетнаме и написал впоследствии книгу о тех событиях под названием «Сфера невинности». — Мои родные видели страдание на моем лице, слышали его в моем голосе, ежеминутно и ежесекундно ощущали его». Пока Джек воевал во Вьетнаме, Коллин, которая была тогда еще незамужней девушкой, активно участвовала в антивоенных манифестациях в Орегоне. Она не согласна с Джеком, который полагает, что война во Вьетнаме была справедливой и антивоенные демонстрации лишь продлевали ее. По всей вероятности, именно готовность семьи Истесов продолжать начатое ими дело, несмотря на существующие между ними разногласия, помогает завоевать сердца как сторонников, так и противников тогдашней военной кампании.

«В войне участвует все общество, — говорит Коллин, — точно так же все общество должно принять участие в исцелении полученных в ней ран. Мы должны поддерживать связь между ветеранами и лицами, уклонившимися тогда от военной службы, между участниками антивоенных манифестаций и теми, кто остается равнодушным к событиям той войны».

После возвращения из Вьетнама Джека Истеса постоянно мучили ночные кошмары. «Война была со мной, она иссушала меня непрерывными воспоминаниями, терзала мои чувства», — говорит он. Наконец, по настоянию

Коллин, Джек вместе со своей семьей еще раз посетил Вьетнам в 1993 году. Они привезли с собой медикаменты, книги и игрушки и, путешествуя по стране, раздавали их.

В марте 1969 года взвод, в котором служил Истес, подвергся нападению вьетконговцев. Большинство его товарищей были либо убиты, либо ранены. Жизнь Джека спас Хьен, житель располагавшейся неподалеку деревни. Мысли об этом человека не оставляли Джека на протяжении 25 лет. В ту поездку он снова встретился с ним. Они отправились туда, где познакомились в далеком 1969-м. Там не осталось ни следов мощных бомбовых ударов Б-52, ни результатов применения напалма. На месте бывших сражений мирно зеленели джунгли. Джек также встретился с молодым человеком по имени Квай, который в возрасте 10 лет стал жертвой противопехотной мины. Он был слеп на один глаз. У него не было одной ноги и обеих рук. Они подружились, но Джек сознавал, что мало чем может помочь этому человеку.

Подобные встречи побудили Джека и Коллин к учреждению Фонда павших бойцов, который является в своей основе гуманитарной организацией.

Во время одной из последующих поездок во Вьетнам, которую осуществили Истес и члены его фонда, Джек вместе с докторами и медсестрами Северо-западных медицинских бригад оказывал медицинскую помощь примерно 150 больным в день, а также заботился об их дальнейшем лечении. Во время другой поездки в 1998 году он привез медицинский персонал для лечения беднейших слоев населения, многие из которых «никогда в своей жизни до этого ни видели врачей». Фонд изготовил для Квая протезы. Его сотрудники также оказывают поддержку еще одному молодому вьетнамцу, находящемуся в данный момент в Орегоне. Фонд продолжает поставлять во Вьетнам медицинское оборудование и планирует строительство там новых медпунктов, а также колодца и туалета для одной из школ. В Соединенных Штатах Америки сотрудники фонда помогают ветеранам, страдающим от послетравматических психических расстройств и надеются организовать видеархив, где будут

собраны материалы, посвященные ветеранам вьетнамской кампании. Джек и Коллин хотят также снять фильмы о солдатах противника и разослать их по библиотекам США в качестве наглядного подтверждения трагедии войны. «Мы полагаем, что эти фильмы будут способствовать прощению и исцелению старых ран и, возможно, внушат будущим поколением мысль о том, что трагические последствия войны продолжают ощущаться и после ее завершения. Конец войны лишь знаменует собой новый виток страданий».

В 1998 году Коллин пригласила в Орегон буддийского монаха Клода Томаса. Он воевал во Вьетнаме. В настоящее время Томас является членом Дзэнского ордена миротворцев и учеником Тхич Нхат Хана. Во время вьетнамской кампании Томас был командиром вертолета. Его пять раз сбивали. Неоднократно он был ранен. Сначала Томас хотел провести серию занятий по медитации, которые бы помогли справиться с последствиями той войны как самим ветеранам, так и членам их семей. Но затем Фонд павших бойцов совместно с Ассоциацией по поддержке находящихся в заключение ветеранов попросили Томаса провести цикл занятий для группы людей, большинство из которых отбывали наказания за убийства. Их поселили на территории одного из заповедников, где они провели некоторое время в полном уединении, что, по словам Джека, «оказало на них чрезвычайно благотворное воздействие».

«Мы не врачи и не адвокаты, — говорит Джек, — но люди постоянно обращаются к нам за помощью». Джек и Коллин убеждены в том, что, помогая людям справиться с неблагоприятными последствиями войны во Вьетнаме, они тем самым способствуют борьбе со многими другими язвами американского общества. «Прощение — шаг на пути к исцелению», — говорит Джек.

Притча

«В последние годы широкая публика имела возможность увидеть драму прощения, разыгранную на сцене в музыкальной версии «Отверженных». В основу мюзикла лег знаме-

нитый роман Виктора Гюго, а точнее та его часть, в которой рассказывается история Жана Вальжана, французского каторжника, личность которого полностью преобразило прощение.

Жан Вальжан за кражу хлеба был приговорен к 19 годам каторжных работ. На каторге он постепенно превращается в закоренелого преступника. В драках он был непобедимым. Никто не способен был сломить его волю. И вот Вальжан выходит на свободу. В те далекие времена каторжники были обязаны носить специальные знаки отличия, свидетельствующие об их прошлом. Ни один хозяин гостиницы не хотел пускать на ночлег опасных преступников. В течение нескольких дней Вальжан скитается по сельским дорогам, пытаясь найти убежище от непогоды, пока, наконец, добрый епископ не дает ему приюта.

Той же самой ночью Вальжан, лежа в кровати, которая с непривычки кажется ему слишком мягкой, дожидается, пока священник и его сестра лягут спать. После чего он крадет из шкафа их столовое серебро и исчезает в темноте.

На следующее утро в дверь дома епископа постучали. На пороге стояли трое жандармов, которые держали за ворот Жана Вальжана. Увидев его на улице со столовым серебром в руках, они поняли, что он его похитил, и были готовы навек заковать его в колодки.

Реакция епископа удивила всех и, в особенности, Вальжана.

— Ах, это вы! — вскричал он, обращаясь к Жану Вальжану. — Я очень рад вас видеть. Но послушайте, что же это вы? Ведь я вам отдал и подсвечники. Они тоже серебряные, как все остальное, и вы вполне можете получить за них франков двести. Почему вы не захватили их вместе с вашими приборами?

Жан Вальжан широко раскрыл глаза и взглянул на почтенного епископа с таким выражением, которое не мог бы передать ни один человеческий язык.

Епископ заверил жандармов, что Вальжан не был вором. "Я сам подарил ему это серебро", — сказал он.

Когда жандармы ушли, епископ передал подсвечники дрожащему и словно онемевшему Вальжану. При этом он сказал: "Не забывайте, никогда не забывайте, что вы обещали

мне употребить это серебро на то, чтобы сделаться честным человеком".

Поступок епископа, полностью лишенный присущего каждому человеческому существу инстинкта мести, навсегда изменил жизнь Жана Вальжана. Прощение, дарованное человеку, не раскаявшемуся в своих злодеяниях, растопило ледяную стену защиты от внешнего мира, воздвигнутую Вальжаном в его сердце. Он сохранил подсвечники как драгоценную память о проявленном к нему милосердии и с тех пор полностью посвятил себя служению другим людям.

В романе Виктора Гюго представлена и другая сторона прощения. Полицейский надзиратель Жавер не знает иного закона, кроме справедливости, он беспощадно преследует Жана Вальжана на протяжении почти двух десятилетий, последовавших вслед за описанными выше событиями. Вальжана преобразило прощение. Что до Жавера, то он одержим жаждой мести. Но после того, как Вальжан спасает Жавера и тем самым проявляет удивительное милосердие по отношению к своему гонителю, полицейский надзиратель чувствует, что земля уходит из-под ног и созданный им мир рушится. Жавер оказывается не в состоянии совладать с этим милосердием, которое идет вразрез с присущими человеку инстинктами. И, не найдя в своей душе прощения, он прыгает с моста в Сену».

*Филипп Янси,
What's So Amazing about Grace*

Еще один мост через реку Квай: англо-японское примирение

«Прощение — украшение храброго».

Санскритская поговорка

В мае 1998 года весь мир обошла фотография, на которой запечатлена группа пожилых британцев, демонстративно повернувших спиной к проезжавшему по Лондону кортежу автомобилей, в котором находились император Японии вместе с королевой Елизаветой II. Это были бывшие британские военнослужащие, попавшие во время войны в плен к японцам. Недружественный поступок ветеранов, свидетельствующий о напряженности, сохраняющейся между народами этих стран со времен Второй мировой войны, стал, наверное, единственным обстоятельством, из-за которого визит главы японского государства запомнился широкой общественности. Как писала газета *Guardian*, «на лицах высокопоставленных членов японской королевской делегации застыло выражение шока и унижения».

Однако в числе встречающих королевскую процессию была и другая группа британских ветеранов войны в Юго-Восточной Азии. Среди них также находились бывшие военнопленные. Эти люди приветствовали императора Акихито, в руках у них были японские флаги. Фотографии этих ветеранов не попали в поле зрения мировой общественности.

И той, и другой группе пожилых британцев есть что рассказать людям. Но как важно было бы для всех нас наряду с историей, повествующей о враждебности, сохраняющейся между двумя народами, услышать рассказ о прощении!

Будет человек способен простить или нет, во многом зависит от его круга общения. Если друзья и знакомые постоянно напоминают вам о перенесенных вами мучениях, о том, как жестоко и несправедливо с вами обошлись, простить вам будет очень нелегко. Но если вы общаетесь с теми, кто, так же, как и вы, многое пережил, но, несмотря на все свои страдания, не желает находиться под гнетом своего страшного прошлого, вы получите мощный импульс, позволяющий вам забыть о своих невзгодах и простить нанесенные вам обиды.

Одним из тех, кто приветствовал императора с японским флагом в руках, был Ричард Чэннер, член Товарищества ветеранов Бирманской кампании. Эта организация ставит своей целью установление новых отношений между теми, кто во время Второй мировой войны находился по разные стороны линии фронта. В этом товариществе много прославленных воинов. У его истоков стоял Вильям Дэвис, машинист из Уэльса. В начале 1980-х годов этот человек решил, что настало время пожать руки тем, против кого он сражался во время войны. Несмотря на протесты жены и возмущение своих товарищей, ветеранов города Абериствита, прекративших всякое общение с Дэвисом, этот немолодой человек установил связь с представителями японского посольства в Лондоне. Через них он вышел на Масао Хиракубо, японского предпринимателя, участника боев при Кохима, в ходе которых японские силы были остановлены в Нагаленде, на границе между Индией и Бирмой. Вместе с Хиракубо Дэвис и еще один ветеран из Уэльса совершили поездку в Японию. Там они встречались с бывшими японскими военнослужащими, также воевавшими в Бирме. Поездка в Японию еще больше убедила Дэвиса в необходимости установления новых отношений между бывшими противниками, хотя его товарищи, ветераны из Абериствита,

как и раньше, продолжали осуждать подобные инициативы. С тех пор под эгидой Товарищества ветеранов Бирманской кампании стали проводиться обмены визитами между различными группами японских и британских ветеранов, а в Вестминстерском аббатстве состоялись специальные богослужения, посвященные примирению между народами этих двух стран. Масао Хиракубо удостоился наград от правительств Великобритании и Японии за свой вклад в дело примирения между бывшими японскими военнослужащими, воевавшими в Бирме, и ветеранами 14-й британо-индийской армии, в составе которой сражались представители Великобритании, Индии, а также некоторых африканских стран.

За несколько лет до описываемых событий Ричард Чэннер, кавалер ордена Военного Креста, получивший ранение в боях за индийский город Импхал, вместе со своим товарищем, еще одним британским ветераном, совершил поездку в Кохиму. Там состоялось возложение венков на могилы британских и индийских военнослужащих. Кроме того, ветераны возложили венок возле дерева, посаженного на месте гибели одного из японских снайперов. Так они отдали дань памяти тысячам японских солдат, погибших на этом фронте. Агентство *Daily Telegraph* назвало этот поступок британских ветеранов «одним из наиболее ярких жестов примирения».

Во время прохождения королевской процессии по алее Мэлл в лондонском парке Сент-Джеймс Ричард Чэннер вспомнил свои навыки командира артиллерийской батареи: сделав из картона подобие мегафона, британский ветеран постарался донести слова приветствия до императора Страны восходящего солнца. Когда королевские особы проходили мимо ветеранов, бывший артиллерист поднял развевающийся флаг и вместе с двумя своими товарищами закричал: «Банзай!». Когда же процессия двинулась дальше, один из бывших военнослужащих, протестующих против визита японского императора, вырвал флаг из рук Ричарда. Действия Чэннера не остались незамеченными. Вечером того же дня Независимая телевизионная программа новостей взяла интервью у вете-

рана, с японским флагом в руках отправившегося к Вестминстерскому аббатству приветствовать императора Акихито во время возложения венков у Могилы Неизвестного солдата. Одним из тех, кто попросил Чэннера выступить в этот день под японским флагом, был Лес Денисон, также один из членов Товарищества ветеранов Бирманской кампании.

Лес Денисон попал в плен в феврале 1942 года, когда японские войска заняли Сингапур. Тысячи британских и австралийских военнопленных, а вместе с ними и тысячи местных рабочих были направлены японцами на строительство железной дороги, которая должна была проходить через труднопроходимые горы и джунгли и соединить между собой Таиланд и Бирму. Около 12 тысяч пленных, тысячи рабочих азиатского происхождения погибли во время этого строительства. Денисон провел в плену три с половиной года. За это время он стал свидетелем того, как японцы обезглавили 14 его товарищей. В результате истощения вес заключенного снизился со 160 до 74 фунтов.

12 декабря 1998 года выходящая в Ковентри газета *Evening Telegraph* опубликовала статью Леса Денисона под заголовком «Настало время положить конец многолетней враждебности». В статье говорилось:

«Читая письма и статьи, авторы которых требуют от правительства Японии принести им извинения и выплатить компенсации, я с сожалением думаю о том, что за прошедшие 50 лет многие люди так и не смогли избавиться от чувства враждебности и ненависти по отношению к своим бывшим противникам.

Мне 83 года, я бывший военнослужащий, принимавший участие в боевых действиях на Дальнем Востоке. В Сингапуре я попал в плен, разбирая руины и завалы в этом городе, на ручной тележке вывозил трупы. Некоторое время провел в тюрьме Чанги, затем был отправлен в Таиланд. После двухсотмильного перехода через заболоченные джунгли я вместе с другими военнопленными оказался в лагере смерти Соукурая. Там мы построили 15 километров железной дороги и один из мостов через реку Квай. Из 1600 заключенных в

живых остались только 400 человек, которых затем направили в Бирму.

Да, меня по-прежнему мучают кошмары. Я не могу забыть тошнотворное сладковатое зловоние, которое источают разлагающиеся трупы до того момента, пока не прекратится дождь и природа не позволит предать их огню. Но ведь прошло уже 55 лет, я выучился, стал зрелым человеком, завел семью, заботился о своей жене и помогал друзьям.

В 1962 году я буквально заставил себя принять участие в работе одной международной конференции. Мне очень не хотелось в этом участвовать, так как там присутствовала делегация из Японии. На конференцию собрались 800 делегатов, представляющих различные страны мира. Во время своего выступления японский генерал Сугита, тот самый, что во время войны принимал капитуляцию защитников Сингапура, склонился в глубоком поклоне и сказал: "Я знаю, что творилось на этой войне. Мы не заслуживаем прощения". Затем он поклонился еще раз и добавил: "Я глубоко сожалею о случившемся. Пожалуйста, простите меня и весь мой народ".

Именно с этого момента чувства враждебности и ненависти стали покидать меня. С тех пор мне не раз доводилось слышать из уст представителей Японии искренние слова раскаяния и просьбы о прощении. Эти люди испытывали к нам самые дружеские чувства... Я понял, что, изменив свое отношение к происшедшему, можно обрести мир и покой в душе, и никакие страшные воспоминания не могут этому воспрепятствовать».

Лес Денисон выступил на ВВС во время трансляции из Хиросимы, посвященной пятидесятилетию атомной бомбардировки этого города. Его попросили рассказать о том, что он пережил во время войны. Последний из заданных ему вопросов был таким: «Если бы Вы могли свободно говорить по-японски, что бы Вы сказали сегодня, обращаясь к народу этой страны?»

И вот что он ответил: «Я бы глубоко поклонился им и попросил бы у них прощения за те злорадные чувства, с которыми я встретил известие о бомбардировках японских городов. Я бы смиренно просил прощения за то, что в течение долгих лет я держал в своей душе обиду на Япо-

нию и относился к народу этой страны с враждебностью и ненавистью. Вот и все, что бы я сделал».

Накануне визита японского императора в Великобританию лондонская газета *Sun* опубликовала статью премьер-министра Японии Рютаро Хасимото, в которой тот принес свои извинения за жестокое обращение, которому во время Второй мировой войны подвергались британские военнопленные. Хасимото заявил о своем «глубоком раскаянии» и «от всего сердца попросил прощения за страшные преступления, совершенные в те годы». *Sun*, чья позиция по отношению к Японии всегда была неприемлемой, сопроводила статью премьер-министра своим комментарием, в котором говорилось, что еще никогда в этой газете не было опубликовано материала, имеющего столь важное историческое значение. Как бы ни было трудно и больно, «но мы должны постараться забыть обиды прошлого. И теперь, когда премьер-министр Хасимото выступил с такой удивительной статьей, нам станет намного легче».

Газета сообщала о том, что слова премьер-министра вызвали множество позитивных откликов. Политический обозреватель Тревор Кэванах писал: «Вчера японские газеты и представители дипломатических кругов этой страны в один голос объявили о том, что *Sun* открыла новую эру в отношениях между Японией и Великобританией. Так они оценили ту поддержку, которую наши читатели оказали призыву к примирению, прозвучавшему из уст японского премьер-министра».

Извечный соперник *Sun*, газета *Mirror*, опубликовала статью под заголовком «Мы не должны ненавидеть этот достойный уважения народ». Ее автор Тони Парсонс пришел к следующему выводу: «Только те, кто лично пострадал от рук японцев, а также члены семей этих людей имеют все основания испытывать ненависть по отношению к этому народу. Все остальные кабинетные вояки, выступающие сегодня с нападками на японцев, ведут себя, как обыкновенные расисты».

Джон Нунели, возглавляющий Товарищество ветеранов Бирманской кампании, написал письмо в газету *Sun*. Вот строки из него:

«Завершая свой жизненный путь, мы, ветераны войны, должны еще раз выполнить свой долг перед Отечеством. Мы должны простить японцам то жестокое обращение, которому они подвергали наших военнопленных. Нам надо принять извинения, с которыми выступил премьер-министр Хасимото, и тем самым продемонстрировать благородство духа британской нации, благодаря которому мы станем для японского народа друзьями и надежными партнерами и вместе с ним вступим в новое тысячелетие».

Первый председатель Товарищества ветеранов Бирманской кампании генерал-майор Лаел Грант в своем письме в лондонскую газету *Times* отметил, что японский народ уже достигло страшное возмездие, а непосредственные участники совершенных преступлений были выявлены и наказаны. «Наш основной противник в этой войне и один из наших главных союзников совершали преступления не менее тяжкие, чем те, ответственность за которые лежит на японцах. Эти два народа были прощены, и настало время, когда японский народ, обладающий многими качествами, достойными нашего восхищения, также должен получить прощение. По крайней мере, так сегодня думает все большее число тех, кто воевал в Юго-Восточной Азии».

Месяц спустя после того, как премьер-министр Японии принес свои извинения, Товарищество ветеранов Бирманской кампании выпустило книгу «Рассказы о Бирманской кампании 1942—1945 гг.», в которую вошли 60 историй, рассказанных участниками описываемых событий. Авторы посвятили эту книгу «примирению и укреплению дружбы между двумя великими народами». Из нее читатели узнают о том, что Бирманская кампания была самым длительным и, возможно, наиболее жестоким сражением Второй мировой войны. Обе воюющие стороны предпочитали не брать пленных; 180 тысяч японских солдат и офицеров, 70 462 военнослужащих из стран Содружества были убиты, ранены, захвачены в плен или пропали без вести в ходе боевых действий. Нунели пишет: «Необходимость примирения осознается в Великобритании, прежде всего представителями старшего по-

коления, теми, кто остался верен христианской этике прощения, и понимает, какие преимущества получат народы наших стран в результате этого процесса».

Одним из рассказов, вошедших в изданную ветеранами книгу, стало «Послание в будущее», написанное Сусуму Нишидой, президентом Японской ассоциацией ветеранов боевых действий в Бирме, получившим во время этой кампании 9 ранений. Он пишет:

«Я считаю, что те, кому удалось выжить в самых жестоких и страшных сражениях, обязаны рассказать новым поколениям всю правду о той трагедии, которую представляла собой прошедшая война. Мы должны молиться о том, чтобы мир стал наградой тем, кто отдал за него свои жизни».

За месяц до визита императора Акихито в Великобританию, японка Кейко Холмс была удостоена награды за свою деятельность, направленную на примирение между бывшими британскими военнопленными и теми, кто удерживал их в плену. Эта японская женщина, вышедшая замуж за англичанина, получила награду в Виндзорском замке из рук королевы Елизаветы II. Событие привлекло внимание газеты *Times*, посвятившей ему передовую статью под названием «Прощение освобождает», в которой рассказывалось о том, как в течение семи лет Кейко Холмс организовывала поездки в Японию для бывших военнопленных и членов их семей. Автор статьи писал, что вполне можно понять гнев и ожесточение тех людей, кто подвергался жестоким пыткам и истязаниям. «Но когда такое отношение передается последующим поколениям, оно начинает отравлять жизнь даже тем людям, которых во время войны еще и на свете не было». Вручение награды Кейко Холмс, по мнению газеты, было больше, чем простым дипломатическим шагом. «Оно стало свидетельством уважения к человеку, убежденному в том, что мы должны научиться забывать обиды прошлого и прощать».

Одним из членов Товарищества ветеранов Бирманской кампании является писатель Эрик Ломакс. Его жизненный опыт свидетельствует о том, что прощение наступает не сразу, для этого должно пройти определенное

время, и не всегда есть возможность этот процесс ускорить. В своей получившей заслуженное признание книге «Железнодорожник» Ломакс рассказывает о том, как он попал в плен во время взятия Сингапура японскими войсками. Связист по военной специальности, он принял участие в изготовлении подпольного радиопередатчика, за что и был обречен на голод, страшные пытки и издевательства, продолжавшиеся в течение двух лет.

После войны прошло много лет, активная профессиональная деятельность помогала Ломаксу не думать о прошлом и не давать волю своему желанию разобраться с теми, кто пытал его в Канбури. Через 25 лет он вышел на пенсию, и у него, как никогда ранее, возникло стремление получить исчерпывающую информацию о событиях, происходивших во время войны. «Я должен признаться в том, что хотел рассчитаться со своими врагами. Наступал час расплаты». Чем больше он думал обо всем этом, тем сильнее было в нем желание физической расправы над японцами. «Именно физическая расправа казалась мне единственным средством, которое бы могло успокоить мой гнев». Лица офицеров японской военной полиции постоянно стояли у него перед глазами. Наибольшую ненависть вызывал в нем переводчик, присутствовавший на каждой пытке. Расправа именно с этим человеком стала «навязчивым желанием» бывшего узника.

«Все эти мирные годы для меня продолжалась война, но в этом я себе никогда не мог признаться».

И вдруг, благодаря удивительному стечению обстоятельств, Ломакс получил информацию об этом самом переводчике. Звали его Нагасае Такаши, он занимался благотворительностью и только что построил в районе Канбури буддийский храм. Ломакс прочитал также о том, что Такаши организовал встречу примирения на одном из мостов через реку Квай. По собственным словам бывшего военнопленного, вся эта информация вызвала у него не более чем «холодный скептицизм». Сами мысли об этом человеке вызывали у Ломакса отвращение. «Я не видел японцев с 1945 года и никогда не испытывал желания снова с ними встречаться. Организованная им встреча при-

мирения представлялась мне очередным обманом общест­венности».

Ломакс стал членом недавно созданной организации Медицинский фонд помощи жертвам пыток. В свое время он, как и большинство других бывших военноплен­ных, не собирался обращаться за помощью к психиат­рам или психотерапевтам. Медицинский фонд помощи жертвам пыток был основан бывшей медицинской сес­трой Хелиной Бамбер. Ей было всего 19 лет, когда она вме­сте с войсками союзников вошла в концентрационный лагерь Берген-Бельсен.

В 1989 году Ломаксу показали статью, в которой рас­сказывалась о том, что бывший переводчик Нагасе Така­ши проводит активную деятельность, направленную «на преодоление последствий жестокого обращения, кото­рому подвергались пленные со стороны японских воен­ных». Приводились слова Такаши о том, что он решил по­святить свои оставшиеся годы увековечению памяти тех, кто погиб во время строительства железной дороги. В статье рассказывалось о том, что бывший переводчик тяжело болен, и что у него случается сердечный приступ всякий раз, когда он вспоминает о том, как офицеры военной полиции пытали одного из пленных, пытавше­гося составить карту строящейся железной дороги. «Как бывший служащий японской армии я понимаю, что наши действия по отношению к военнопленным заслу­живают самого сурового осуждения».

Военнопленным британцем, о котором упоминалось в статье, был как раз Эрик Ломакс. Наконец-то он нашел одного из своих палачей. Жажда мести нахлынула на него, Нагасе был одним из тех, кто разрушал всю жизнь Эрика и должен был поплатиться за это. Некоторые го­ворили, что настало время забыть о прошлом и простить своих бывших врагов. «Обычно я не вступаю в споры, но в данном случае согласиться я не мог. Большинство из тех, кто призывает к прощению, никогда не испытывали то, что пришлось пережить мне. Прощать я не собирался ни тогда, ни в будущем».

Затем Ломакс прочитал статью, написанную Нагасе, в которой тот выразил уверенность в том, что он полу­

чил прощение. Жена Ломакса, Пэтти, с согласия своего мужа обратилась к Нагасе с письмом. В нем она выразила свое изумление по поводу того, что Нагасе чувствует себя прощенным, в то время как человек, которого он подвергал пыткам, так и не простил его. Так началась переписка, в результате которой состоялась встреча двух ветеранов в Канбури.

Вот как описывает эту встречу Эрик Ломакс:

«Он вежливо поклонился, его лицо дрожало от волнения. Ростом он едва доставал мне до плеча. Я сделал шаг вперед, взял его за руку и сказал: *“Ohayo gozaimasu, Nagase san, ogenkides ka?”* (“Доброе утро, господин Нагасе, как Выживаете?”).

Он смотрел на меня и в слезах, не переставая дрожать, повторял: “Простите, простите меня...”. Не знаю, как я совладал с собой и повел его на скамейку, стоявшую в тени, прочь от ужасной жары. Он не мог себя контролировать, и я успокаивал его. Всю свою выдержку и самообладание мне пришлось использовать для того, чтобы помочь ему дойти до скамейки. Мы сели и я, как мог, пытался утешить его. Я как будто пытался защитить его от бури эмоций, нахлынувшей на его, казавшееся таким хрупким, тело. Он непрестанно говорил о том, что сожалеет о случившемся и просит прощения. Насколько я помню, я ему ответил что-то вроде: “Это очень благородно с вашей стороны”.

Он сказал мне: “Пятьдесят лет — очень долгий срок. Для меня это были годы мучений. Я никогда не забывал вас, я помнил ваше лицо, ваши глаза”. Когда он говорил это, он смотрел мне в глаза. Его лицо было таким же, каким я его запомнил: тонкие черты, темные, глубоко посаженные глаза, впалые щеки и широкий рот.

Я сказал ему, что запомнил последние его слова, обращенные ко мне. Он попросил меня произнести их, и засмеялся, когда услышал: “Выше голову”.

Он спросил, может ли он прикоснуться к моей руке. Тот, кто когда-то допрашивал меня, взял мою руку и невольно погладил ее. Моя рука была намного больше его собственной. Он никак не мог обхватить ее. Обеими руками он взял меня за запястье и сказал, что во время пыток (он использовал именно это слово) он проверял мой пульс. Я вспомнил,

что в своей статье он упоминал этот эпизод. И вот теперь, когда мы встретились с ним лицом к лицу, он испытывал страдания более сильные, чем я. "Я служил в японской императорской армии, мы очень, очень плохо поступали в отношении ваших соотечественников". "Мы оба выжили", — подбадривал его я и уже сам верил в то, что говорил.

Я хорошо помню, как немного позже он сказал: "С какой целью вы появились на этом свете? Я думаю, что теперь могу умереть спокойно"».

Во время своей прогулки они успели о многом поговорить. Ломакс подумал о том, он вполне бы мог найти общий язык со своим необычным собеседником, случись им встретиться раньше и при других обстоятельствах. У них было много общего. Но Ломакс все еще размышлял о прощении. От одной тайской женщины он узнал, какое значение придается прощению в буддизме:

«Я понял, что наши поступки не проходят бесследно. Если мы причинили кому-либо зло и не можем искупить свою вину, то в последующей жизни зло возвращается к своему источнику, и нам предстоит претерпеть страдания еще большие, чем те, какие мы сами причинили другим живым существам. Нагасе боялся попасть в ад. Наша первая встреча стала причиной того, что и его, и моя жизнь в какой-то мере стали похожи на ад. Я не очень хорошо разбираюсь в вопросах богословия, но я не вижу причины, в силу которой мне бы не следовало пойти ему навстречу и простить его... Вопрос лишь в том, чтобы слова прощения прозвучали вовремя и были произнесены в наиболее убедительной форме».

Они вместе полетели в Японию. В Хиросиме Ломакс и Пэтти возложили букеты цветов к мемориалу погибшим жителям этого города. В Токио Ломакс произнес те слова прощения, услышать которые было заветной мечтой Нагасе. «Я сказал ему, что не могу забыть то, что происходило в Канбури в 1943 году, но я прощаю его, и мое прощение является полным и окончательным».

Ломакс говорит, что раньше он ненавидел Нагасе и считал его своим врагом. Дружеские отношения с этим человеком были совершенно немыслимы. Но после этой встречи Нагасе стал для Ломакса кровным братом: «Во время

моего пребывания в Японии ненависть, которую я в течение долгих лет испытывал по отношению к этому человеку, никогда не давала о себе знать. Мысли о физической расправе, не оставлявшие меня в покое с того момента, как я узнал о том, что один из них еще жив, исчезли и больше не возвращались». Книга Ломакса заканчивается такими словами: «Когда-нибудь даже ненависти приходит конец».

«Прощение — это проявление любви, его можно почувствовать, но нельзя добиться. Прощение можно получить, но не всегда его можно принять. Прощение — не награда, не символ победы над другим человеком, не свидетельство унижения и не проявление уступчивости.

Наиболее полным и исцеляющим прощение бывает тогда, когда оно произрастает на почве смирения и проникновенного понимания того обстоятельства, что неважно, кто прав, кто виноват, что ни одна из сторон не совершенна и не самодостаточна, и что именно в этом состоит главный урок, который обеим сторонам необходимо извлечь.

Иногда вы можете получить прощение и не узнать его. Прощение, к которому мы стремимся, представляет собой очень тонкую субстанцию, его трудно выразить словами, у него множество граней и в нем присутствует элемент чуда. Тем не менее само ваше тело почувствует, что вы получили прощение. Как будто что-то тяжелое свалилось с ваших плеч. Вы избавились от этой ноши, вы сбросили ее с себя. Гнев уступил место сожалению и раскаянию. Запал вашей ярости иссяк, вы успокоились, и к вам вернулось сострадание. То, что казалось черным или белым, теперь уже воспринимается скорее как серое.

Ваши мышцы сбросили привычное напряжение. Вам уже не так страшны всякие инфекции и даже более серьезные заболевания. Ваша иммунная система на подъеме. Мышцы лица расслабились. Вы снова чувствуете вкус пищи. Мир вокруг вас приобрел новые краски. Теперь вы более открыты для окружающих и более открыты для самого себя. Вы меньше думаете о себе, и эти мысли тревожат вас совсем не так сильно, как раньше».

*Стефания Доврик,
«Прощение и другие действия любви»*

Известный писатель Лоренс Ван Дер Пост также побывал в японском плену. Он был из тех немногих иностранцев, память о которых надолго сохранилась в умах и сердцах японцев. Как ни кто другой, он был чувствителен к той, скрытой за повседневностью, стороне человеческого бытия, которая позволяет найти общий язык самым разным, не похожим друг на друга людям. Одно время он жил в Японии и там узнал, какое значение придают жители этой страны малейшим оттенкам и трудноуловимым нюансам человеческого общения.

В своей автобиографии «Еще не ставший кем-то другим» Ван Дер Пост описывает такой случай, происшедший с ним на острове Ява. Абсолютно безоружный, он столкнулся с японскими солдатами. Японцы уже направили штыки в его сторону, когда европеец, не осознавая своих действий и повинувшись какому то внутреннему голосу, обратился к ним по-японски, используя при этом наиболее изысканные вежливые обороты этого языка. Это ошеломило нападавших и спасло жизнь Ван Дер Посту и его товарищам. «С этого момента, — пишет Ван Дер Пост, — внутренний голос стал моим единственным защитником от неминуемой гибели. Прислушиваясь к нему, я еще не раз избегал смерти даже тогда, когда она казалась неизбежной».

По мнению Ван Дер Поста, именно «внутренний голос», помогающий человеку обрести целостность и единство с самим собой, стал тем средством, благодаря которому люди разных национальностей находили в себе скрытые силы и затаившиеся творческие способности, позволившие им выжить в самых страшных, нечеловеческих, условиях. По мнению писателя, существует связь между эпизодом, когда он, повинувшись инстинктивному импульсу, пригласил двух японцев выпить с ним кофе за одним столом, и тем случаем, когда ему, так же как и тысячам других людей на той войне, удалось буквально чудом спасти свою жизнь. Ван Дер Пост приходит к выводу, что любая жизнь, какой бы жалкой она ни казалась, любое обстоятельство в жизни, каким бы незначительным оно ни было, обладают огромной, поистине вселенской, ценностью.

Писатель утверждает, что он и его товарищи освободились из плена совсем другими людьми, «свободными от какого бы то ни было ожесточения, без желания мстить или добиваться бессмысленного правосудия».

После смерти отца нынешнего императора Японии Акихито императора Хирохито в Великобритании возникли жаркие споры по поводу того, должна ли делегация Соединенного Королевства принимать участие в траурных церемониях. Ван Дер Пост высказал свое мнение на страницах газеты *Times*. Он заявил, что не может осуждать тех, кто отказывается прощать и готов до самой своей смерти чувствовать себя жертвой чужих преступлений. Но он уверен в том, что даже те, кто не может простить своих палачей, не желают, чтобы люди, никогда не бывшие в плену и, подчас, родившиеся уже после тех страшных событий, потчевали их «гневными обличительными речами, граничащими с настоящей истерией». Он пишет: «Командир авиационного звена Николс вместе со мной в составе группы офицеров, представлявших все три рода войск, принимал участие в освобождении около двух тысяч военнопленных. Так вот, Николс говорил, что может по пальцам пересчитать тех, кто ожесточился и отказывается прощать».

По словам Ван Дер Поста, его удивляет то, что некоторые его соотечественники, никогда не бывшие на войне, продолжают эксплуатировать тему страданий, перенесенных другими людьми более 40 лет назад, и относятся к этой своей борьбе почти как к развлечению. «Те люди, с которыми я общаюсь, а также большинство из тех наших товарищей, кто умер после освобождения из плена, пришли к выводу, что их страдания не были напрасными. Они смогли пережить эту боль, они вернулись к жизни совсем не для того, чтобы постараться получить компенсации за причиненный им ущерб, создавая для этой цели различные партии или организации. Перенесенные страдания сделали их настоящими личностями, способными внести большой вклад в развитие современного общества».

От Грини до ГУЛАГА: прощение рождает свободу

«По моему убеждению, единственная надежда, на которую может уповать наш мир, состоит в том, что когда-нибудь люди научатся прощать своих бывших врагов. Как бывший военнопленный я понял, что прощение представляет собой не просто проявление религиозной сентиментальности; оно выступает таким же фундаментальным законом человеческого духа, каким в природе является закон всемирного тяготения. Тот, кто пытается игнорировать закон тяготения, скорее всего, сломает себе шею; тот, кто нарушит закон прощения, нанесет тем самым смертельную рану своему духу и станет еще одним звеном порочной цепи, сковывающей воедино причины и их следствия, цепи, вырваться из которой всегда было главной целью жизни во всех ее проявлениях».

*Лоренс Ван Дер Пост,
«Ночь новой луны»*

Как пишет Дэвид Айкман в своей книге, посвященной Нельсону Манделе, тюремный опыт может озлобить, ожесточить человека, а может, наоборот, наделить его возвышенными и благородными чертами характера. «За 27 лет, проведенных в заключении, пламенный революционер превратился в великого государственного деятеля и стал обладателем столь возвышенных нравственных

качеств, что даже его политические противники были не в состоянии их игнорировать. Это преобразование стало одним из наиболее ярких проявлений действия благодати, которыми было отмечено двадцатое столетие». Мандела стал совсем другим человеком. Ни на йоту он не отступился от главной цели своей борьбы — создания многорасового государства, в котором избиратели с черным и белым цветом кожи обладали бы равными правами. «Но теперь эта борьба приобрела совершенно иной характер. Помимо всего прочего, он, буквально, излучал прощение». Сам Мандела признается: «Я вышел оттуда зрелым человеком».

В той или иной степени подобное преобразование происходило со многими мужчинами и женщинами в самых разных странах мира. Например, в России. Поэтесса Ирина Ратушинская в возрасте всего 28 лет попала за свои стихи за решетку. Скучное тюремное питание, голодовки, предпринятые ей с целью привлечь внимание к творившимся в стране нарушениям прав человека, довели ее до полного истощения. Со времен Сталина мало кто в Советском Союзе получал по политической статье такое суровое наказание — 7 лет лагерей с последующей ссылкой сроком на 5 лет. Ратушинскую считали особо опасным преступником потому, что написанные ею стихи были очень популярны, их цитировали и заучивали наизусть. Заключение продлилось 4 года, когда, наконец, давление со стороны Запада возымело результат, и незадолго до саммита в Рейкьявике поэтессу освободили.

По словам Ирины Ратушинской, ее, так же как и других жертв тоталитарных режимов, часто спрашивают о том, почему она так спокойно относится к тому, что с ней произошло в прошлом. И когда она отвечает, что пережитый ею опыт можно даже, в известном смысле, назвать положительным, люди делают удивленное лицо и спрашивают, что же положительного можно найти в страданиях.

Между бывшими узниками и, особенно, между теми, кто испытал одиночное заключение, существует большое взаимопонимание. Во многих случаях именно пребыва-

ние в тюрьме обнаружило в них способность к прощению. Их жизненный опыт, сделанные ими открытия и прозрения, посетившие их в неволе, достойны самого пристального внимания. Вот, например слова африканского епископа Стэнли Могобы: «Когда я находился на острове Робен, было очень трудно простить людей, причинивших мне так много зла. Однако я понял: гнев пожирает тебя самого, а не того, на кого это чувство направлено».

Корри Тен Бум, бывшая заключенная концентрационного лагеря Равенсбрюк, рассказывает, что уже после войны она встретила одного из лагерных охранников. Встреча состоялась в Мюнхене во время богослужения в храме. Она окликнула его, бывший охранник подошел к ней, протянул руку и сказал, что Иисус очистил его от совершенных грехов. Корри, молившаяся о прощении, не была уверена в том, что сможет на самом деле простить тех, кто причинил ей так много зла. Но после этого ей открылось, что Бог, заповедовав любить наших врагов, дает нам не только заповедь, но и саму любовь. Корри считает, что «нам никогда не удастся так явственно прикоснуться к безбрежному океану божественной любви, как в тех случаях, когда мы прощаем и начинаем любить своих врагов».

По словам Ирины Ратушинской, первый урок, который преподносится заключенному сразу же после его ареста, это урок ненависти. Каждый новый день приносил ей, как и другим узникам, ничем не заслуженные обиды и оскорбления. Это могло вызвать ненависть у кого угодно. Находясь в тюрьме, она не могла понять, почему Иисус так решительно выступал против ненависти. Однако те из заключенных, кто не мог преодолеть в себе чувство ненависти, подчас просто сходили с ума. Поэтесса говорит, что когда в обычной жизни мы испытываем гнев, мы всегда можем перевести свои мысли на что-либо иное. Но КГБ не давало узникам такой возможности. Самым действенным средством, помогавшим заключенным выжить в этих тяжелых условиях, было умение с юмором взглянуть на происходящее, по-человечески отнестись к своим охранникам, повлиять на них, например, пожеланием «доброго утра».

В тот день, когда Ратушинская вышла на свободу, она предложила сопровождающим ее сотрудникам КГБ выпить с ней кофе. «Если ты начнешь ненавидеть, — говорит она, — то остановиться ты уже не сможешь. Ты будешь сам себя сжигать изнутри. Для того чтобы сохранить себя как личность, выжить и просто не сойти с ума, необходимо убить в себе ненависть, причем сделать это как можно скорее».

Те, кто стал заложником в ходе Ближневосточного конфликта, имеют, с точки зрения остальных людей, все основания для того, чтобы испытывать ненависть. В течение восьми лет, с 1984 по 1991 год, десятки людей испытывали на себе, что значит в одиночку или вместе с товарищами по несчастью оказаться в неволе в полной неизвестности относительно своей дальнейшей судьбы. Один из них, архиепископ Кентерберийской миссии Терри Уэйт говорит, что в таких условиях начинаешь постепенно осознавать мудрость заповедей Христа. «Трудно "возлюбить ближнего своего", если он сел тебе на шею. Но приходит время и по воле Божьей наступает прозрение по вере. И ты начинаешь более глубоко, чем раньше, ощущать свою неразрывную связь с Богом и со всеми остальными людьми. Даже моя теща теперь говорит: "Ты стал более человечным". Я уверен в том, что не нужно обладать мужеством для того, чтобы вогнать пулю в своего врага. Мужество нужно для того, чтобы поверить в то, что свет и жизнь сильнее тьмы».

Джерри Левин, руководитель корпункта *CNN* в Бейруте, провел несколько страшных месяцев в кромешной тьме, прикованный цепью к батарее парового отопления. Позже он признался своей жене: «Я простил их, когда начал понимать, насколько несчастны эти, доведенные до отчаяния, люди». Он также говорит: «Я был не более чем пешкой в руках озлобленных экстремистов. Я должен был простить их, поскольку, взяв меня в заложники, они, тем самым, помогли мне пройти по новому для меня духовному пути. Простив тех, кто захватил и удерживал меня, я смог продолжить свое движение вперед, освободившись от отягчающего балласта ненависти, обиды,

страха и жажды мести. И я благодарен Богу, если мое одиночное заключение имело именно такую цель. Я благодарен Богу за то, что Он сделал моими родителями иудеев, дал мне в жены христианку, благословил меня на создание христианской семьи и сделал мусульман моими друзьями. Молитвы всех этих трех религий помогли мне выжить». Жена Левина, Сис, — автор «Бейрутского дневника», говорит о беспокойстве, возникающем у нее иногда во время причастия. Причина этого беспокойства в том, что приступающий к Евхаристии должен полностью очистить свое сердце от всех обид и не держать ни на кого зла. А это не просто. «Прощение — не просто проявление дешевой сентиментальности. Нет, это вполне оправданное действие. Я не говорю, что пойти на это легко, но бывает так, что просто нет выбора».

Брайан Кинэн из Северной Ирландии, работавший в свое время в Бейруте преподавателем, выступал в числе других бывших заложников в городе Дерри на одном общественном мероприятии, на котором присутствовали представители самых различных ирландских общественных и политических групп, включая президента этой страны Мэри Робинсон. Он сказал собравшимся, что людям необходимо преодолеть собственный эгоизм и открыть свою душу преобладающему чувству любви. «Я не могу обвинять другого человека в том, что он не похож на меня. Мне необходимо расширить свое миропонимание для того, чтобы я смог понять и принять его. Я знаю, что каждый акт человеческого общения, даже простое приветствие, которым мы обмениваемся, встретив друг друга на улице, не проходит бесследно, а имеет значение, которое трудно переоценить».

В своей автобиографии «В колыбели зла» Кинэн рассказывает о том, что за четыре с половиной года, проведенных им в качестве заложника, его семнадцать раз перевозили с места на место. Три года он был скован цепями по рукам и ногам. Вот, что он пишет о тех, кто захватил и удерживал его: «Передо мной был человек еще менее свободный, чем тот, на кого надели цепи. Он был несчастнее того, кого он только что избил. Не имеет значения,

кто он был по национальности и был ли он мусульманином. Такие люди существуют в тюрьме, созданной ими же самими. И свободы у них в этой тюрьме даже меньше, чем было у нас в то время, когда мы были их заложниками». «Каждому из нас предстояло заглянуть внутрь себя самого, чтобы там найти то, что позволило бы ему выжить», — заключает Кинэн.

Терри Андерсон, бывший руководитель Ближневосточного бюро агентства *Associated Press*, провел в роли заложника 2454 дня. Он рассказывает, что поначалу испытывал сильную ненависть к тем, кто удерживал его. Затем, спрашивая их о семьях, о тех странах, выходами из которых они были, Терри смог ближе познакомиться с этими людьми. «Постепенно я стал видеть в них людей». Когда все, на что ты можешь направить свой взгляд, — это стоящая перед тобой глухая стена, ты начинаешь пристально вглядываться в самого себя, анализировать свои мысли и поступки. Исцеление наступает тогда, когда ты начинаешь видеть истоки своей ненависти и находишь в себе силы подняться над этим чувством. «Теперь я знаю, что если я испытываю враждебность по отношению к какому-либо человеку или группе людей, я не вправе ждать от них ничего другого, даже в том случае, если я чувствую себя их жертвой. Совсем не обязательно, чтобы тот, кто притесняет других, сделал шаг им навстречу. Именно тот, кто стал жертвой притеснения, может и должен сделать первый шаг. В его силах сказать: "Я прощаю"».

Из заточения

Мы называет сатаной того,
Кто приносит в этот мир зло,
И на него готовы переложить
Вину за свои самые тяжкие грехи.
Но все зло, какое мне доводилось видеть,
Совершали сами люди.
Не падший ангел
Начиняет машину взрывчаткой,
Не он крадет деньги, отложенные на покупку еды.

И не злой дух
Приковал меня к этой стене.

Один из тех, кто похитил меня,
Говорил: «Никто не поверит, что он злодей».
От такого человека и при подобных
обстоятельствах
Трудно ожидать более тонкого и меткого
замечания.

И вот, что удивительно:
Он не дурак и не похож на сумасшедшего,
Он знает, что я не сделал зла ни ему, ни кому-либо
из тех, кого он считает «своими».
Каждый день, из года в год,
Он смотрел мне в лицо,
Он слышал, как я кричу по ночам.
И он по-прежнему ежедневно проверяет цепь,
сковывающую меня,
И повязку на моих глазах,
Затем выходит из моей камеры, встает на колени
И молится Аллаху, милостивому и
сострадательному.

Я слишком хорошо знаю, какие недобрые мысли
порой возникают в моей голове,
Жестокие и эгоистичные помыслы.
В этом человеке нет ничего такого, чего я бы не
мог обнаружить в себе.
Я знаю, что если бы я совершил те же поступки,
что и он,
Мое сознание, моя душа не смогли бы этого
пережить.
Это заставляет меня поверить в то,
Что в него действительно вселился дьявол,
Чуждая, страшная сила, под действием которой
Он перестает быть человеком.
Но это слишком простой и слишком страшный
ответ;
Именно так объясняют природу зла.
Я должен отвергнуть, возненавидеть подобные
поступки,
Бороться со злом и, в то же время, знать,

Что оно совсем не чуждо человеку, а как раз наоборот.

Мы не можем отделять

Себя от своих поступков.

Как можно ненавидеть грех и любить грешника —

Вряд ли я смогу когда-нибудь это понять

Я никогда не буду любить его — я не Христос.

Но я постараюсь простить,

Потому что знаю, что, в конце концов,

Правда, как всегда, будет на стороне Христа.

Терри Ангерсон

Отец Лоренце Дженко, монах Ордена сервитов, работал в Леване в одной из благотворительных организаций, когда его захватили в заложники. Через несколько дней после своего освобождения, уже в Риме, бывший заложник выходил из автомобиля, когда вдруг какой-то фоторепортер спросил его: «Отец Дженко, какие чувства вы испытываете по отношению к захватившим вас террористам?»

Священник, не раздумывая, ответил: «Я христианин. Я должен простить их». В его словах чувствовалось волнение. «Я пришел к пониманию того, что захватившие меня люди не могут быть моими врагами. Они должны быть моими братьями. Жизнь Иисуса, его предсмертные муки научили нас тому, что прощение должно стать основой любви. Именно этого Он хотел от нас. Именно этого Он хотел от меня, когда я находился в плену». Отцу Дженко было легче простить своих похитителей, чем правительство США и даже свою Церковь, которые, как ему показалось, неадекватно отреагировали на взятые им на себя обязательства. «Простив, — говорит бывший заложник, — я получил свободу. События прошлого больше не давят на меня».

Среди тех, кто удерживал в заложниках отца Дженко, был некто по имени Саид. Он был очень жесток по отношению к своему пленнику. Но незадолго до освобождения Саид подошел к священнику и сел рядом с ним на подстилку. Последнее время он называл отца Дженко

«Абоуна», что по-арабски значит «дорогой отец». Поначалу к пленнику обращались «Дженко», затем «Лоренце» и вот, наконец, «Абоуна». Изменение манеры обращения свидетельствовало о том, что и отношение к заложнику постепенно становилось другим. Саид спросил о Дженко, помнит ли тот первые шесть месяцев своего пребывания в плену. Священник ответил: «Да, Саид. Все боли и страдания, которые вы причинили мне и моим братьям, по-прежнему в моей памяти». Тогда Саид спросил: «Абоуна, вы простите меня?»

В своей книге «Границы прощения» отец Дженко приводит этот разговор с Саидом:

«Эти слова, произнесенные спокойно и негромко, ошеломили меня. Я был буквально ослеплен ими, я не мог больше видеть врага в сидящем передо мной. Я понял, что меня призывают простить, отказаться от возмездия и простить.

И я должен был простить его без всяких предварительных условий, простить, не требуя от него изменить свое поведение, что соответствовало бы тем ценностям и убеждениям, которых я придерживался. Я не мог от него ничего требовать. Я понял, что должен ответить "да".

Я сказал: "Саид, иногда ты вызывал во мне ненависть. Меня переполнял гнев и желание отомстить тебе за то, что ты вытворял по отношению ко мне и моим братьям. Но в Нагорной проповеди Иисус сказал, что я не должен тебя ненавидеть. Я должен любить тебя. Это я должен просить прощения у Бога и у тебя, Саид"».

Особое внимание обращает отец Дженко на следующие фрагменты Священного Писания: «...прощайте, и прощены будете» (Лк 6:37), «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого» (Мк 11:25). Он также отмечает слова Иисуса из Нагорной проповеди о том, что если мы приносим подношения к алтарю и в то же время знаем, что наш брат или сестра имеют что-то против нас, то нам следует, прежде всего, пойти и примириться с ними. В Ветхом Завете есть слова мудрого сына Сираха: «Прости того, кто виноват перед тобою, и когда ты молишься, грехи твои прощены будут».

Отец Дженко выписал себе в тетрадь эти и еще целый ряд подобных наставлений.

«Записать эти слова было легко, но осуществить то, к чему они призывают, оказалось очень трудно. Наш разговор с Саидом — это встреча двух блудных сынов. Саид попросил меня о прощении. Я попросил прощения у Бога и у Саида за те чувства ненависти и гнева, которые одно время переполняли меня, за то, что я хотел отомстить и покарать. Это были благословенный миг. Два человека, два восставших друг на друга брата, скитающихся в дальней стороне, вдоволь познавших горечь вражды и отчаяния, наконец-то обнялись. Два сына возвратились в дом, о котором тосковали их сердца, туда, где обитает дух мира и согласия. Взаимное прощение преобразило наши души и исцелило наши сердца. Мы победили враждебность и сделали шаг к примирению, преодолению отчужденности и обретению единства перед Богом».

Простив Саида, отец Дженко почувствовал себя свободным и понял, что может вернуться домой. Его вдохновляли строки Священного Писания: «Снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (Кол 3:13). «В тишине ночи я вспомнил, как Нил Флэнэгэн, мой брат по Ордену сервитов, говорил мне: «Если хочешь увидеть, до чего может довести ненависть, посети Северную Ирландию. Ненависть изменяет даже внешний вид человека».

За несколько дней до освобождения еще один молодой охранник, ранее угрожавший убить отца Дженко, прикоснулся ладонью к плечу священника и нежно погладил его. «Жаль, что я не мог видеть его глаза. В первый день эти глаза были полны ненависти, теперь же я почувствовал прикосновение любви».

На случай своей гибели отец Дженко подготовил письмо. «Дорогие братья и сестры, если мне суждено погибнуть, то я надеюсь умереть со словами Иисуса на устах: "Отче! прости им, ибо не знают, что делают" (Лк 23:34). Пожалуйста, не надо их ненавидеть». К счастью, отец Дженко остался жить.

Два других человека, о которых пойдет речь в этой главе, прошли в неволе через самые суровые испытания. Опыт прощения придал им силы и наполнил их жизнь новым смыслом.

Доктор Юсуф Омар аль-Азхари (al-Azhari) был послом Сомали в США, представлял свою страну в ООН и других международных организациях. Как он сам говорит, в те времена у него была «золотая жизнь». Он был зятем президента Сомали и даже представить себе не мог, что когда-нибудь для него наступит «час испытания».

Тестя аль-Азхари убили во время военного переворота, а власть в стране перешла к хунте, провозгласившей свою приверженность принципам социализма. Самого аль-Азхари вызвали из Вашингтона и арестовали. Четыре с половиной месяца он провел в тюрьме, после чего его перевели в военный лагерь, где ему пришлось пройти курс подготовки по теории марксизма. Затем его отправили простым рабочим на сельскохозяйственную ферму. Пройдя все испытания, он был назначен на должность руководителя министерства информации и национальной политики. Доверием правящего режима аль-Азхари не пользовался, но, тем не менее, он смог продержаться в должности без малого два года, после чего был направлен послом в Нигерию. На приеме в честь прибытия делегации из Советского Союза он позволил себе несколько критических высказываний, за что был снова отозван в Могадишо.

Спустя год за ним приехали в 3 часа ночи, надели наручники, завязали глаза, увезли из города за 350 километров и посадили в камеру размером 3 на 4 метра. 6 лет длилось его одиночное заключение. Он вспоминал, что ему «нечего было читать, не с кем разговаривать, некого слушать». Первые шесть месяцев его ежедневно пытали. Он рассказывает, что злоба, ненависть, отчаяние и жажда мести переполняли его. Здоровье было подорвано, организм истощен. Аль-Азхари боялся, что у него не выдержит сердце и он умрет или сойдет с ума. «Мой мозг буквально разрывался», — рассказывал он потом.

Однажды в восемь часов вечера аль-Азхари встал на колени и в слезах обратился к Всемогущему Создателю. Он молился о том, чтобы в его душе наступил мир и он обрел цель, к которой можно было бы устремить все свои силы. Когда он наконец поднялся с колен, было уже че-

тыре часа утра. «Восемь часов пролетели, как восемь минут. Сидя в своей камере, я испытал духовное возрождение. Это были самые счастливые восемь часов молитвы в моей жизни», — рассказывает аль-Азхари.

Внутренний голос подсказывал ему: «Будь честен по отношению к себе и окружающим — и ты будешь самым счастливым человеком в мире. Не ограничивай себя лишь земными заботами, будь выше этого». С этого дня страха больше не было места в его жизни. «Я исцелился и избавился от ненависти, злобы, отчаяния, уныния, стремления к земным богатствам и плотским удовольствиям. Я стал другим человеком. С этого момента я готов с честью отвечать за все свои поступки».

На следующий день охранники действительно увидели совсем другого человека — спокойного, дружелюбного и покорного судьбе. Они уже не могли его пытать, как раньше. «Они спрашивали у меня, как я смог измениться за одну ночь». Аль-Азхари принял решение не отвергать свою жизнь заключенного, а принять ее. Часть времени он посвятил физическим упражнениям, а в оставшиеся часы спорил с самим собой, осмысливая прошлое. Часами он размышлял о совершенных им ошибках, и выделял целый день, для того, чтобы детально разобрать каждый эпизод, пришедший ему на память. Не забывал он и о тех добрых делах, которые он успел совершить. «Так что, с ума я там не сходил». Он признался, что у него есть и страшные воспоминания, но он «не хочет к ним возвращаться, а стремится обрести мир с бедными и богатыми и, в особенности, с теми, кто нуждается в помощи». За шесть лет тюрьмы он приобрел такой бесценный опыт, который невозможно было бы получить никаким другим путем. «Когда я смотрю на шрамы на моем теле, они больше не напоминают мне о пережитых страданиях, но я вижу то, что стоит за ними».

В январе 1991 года захвативший в стране власть Верховный революционный совет был низложен. Главнокомандующий вооруженными силами генерал-майор Мохаммед Сиад Барре вылетел в Нигерию, где ему предоставили политическое убежище. Освободившись из заключения,

аль-Азхари начал разыскивать членов своей семьи. Он нашел их живущими в одной из хижин Могадишо. «Моя жена упала в обморок, когда увидела меня с длинной бородой, стоящего в дверях. Ей сообщили о том, что меня застрелили при попытке к бегству. У нее и в мыслях не было, что все это время я находился в тюрьме».

«Можете ли вы простить человека, который совершил все это?» — спрашивал аль-Азхари в 1996 году на международной конференции, проходившей в Южно-Африканской Республике под лозунгом: «Исцеляя прошлое, создавая будущее». «Можете ли вы простить человека, который убил вашего тестя, а вас посадил в клетку, где вас ждала исключительно растительная жизнь, сумасшествие или даже смерть? Тот, кто совершил все это, никогда не просил у вас прощения. Сможете ли вы простить его? Правильное решение принять очень трудно».

Однажды, когда аль-Азхари сидел в кофейне, им овладело чувство, что он должен простить человека, причинившего ему так много зла. Потребовалось два года для того, чтобы принять окончательное решение. «Испросив благословения свыше, я понял, что не могу больше сопротивляться своему чувству и должен простить». Но как достать билет в Нигерию? У аль-Азхари не было денег: его банковский счет был конфискован, а принадлежавшие ему земли проданы с аукциона. Через три дня его совершенно неожиданно попросили представлять страну на конференции, проводимой ООН в Западной Африке. Так у него появилась возможность встретиться с бывшим диктатором, которому к тому времени исполнилось 87 лет. «Я отправился туда для того, чтобы застать его в живых и сказать, что простил его. Невозможно описать те чувства, которые охватили его в этот момент. Я видел, как по щекам его текли слезы. Я благодарен Богу за то, что он позволил мне наполнить раскаянием сердце этого человека. Бывший диктатор сказал мне: "Спасибо вам. Вы исцелили меня. Я смогу сегодня заснуть, я знаю, что в Сомали есть такие люди, как вы"».

Не занимая официальных постов, теперь аль-Азхари трудится во имя того, чтобы установить мир и согласие

в своей стране. В Сомали не существует правительства, отсутствует законодательство, нет полиции и нет школ. В этой стране погибает как минимум 40% детей в возрасте от 1 года до 10 лет. Аль-Азхари продолжает свою деятельность, несмотря на то, что на его жизнь было покушение, и он был ранен. Опыт, полученный в заключении, помогает ему сохранять стойкость. «Любовь пустила корни в моем сердце, и я поклялся служить гражданам моей страны, как бедным, так и богатым, помочь им примириться и преодолеть существующие противоречия, обрести гармонию любовь и прощение». Он говорит, что именно прощение помогло ему обрести смирение и уверенность в своих силах. Теперь он знает, что никакие причины не помешают ему по-братски относиться к любому человеку. «Прощение научило меня находить общий язык любым человеком или группой людей, независимо от того, кто это — друзья или враги. Оно стало моим образом жизни. Оно является тем средством, с помощью которого можно разрядить обстановку, преодолеть обиды и установить взаимопонимание. Это честный путь, позволяющий завоевывать сердца людей».

По словам аль-Азхари, в атмосфере всеобщего недоверия и враждебности, возникшей в результате гражданской войны, «прощение является единственным фактором, способным примирить противоборствующие стороны». В 1994 году аль-Азхари вместе с другими видными деятелями, представлявшими различные враждующие группировки Сомали, принял участие в переговорах, проходивших при поддержке шведского правительства на вилле Стенснас в одном из пригородов Стокгольма. Участники встречи пришли к выводу, что если они не хотят продолжать убивать друг друга, то им надо отказаться от бесплодных интриг и постараться найти выход из политического тупика.

Аль-Азхари, простивший в свое время диктатора Сиада Барре, почувствовал, что именно он должен сделать первый шаг. Он решил простить тех из присутствовавших, кто был его врагом, и сам попросил у них прощения. Это привело к укреплению доверия и установлению более дружелюбных отношений.

Затем участники встречи отправились в Упсалу, где к ним присоединились их братья из северных районов Сомали, не присутствовавшие на переговорах на вилле Стенснас. От имени южан аль-Азхари попросил у них прощения за тот ущерб, который, по мнению жителей северного Сомали, им нанесли братья с юга. «Участники нашей конференции перешли от споров и конфронтации к взаимному покаянию», — говорит аль-Азхари. — С этого дня фактор прощения стал играть важную роль в процессе национального примирения в Сомали».

Все попытки выработать коллективное решение, которое бы позволило преодолеть политический кризис в Сомали, провалились. Но, как говорит аль-Азхари, Аллах наставил «миротворцев», число которых теперь выросло, на путь истины, и это позволило им выработать принципиально новый подход:

«Мы пришли к согласию по поводу того, что тяжелое наследие гражданской войны, последствия массового кровопролития, глубоко укоренившиеся отношения ненависти, взаимного недоверия и антагонизма между различными кланами не позволяют сегодня решить существующие проблемы лишь путем соглашения, подписанного руководителями враждующих группировок.

Мы исходили из того, что было бы намного эффективнее начать процесс оздоровления общества на его самом низовом уровне, на уровне сельских общин. Используя фактор прощения, мы получили возможность создать атмосферу взаимной ответственности и доверия между различными сельскими кланами. Теперь, с помощью Аллаха, наша задача обратиться к сердцу каждого гражданина перестала быть невыполнимой».

Было принято решение учредить на территории северных районов страны административное образование Пунтлэнд, имея в виду создание федеративной республики Сомали в качестве конечной цели. Аль-Азхари говорит, что, следуя воле Аллаха, он и Абдуллахи Юсуф, основатель и председатель Демократического фронта спасения Сомали» (ДФСС), решили отказаться от постов во вновь созданном правительстве и административных

органах. «Мы также приняли решение стремиться получить прощение у тех, кто пострадал от действий каждого из нас». Абдуллахи Юсуф простил всех, к кому до этого испытывал враждебные чувства.

По словам аль-Азхари, такое решение было воспринято представителями всех пяти регионов Пунтлэнда как настоящее чудо: «Поначалу все были просто ошеломлены, никто не ожидал такой скромности от председателя ДФСС. К тому моменту кандидатура Абдуллахи уже была выдвинута на должность главы администрации Пунтлэнда, прошли выборы, и именно она получила наибольшее количество голосов. Деяния Господа удивительны и благословенны, когда мы внемлем его голосу и безропотно исполняем то, что Он повелел нам».

Учредители Пунтлэнда не тешили себя иллюзиями, что все у них пойдет по заранее намеченному плану. Они знали, что будут трудности и противоречия. «Но такова была воля Аллаха. Людские планы и намерения лишь в малой степени определяли величие совершенного. Это было поистине «божественное» начинание, претворение которого было осуществлено под водительством Всомогущего Создателя».

Когда в ноябре 2000 года в Могадишу было сформировано новое правительство Сомали, агентство ВВС приводило слова нового президента этой страны Абдулкасима Салат Хасана: «Наша новая конституция была создана благодаря тому, что мы нашли в себе силы простить друг друга».

В 1943 году Лиф Ховельсен был заключен в одиночную камеру тюрьмы гестапо в Осло. Затем его отправили в концентрационный лагерь Грини. Юношей он вступил в норвежское движение Сопротивления, в результате предательства был арестован, подвергся пыткам и был приговорен к смертной казни.

Нарушение слуха, ставшее результатом тюремных побоев, — единственное, что по прошествии уже более 50 лет напоминает Ховельсену о тех ужасах, которые ему пришлось пережить. Деятельность Ховельсена, его активная, наполненная событиями жизнь стала вдохновляю-

щим примером для тысяч людей, многие из которых живут в Германии и России. Как он считает сам, именно прощение является тем фактором, которому он обязан всеми своими успехами. «Все началось тогда, когда я находился в тюрьме и концентрационном лагере. Бог даровал мне жизнь и наполнил ее смыслом. Я не ожесточился и не стал плохо думать о людях. Это удивительный дар».

Окончание войны позволило Ховельсену избежать казни. Сразу же после освобождения он поменялся ролями с теми, кто держал его в тюрьме. Теперь уже он охранял своих бывших врагов, взятых под стражу, в том числе и самого коменданта лагеря. Свои обязанности он исполнял с большим энтузиазмом, издеваясь над пленниками точно так же, как те в свое время издевались над ним. Однажды, изнывающий от жары и жажды бывший офицер службы безопасности Вильгельм Хайльман попросил у Ховельсена немного воды. Тот взял полное ведро и выплеснул его немцу прямо в лицо. Это вызвало смех у норвежских охранников. Но Ховельсену стало не по себе, и в этот день он вернулся домой стяжелым чувством. Совесть мучительно взывала: «Это непростительно. Ты поступил дурно».

«Я чувствовал, что это было действительно так, и презирал себя», — рассказывает бывший заключенный. — Я хотел бороться за правое дело, а в итоге опустил до мести. Как больно знать о себе всю правду! Я — христианин и норвежский патриот, а в моей душе жил тот же жестокий дьявол, что и у ненавистных мне германских нацистов».

Однажды, прогуливаясь среди холмов, молодой норвежец вспомнил того гестаповского офицера, который когда-то пытал его. Совершенно неожиданно к нему пришла ясная и отчетливая мысль: «Скажи ему, что ты его прощаешь». Ховельсен никогда не думал об этом раньше; эта мысль, казалось, пришла из какого-то другого мира, но, как говорит он сам, она имела силу непреложного внутреннего императива. «Если кто узнает об этом, — подумал он, — непременно решит, что я сошел с ума». Молодой человек решил посоветоваться со своей матерью

получил ее одобрение . «Передай ему, что я за него молюсь», — сказала она.

Когда на следующий день наступила очередь Ховельсена исполнять свои обязанности караульного, он вызвал к себе этого немецкого офицера и остался с ним один на один. «Он знал меня, — вспоминает норвежец, — и его взгляд выдавал тревогу. Я посмотрел ему в глаза и произнес те самые слова, которые собирался ему сказать. Я также добавил то, что просила передать ему моя мать. Он был потрясен, но ничего не сказал, и я отвел его назад в камеру».

Позже, на основании свидетельских показаний, данных другими людьми, этого офицера приговорили к смертной казни и расстреляли. В качестве отрадного факта Ховельсен вспоминает то, что перед казнью гестаповский офицер выразил желание принять причастие. «И если Бог принял к себе этого человека, то, значит, мы с ним равны перед Богом. И я не имею права никого осуждать или обвинять».

Совершив акт прощения, Ховельсен почувствовал себя свободным от груза прошлого. Вскоре после войны он отправился в Германию, чтобы протянуть своим бывшим врагам руку дружбы. Его деятельность проложила дорогу для первого в послевоенной истории визита в Норвегию главы германского государства, а также члена кабинета министров Западной Германии.

В последовавшие за этим годы Ховельсен подружился со многими советскими диссидентами. Не без его помощи смог получить Нобелевскую премию мира Андрей Дмитриевич Сахаров. В письме к одному из диссидентов он писал:

«Каждый человек может получить дар свободы, свободы от ненависти, враждебности и жажды мести. То, что произошло со мной, стало следствием вмешательства высших сил. В тот момент, когда я действовал, повинуюсь внезапно осевшей меня мысли, я не понимал, что я делаю, и до конца не осознавал, насколько глубоко во мне укоренились страх и чувство ненависти по отношению к гестаповцам и вообще немцам. Но, проявив смирение, я стал свободным человеком.

И именно поэтому я смог внести свой посильный вклад в дело примирения между нашими двумя странами».

В 1990-е годы Ховельсен неоднократно бывал в России, помогая народу этой страны возродить свои духовные и нравственные ценности. Выступая по телевидению, он рассказывал о том, как после войны он простил своих бывших немецких врагов. Один из журналистов, бравших у Ховельсена интервью, сказал ему, что именно прощение является сегодня в России наиболее животрепещущей темой. В интервью «Литературной газете» Ховельсен сказал, что поступок, совершенный им в 1945 году, казался алогичным и не был понят окружающими, но молодым норвежцем руководило тогда само Провидение: «Для бывшего гестаповца, получившего наказание за свои преступления, это стало настоящим спасением. Он обрел мир со своим Создателем и добился победы над смертью. Для очень многих людей — немцев, поляков, русских — прощение открыло путь к обретению внутренней свободы и избавлению от ненависти и злобы».

С годами Ховельсен распространил свои взгляды и на более масштабные исторические события. «Люди нашего поколения и те, кто старше нас, никогда не задумывались над тем, что мы все несем ответственность за преступления Холокоста. У нас не хватило духовной интуиции и нравственного чутья, недоставало политической воли, чтобы сделать хоть что-нибудь, что могло бы остановить грядущую катастрофу. Вместо этого наши страны предпочли действовать в духе Мюнхенских соглашений».

Вот как Ховельсен понимает то, что с ним происходило: «Когда я поступал с нацистами так же, как и они со мной, их дух побеждал меня. Простив их, я победил нацизм».

В 1997 году, 52 года спустя после окончания войны, в истории жизни Ховельсена появилась новая страница. Впервые за все это время он заинтересовался, как сложилась судьба бывшего лагерного охранника Хайльмана. «Божественное вдохновение нисходит на вас посреди ночи», — говорит норвежец. — Для вас вдруг открываются те стороны реальности, которые до этого усколь-

зали от вашего внимания или вы были просто не готовы воспринять их». И в самом деле, Ховальсен никогда не задумывался о том, как его поступок отразился в жизни немецкого пленного. Подсознательно он чувствовал, что его выходка был ничем по сравнению с преступлениями, совершенными этим немцем. Но раньше Ховальсен не задумывался о том, что и на нем лежит часть ответственности за эти преступления. «Многие обвиняют других в совершении разного рода дурных поступков, — говорит он, — но они отказываются признать то, что часть вины лежит и на них самих. Какое бы зло я ни совершил, я несу за него ответственность и должен, насколько это возможно, компенсировать последствия содеянного».

Он решил отправиться в Германию и найти Хайльмана. После долгих поисков, исключив из списка десятки других Вильгельмов Хайльманов, он нашел информацию о нужном ему человеке, который, как выяснилось, умер за пять лет до описываемых событий. Он также узнал, что в то время, когда Хайльман участвовал в оккупации Норвегии, его отец, мать и четыре сестры погибли в результате одной из бомбардировок, которым подвергали Германию Военно-воздушные силы Великобритании.

В конце концов, Ховельсену удалось найти уцелевшую дочь Хайльмана. Во время первого телефонного разговора он сказал ей: «Я встречался с вашим отцом в Норвегии. Я разыскивал его, потому что мне с ним очень нужно было поговорить».

«О чем же вы хотели с ним поговорить?» — спросила она.

«Мы не были друзьями. Он был охранником, а я был заключенным», — ответил норвежец. Он рассказал ей о тюремных издевательствах и о том злосчастном ведре воды, о том, что теперь он осознал всю низость своего поступка. «Я хотел сказать вашему отцу, что очень сожалею о случившемся, и хотел попросить у него прощения».

После недолгого молчания женщина сказала ему твердым и решительным голосом: «Я прощаю вас и заверяю, что мой отец сделал бы то же самое».

Несколько недель спустя Ховельсен вместе с дочерью Хайльмана и ее мужем пришел на могилу своего бывшего-

го охранника. Там они возложили три розы. Ховельсен говорит: «Стоя там, я знал, что Бог исцеляет раны прошлого и уничтожает последствия того зла, которое я совершил в отношении других людей и самого себя».

Ховельсен говорит, что многие из его поколения воспитывались на идеях Дарвина, Маркса и Фрейда и верили в безграничность прогресса: «Мы были настолько стиснуты узкими рамками этого миропонимания, что не обращали никакого внимания на те нравственные и духовные ценности, которые возвышались над нами. Мы также не осознавали реальность зла, существовавшего вокруг и внутри нас». Эта близорукость повлекла за собой еще большее зло и стала причиной страшной катастрофы. Ховельсен надеется, что современные поколения обретут более глубокое понимание человеческой природы и познают истинный смысл борьбы добра со злом, ареной которой является вся история этого мира. «Только твердая приверженность идеалам добра и справедливости, — говорит он, — может спасти человечество в XXI веке».

Ховельсен считает, что прощение — это дар, плод послушания тем истинным наставлениям, которые Бог являет сердцу человека:

«Я не осознавал, что в моем сердце поселилась ненависть. Когда я проявил свою покорность, Бог вырвал семена ненависти из моей души и посадил на их месте семена любви. До самого последнего времени я не понимал, что он совершил для меня. Когда я приехал в Германию, я был свободным человеком. Эта свобода сделала для меня открытыми сердца тех немцев, с которыми я хотел разделить свои чувства. Они почувствовали, что за мной, за моим отношением к ним что-то стоит. И это "что-то" открыло для меня их сердца, сделало возможными самые задушевные беседы между нами. У нас было много, очень много таких бесед.

Мой жизненный опыт свидетельствует, что, если у тебя есть искреннее желание стать лучше, Бог посылает тебе исцеление. Я не могу объяснить, почему я избежал казни. Со своей стороны, я всю жизнь старался прислушиваться, прежде всего, к своему внутреннему голосу. Со мной про-

исходили удивительные события. Не я выбрал для себя жизнь. Такова была Божья воля, но я сам избрал свой путь. Однако, с другой сторон, этот путь был свыше избран для меня. Если бы это было в моих силах, я бы снова избрал тот же путь».

Мир приносит свои плоды: глашатаи нового мышления

«Прощение — не случайный акт, оно есть проявление определенного мировоззрения».

Мартин Лютер Кинг-младший

Элиесеру Сифуэнтесу из Гватемалы посчастливилось выжить. Дело в том, что в одну из ночей 1980 года четверо полицейских на машине военной полиции, напав из засады, ранили его в руку. Пригнувшись и совершив неожиданный маневр, истекающий кровью Сифуэнтес смог сначала оторваться на своей машине от преследователей, а затем, выпрыгнув из машины, найти на несколько часов убежище в одном из магазинчиков. В полночь, переодевшись в женское платье и взяв на время у владельца магазина машину, он направился обратно в столицу Гватемалы, где скрылся в посольстве Коста-Рики. После четырех месяцев переговоров Сифуэнтес получил разрешение отправиться в Сан-Хосе.

Находясь в изгнании, он ощущал в себе все возрастающую ненависть к своим несостоявшимся убийцам. Сам вид полицейского вызывал в нем негодование. Его мучили ужасные головные боли. Но однажды он испытал то, что полностью изменило всю его жизнь. Сифуэнтесу удалось распознать в своем сердце «тигров ненависти», узреть в себе источник негативных чувств, которые он пи-

тал к военщине и к поддерживающим ее США. Он понял, что сам не испытывал той любви, которую он так страстно проповедовал. «Внутри себя я ощущал обновление. Ненависть и жажда мести стали постепенно оставлять меня».

«Освобождение от ненависти — удивительное глубоко личное переживание, — говорит Сифуэнтес, — но в моем случае нельзя было останавливаться на достигнутом». Сифуэнтес решил нанести визит бывшему офицеру гватемальской разведки, который, по его мнению, был ответственным за составление списков людей, которых предполагалось похитить. В конце концов, во время их последующих встреч, он смог откровенно рассказать своему собеседнику о собственной ненависти к военным, что привело к важным изменениям во взаимоотношениях обеих сторон. Результатом стала организация, правда, за пределами Гватемалы, встречи со старшими офицерами армии, которые выразили готовность всеми силами содействовать национальному примирению в стране. Через некоторое время жена Сифуэнтеса и его дети также приняли решение о прощении.

Рене Пан — буддийская монахиня. Ее муж, занимавший пост заместителя премьер-министра Камбоджи, был убит в 1975 году захватившими власть красными кхмерами. Самой Рене удалось уехать в США, где ей пришлось приложить немало усилий для того, чтобы обрести желанную материальную независимость. Но затем она заметила, что ее ум поглощен, как говорят буддисты, «тремя страстями мира» — жадностью, гневом и глупостью.

В какой-то момент она ощутила в себе чудовищную пустоту. Она поняла, что необходимо изменить свое отношение к красным кхмерам. «Мне было очень трудно простить их после того, что они сделали со мной, моими родными, друзьями и, в особенности, с моей родиной. Но, простив, я сбросила с себя бремя ненависти и жажды мести, которое угнетало меня на протяжении десяти лет», — говорит Рене Пан.

Абебу Тесфагиоргис из Эритреи эфиопские захватчики заподозрили в связях с движением Сопротивления. Ее заключили в тюрьму и едва не расстреляли. В тюрьме

она встретила человека, который предал ее. И она его простила. Она пыталась убедить других заключенных в том, что, только простив врагов, они окажутся достойными своих павших товарищей. «Мы все молим Господа даровать нам освобождение, — говорила она им, — но Он не услышит наши мольбы до тех пор, пока мы будем преисполнены ненависти и жажды мести по отношению друг к другу».

После того как ее страна обрела независимость, Тесфагиоргис организовала центр по развитию и правам человека. Выступая на симпозиуме по межконфессиональному сотрудничеству, Абеба Тесфагиоргис сказала следующее: «Давайте избавимся от наших врагов, но при этом не будем сажать их в тюрьму или убивать, как принято у многих африканских режимов. Давайте перестанем унижать их! Вместо этого давайте попытаемся разрешить конфликтную ситуацию мирным путем!»

Между Абебой Тесфагиоргис, Рене Пан и Элиесером Сифуэнтесом есть нечто общее. Они говорят, что примером для них послужили слова и деяния Ирен Лор, французской женщины, которая после окончания Второй мировой войны смогла превозмочь в себе ненависть к немцам. Именно историю Ирен Лор рассказывала Абеба Тесфагиоргис в тюрьме своим товарищам по несчастью: «Подобно Ирен Лор, которая не могла себе представить единой и мирной Европы без Германии и немцев, мы были не в состоянии говорить о любви к своей стране и при этом отказывать в прощении нашим братьям-эритрейцам». Беседа с Ирен Лор помогла Рене Пан преодолеть собственную ненависть к красным кхмерам, позволила ей возвратиться к полноценным занятиям медитацией. Элиесер Сифуэнтес увидел однажды фильм об Ирен Лор под названием «С любовью ради завтрашнего дня», который изменил его взгляды на мир. «Для меня гватемальские военные были тем, чем для героини фильма были немцы, — говорит он. — Бог возложил на меня дело примирения военных с гражданским населением страны».

Мы считаем чем-то естественным ненависть, передающуюся от поколения к поколению. Пример этой му-

жественной француженки доказывает, что любовь при всей своей мягкости обладает свойством мужества. На людей, которые никогда не были знакомы с ней лично, ее жизнь оказывает совершенно неожиданное воздействие. Примирение, которое она проповедует, приносит свои плоды и после того, как она покинула сей мир.

В те бессонные ночи 1947 года, когда Ирен Лор во имя новой Европы вела ожесточенную борьбу с поселившейся в ее сердце ненавистью, она была далека от мысли о том, что ее пример станет источником вдохновения для тысяч других людей во всем мире.

Жизнь научила Ирен во всем руководствоваться собственной совестью и быть нетерпимой к любым проявлениям несправедливости. Она родилась в Швейцарии. Мать ее была уроженкой этой страны. Отец, итальянец, владел строительной компанией. Еще будучи ребенком, она возмущалась отношением отца к его рабочим. Очень рано она вступила в ряды партии социалистов. В годы Первой мировой войны Ирен служила медсестрой на юге Франции. После войны она вышла замуж за моряка Виктора Лора, который, будучи марксистом и атеистом, полностью разделял ее убеждения. Они имели пять собственных детей и воспитали также девятерых приемных. Как члены партии социалистов, они попытались установить дружественные отношения между разными странами и, в особенности, с Германией, вплоть до того, что принимали у себя немецких детей. Кроме того, Ирен и Виктор активно участвовали в спасении детей, ставших жертвами гражданской войны в Испании.

После того, как в годы Второй мировой войны Франция была захвачена фашистской Германией, семья Лоров оказалась вовлеченной в Движение сопротивления. Одного их сына замучили в гестапо. Наблюдая за пролетающими в небе бомбардировщиками союзников, Ирен радовалась тем разрушениям, которые они произведут на территории Германии. После войны она стала свидетелем вскрытия массового захоронения, в котором находились изувеченные тела ее прежних товарищей. В тот момент она страстно желала, чтобы вся Германия была

в одночасье стерта с лица земли. Она и не думала о прощении, она не стремилась к нему.

В 1946 году Ирен Лор большинством голосов была избрана депутатом Французского парламента от города Марсель. В то время женщины впервые получили возможность баллотироваться и голосовать в парламенте. Ирен стала исполнительным представителем партии социалистов. Тогда-то она и была приглашена принять участие в одной из конференций, состоявшихся в швейцарском центре в Ко, которая была посвящена вопросу примирения. Она приняла приглашения, руководствуясь желанием отойти на время от парижских политических кругов. Кроме того, ей хотелось обеспечить хорошим питанием своих детей, которые, как и многие другие, страдали от недоедания в те тяжелые послевоенные годы. Несмотря на присущий ей от рождения космополитизм, присутствие немцев на конференции внушило ей мысль о необходимости незамедлительного отъезда. Но размышления о возможности построения новой Европы без немцев и Германии заставили Ирен усомниться в правильности принятого ею решения. Сначала она подумала, что тот, кто пригласил на конференцию представитель немецкой нации, и понятия не имеет о пережитых ею страданиях. Затем она предположила, что можно изменить сложившуюся ситуацию, но для этого необходим духовный опыт, который разрушит воздвигнутую в ее сердце стену отчуждения и ненависти по отношению к немецкому народу.

Она вернулась в свою комнату. «Два дня и две бессонных ночи я боролась сама с собой. Я должна была осознать, что ненависть, каковы бы ни были ее причины, всегда влечет за собой лишь новые войны и противостояние».

На третий день Ирен согласилась пообедать с одной немкой. Она почти не притронулась к еде, но зато подробно рассказала о собственных чувствах и переживаниях. Свой рассказ она завершила словами: «Я говорю все это, чтобы освободиться от терзающей меня ненависти».

Некоторое время все сидели молча. Затем немка Клари́та фон Тротт, в свою очередь, поведала Ирен о пере-

житом в годы Второй мировой войны. Дело в том, что ее муж Адам был активным участником заговора 20 июля 1944 года, целью которого было свержение Гитлера. Заговор был раскрыт, заговорщики казнены, и Кларита осталась одна с двумя ребятишками на руках. «Мы, немцы, не оказали достаточного сопротивления гитлеровскому режиму, — сказала Кларита, — наше сопротивление было вялым и запоздалым. Мы принесли всему миру и самим себе неисчислимые несчастья и страдания. И я хочу покаяться в этом».

После обеда обе женщины и их переводчики провели некоторое время на террасе, созерцая спокойные воды Женевского озера. Затем Ирен (социалистка и марксистка!) предложила своей новой немецкой подруге совершить совместную молитву с надеждой обрести помощь Господа. Ирен первой начала молитву, прося у Бога избавления от ненависти с тем, чтобы сделать возможным построение новой Европы. Следом за ней и Кларита произнесла слова молитвы по-французски. Инстинктивно Ирен опустила свою руку на колено бывшего врага. «В тот момент, — говорит Ирен, — был построен новый мост через Рейн, мост, который никогда уже не будет разрушен».

Ирен Лор попросила слова на конференции. Многие знали ее историю, но мало кто мог предположить о столь радикальном изменении ее мировоззрения, происшедшем в результате как собственных размышлений, так и беседы с Кларитой фон Тротт. «Все были напуганы. Они знали о моей ненависти к немцам, но не догадывались о случившейся во мне перемене».

Обращаясь к присутствующим в зале 600 участникам конференции, среди которых были и немцы, Ирен Лор откровенно рассказала им о своих чувствах. Но затем она добавила: «Моя ненависть к немцам была столь велика, что я желала, чтобы Германия навсегда была стерта с карты Европы. Однако я осознала ошибочность занятой мною позиции. Я сожалею о собственной ненависти и хочу попросить прощения у всех присутствующих на конференции представителей немецкой нации».

После выступления Ирен Лор одна незнакомая ей немка подошла к ней и пожала ей руку. Ирен почувствовала великое облегчение, будто гора упала с ее плеч. «В тот момент я поняла, что посвящу остаток моей жизни проповеди прощения и примирения по всему миру».

Розмари Хавер, мать которой пожала руку Ирен Лор на той знаменательной конференции, спустя почти 30 лет сказала нашей героине такие слова: «Мужество, проявленное Вами в тот момент, когда Вы отдали Богу Вашу ненависть и попросили нас, немцев, о прощении, потрясло меня до глубины души. Видя, как моя мать идет, чтобы пожать Вам руку, я почувствовала себя абсолютно потерянной. Я ощутила глубокий стыд за всех моих соотечественников, которые причинили столько зла Вам и Вашей семье. Я начала осознавать, что те немцы, от рук которых пострадала и моя семья, действовали от имени всей Германии, в том числе и от моего имени».

Ирен Лор и ее муж решили посетить Германию. За 11 недель они объездили почти всю страну, выступали с речами на 200 собраниях, включая встречи, организованные в 10 из 11 законодательных органов Германии. Во время каждого выступления Ирен Лор приносила извинения присутствующим за свою ненависть. Вместе с четой Лоров в поездке принимали участие их соотечественники, родственники которых погибли в газовых камерах, равно как и представители других национальностей, которые незадолго до этого были яростными противниками Германии и немцев.

Видя страдания немцев и в особенности немецких женщин, Ирена все больше и больше убеждалась в необходимости создания нового подхода к решению вставшей перед Европой проблемы. Она обратилась к группе женщин, расчищающих завалы на берлинской мостовой, с такими словами: «Клянусь, я посвящу остаток своей жизни борьбе за то, чтобы пережитое вами никогда более не повторилось ни в одной стране мира».

По словам ее переводчика Дениз Вуд, Ирен Лор навсегда осталась верной своему решению простить немцев и, в свою очередь, просить у них прощения за былую нена-

висть ко всем без исключения представителям этой нации. Но во время поездки по Германии ей суждено было не раз подвергнуть испытанию твердость в исполнении взятой на себя миссии. Дениз вспоминает рассказ Ирен о том, как однажды из окна своей машины она внезапно увидела дорожный указатель на Дахау. «Ирен сказала мне: "Я думала, что сойду с ума ... передо мною встали лица моих товарищей по Соппротивлению, в ушах звучали их голоса. На секунду мне показалось, что, прощая наших общих врагов, я тем самым предаю своих друзей. Но затем я ощутила странное спокойствие, и голос внутри меня произнес: "Ты на верном пути... оставь страх и сомнения... продолжай начатое дело"».

О своем пребывании в Германии Ирен впоследствии писала так:

«Мне было чрезвычайно трудно решиться на поездку в эту страну. Некогда я всем сердцем желала полного уничтожения Германии. У меня есть дети и внуки. Я по убеждениям социалистка и на протяжении всей моей жизни пропагандировала идеи равенства и братства, но, тем не менее, я желала истребления всего немецкого народа. Я должна была испросить прощения за ненависть у этих людей, которым в наследство от войны остались лишь руины. Я должна была обратиться со своей просьбой к 50 тысячам женщин, которые, истощенные непосильным трудом, разбирали завалы на улицах Берлина. Я помню о тех разрушениях, которые немцы произвели как в моей стране, так и в других странах мира. Память о случившемся живет в моей душе. Но я должна была смело посмотреть в лицо гнетущей меня ненависти, которая в то время расколола на части всю Европу, и испросить за нее прощение. Моему примеру последовали многие немцы. Я нашла, что противопоставить собственной ненависти, и это в свою очередь может изменить весь ход истории человечества».

То, что позволило мужественной француженке подняться над собственными чувствами по отношению к Германии и немцам, помогло ей стать выше идеи о классовой борьбе и преодолеть предвзятое отношение к работодателям, которое возникло у нее еще в далеком

детстве и укрепилось в годы увлечения марксизмом. Происшедшая в Ирен Лор перемена была столь очевидна, что секретарь Французской партии социалистов Ги Молле пригрозил устроить ей товарищеский суд за отказ от идей классовой борьбы и готовность вступить в диалог с представителями деловой и промышленной элиты. Леон Блюм, бывший глава партии, направил Молле письмо, в котором говорилось, что в случае подобного разбирательства он лично, несмотря на болезнь, явится, чтобы защищать Ирен Лор. «И этот визит убьет меня», — писал в заключение Леон Блюм. Причиной болезни Блюма было долговременное пребывание в Освенциме, и Молле знал об этом. Поэтому все приготовления к судилищу были остановлены.

«Если бы я не изменилась, — говорила впоследствии Ирен Лор, — то, что, кроме ненависти, могла предложить я своей семье? Мои дети прониклись бы ненавистью сначала к немцам, затем к богачам, а кто же был следующим?»

В течение последующих 40 лет Ирен Лор и члены ее семьи проповедовали миротворческие взгляды по всему миру. «Избавление от ненависти было чудом, — как-то сказала Ирен, — и сотворил это чудо Господь, в которого я толком и не верила. Я обрела свободу, необходимую мне для борьбы за спасение мира. Я стремилась залечить раны прошлого. После того, как я попросила у немцев прощение за ненависть, которая некогда заставила меня желать уничтожения их страны, я, наконец, смогла направить все свои силы на борьбу за мир во всем мире».

По мнению Дениз Вуд, заслуги Ирен Лор в деле примирения имеют глубокие корни и служат важным свидетельством того, как изменилась вся ее личность. «Я всегда знала, что в основе миротворческой деятельности Ирен Лор лежали ее вера в Бога, космополитизм, любовь к людям и, в особенности, к детям, забота о будущем которых заставляла идти ее на огромные жертвы».

Джозеф Монтвилль (см. главу 1) видит в Ирен Лор пример человека, который освободился от осознания себя жертвой и связанного с этим осознанием насилия, в результате чего происходит отрицание всех традиционных

способов решения проблемы. Политическое руководство редко признает совершенные некогда несправедливости. Тем не менее ответственность за прошлое могут взять на себя отдельные представители того или иного народа, как это сделала в свое время Ирен Лор. Своим раскаянием и прощением они возвещают новый тип мышления и создают новый образ народа, который представляют. В своей книге «Психодинамика международных отношений» Джозеф Монтвилль называет происшедшую в Ирен Лор перемену «одним из ключевых событий, позволившим сломать психологический барьер во франко-германских взаимоотношениях». Он также считает деятельность Ирен Лор «одним из самых драматичных примеров великой силы прощения».

После смерти Ирен Лор в лондонской *Times* был опубликован некролог, озаглавленный так: «Героиня движения Сопrotивления, или Женщина, способная залечить раны прошлого».

Прорыв в сфере политических взаимоотношений, происшедший в 1999 году на островах Фиджи, равно как и дальнейшие шаги в сторону демократизации этого островного тихоокеанского государства, отодвинули на задний план исполненную мужества деятельность представителей индийской и местной общин, нацеленную на преодоление существующих между ними противоречий. В результате выборов, проведенных в соответствии с требованиями новой конституции, которая получила одобрение со стороны парламентариев, принадлежащих к разным политическим партиям и этническим группам, в мае 1999 года премьер-министром Фиджи стал Махендра Чаудхари, индеец по происхождению.

Двумя годами позже Фиджи после десятилетнего перерыва снова были приняты в Британское Содружество Наций. Журнал *Economist* от 22 мая 1999 года дал следующую оценку происходящего: «В течение двенадцати лет Фиджи пытались искупить позор военной диктатуры, и лишь теперь, судя по результатам всеобщих выборов, у этого островного государства появилась возможность начать новую жизнь».

В 1987 году военные, желая сохранить ключевые государственные посты за представителями коренного населения островов, свергли правительство Тимоси Бавадры, который пользовался поддержкой, в основном живущих на Фиджи индийцев. Переворот, которым руководил коренной фиджи подполковник Ситивени Рабука, способствовал дальнейшему обострению противоречий между двумя этническими группами. В настоящее время примерно 44 % населения Фиджи составляют индийцы, предки которых в качестве наемных рабочих были привезены на острова английскими колонизаторами в XIX веке. 51 % являются коренными фиджи. Вскоре после переворота около 100 тысяч высококвалифицированных специалистов и представителей деловой элиты навсегда покинули острова. Затем последовали две девальвации местной валюты, экономический спад и как результат нежелание зарубежных инвесторов вкладывать деньги в экономику островов.

В 1990 году был составлен проект новой конституции, который отвергла индийская община по причине давления со стороны коренного населения. Ее представители сочли проект недостаточно демократичным, поскольку его составители руководствовались при распределении мест в парламенте, прежде всего, этническими соображениями. В 1992 году Ситивени Рабука, прежде ратовавший за преобладание среди политической элиты коренных фиджи, изменил свою точку зрения, став сторонником участия в управлении страной представителей всех этнических групп. Это положило начало процессу построения межнациональных отношений на основе доверия и взаимопонимания. «Мы поняли, что необходимо заново установить доверие и добрые отношения как между общинами в целом, так и между политическими лидерами, их представляющими», — сказал премьер-министр Ситивени Рабука. Во время выборов 1999 года он принес индийской части населения публичные извинения за некогда проводимую им политику.

В 1997 году была подготовлена новая Конституция страны, которая предусматривала равные возможнос-

ти в занятии ключевых постов для представителей некоренного населения, что вызвало одобрение у живущих на Фиджи индийцев. Впервые в истории этого островного государства одна треть мест в парламенте была отдана кандидатам, представляющим различные национальности. «Цель настоящей Конституции — помочь членам всех общин островов ощутить себя участниками политической жизни Фиджи, почувствовать всю значимость своей гражданской деятельности». Рабука говорит о новой конституции как о «счастливом сосуществовании различных устремлений в условиях долгосрочного договора между социальными группами». По его словам, разрешение конфликтных ситуаций и поддержание мира и стабильности в рамках многонационального общества являются предварительными условиями повышения благосостояния его членов.

Важное историческое значение имеет и событие, происшедшее на Фиджи в 1997 году. Тогда индийцу по происхождению Джаю Раму Редди, являющемуся лидером парламентской оппозиции, впервые была предоставлена возможность выступить с обращением к Великому совету вождей. Назвав своих слушателей вождями «не только племени фиджи, но и всего населения островов», он сказал: «Мы хотели бы жить в стране, где дети всех рас и национальностей воспитываются в духе взаимопонимания и уважения к разным культурам, языкам и традициям». Его народ опасается стать «гражданами второго сорта». В то же самое время коренное население Фиджи боится утратить свои позиции на островах. «Нам позволили с опаской относиться к собственным возможностям. И здесь с обеих сторон были допущены ошибки. Полагаю, что многие из нас, участников этого процесса, уже осознали степень своих заблуждений. Я обращаюсь к вам сегодня и прошу вашего благословения, дабы найти лучший путь, свободный от страха, который так долго угнетал нас».

Джай Рам Редди отметил, что честный и открытый анализ собственного страха позволил ему и его соплеменникам найти необходимую точку опоры: «Мы проникли в

самые глубины народной души и узрели там свет надежды. Мы стремимся превратить политическую культуру конфронтации в культуру сотрудничества и взаимодействия».

Одним из представителей коренного населения островов, принимавших активное участие в процессе перехода от конфронтации к сотрудничеству, был Рату Мели Весикула, который 23 года прослужил в армии Великобритании. По возвращении на родину после военной службы он понял, что должен использовать полученные им за границей знания и навыки на благо своей страны и вступил в состав местного правительства. Рату Мели Весикула приветствовал события 1987 года, которые были объявлены совершенными «во имя коренного населения Фиджи», и вскоре стал главой националистического движения Таукей, девизом которого было: «Фиджи — для коренных фиджи».

«Я пропагандировал насилие, подстрекал к нему, призывая изгнать всех индийцев с наших островов», — говорит он. Весикула убедил фиджи вырыть посреди города Сувы огромную яму и развести в ней огонь, угрожая при этом индийскому населению, что поместят их в эту импровизируемую печь (коренные фиджи традиционно используют для приготовления пищи вырытые в земле ямы). Весикула стал тогда членом Совета министров временного правительства. После смещения с занимаемой должности он возглавил независимую группировку, которая пропагандировала еще более радикальные взгляды.

Лишь спустя 5 месяцев Рату Мели Весикула понял, что переворот не оправдал его ожиданий и был предпринят с целью захвата власти определенной группой лиц. Он пришел к этому заключению после 40 дней, проведенных им в посте и молитвах, в которых он неустанно просил Господа направить его на путь истинный, что, в результате, привело к преobraжению всей его личности:

«Происшедшая во мне перемена была непосредственно связана с пробуждением духа. Я осознал, что проводимое мною прежде разделение на "мы" и "они" влечет за собой распри, пагубным образом сказывающиеся на жизни всей

страны. Это основанное лишь на национальном признаке разграничение сеет в моей души предрассудки и порождает страх, ненависть и алчность. Я и мои последователи являемся не созидателями, а разрушителями благополучия на островах».

Все это заставило Весикулу иными глазами взглянуть на собственную страну и ее будущее. «Я понял, что Фиджи должны стать родиной для всех их жителей вне зависимости от их национальной принадлежности, которые все вместе образуют собой нацию, свободную от предрассудков, ненависти и розни. Всех их объединит любовь. Пытаясь примирить и сблизить живущие на Фиджи народы, впервые в жизни я впервые осознал свое предназначение в этой жизни».

Весикула начал понимать, что у Бога нет любимого народа. «Мы все его дети, абсолютно равные в его глазах. Я внял словам Господа и обрел в своем сердце новый взгляд на мир».

После того как Рату Мели Весикула принес извинения одной семье, с которой за несколько лет до этого обошелся несправедливо, ему в голову пришла внезапная мысль, подобно стреле, пронзившая все его существо. «Я понял, что должен публично извиниться за свои слова и действия перед главными представителями индийской и других национальностей, живущих на островах». Его извинения были напечатаны в периодических изданиях, выходящих на английском языке и на хинди. «Этих людей стали преследовать и сделали козлами отпущения», — говорит Весикула. В результате он сам подвергся гонениям, был арестован, провел некоторое время в тюрьме, и в конце концов был осужден и заклеен как предатель своего народа.

Новый взгляд на происходящие в стране события завладел им до такой степени, что Весикула хотел было вступить в открытое противоборство с политическим руководством страны. Но вместо этого он научился прощать. «Победа достигается прощением», — говорит он. На конференции, проходившей в Южно-Тихоокеанском университете города Сувы, Рату Мели Весикула сказал:

«Я хочу обратиться к моим братьям и сестрам из индийской общины. Я хотел бы принести извинения за те резкие слова и опрометчивые поступки, которые я позволил себе три года назад. Я прошу вас простить мне все недобрые выпады в вашу сторону».

Слова Весикулы встретили горячее одобрение среди индийцев и многие подошли к нему, чтобы пожать ему руку. Й. П. Редди, лидер южно-индийской общины, отметил: «Произошла великая перемена. Искренность этого человека не вызывает сомнений. Он, я и все мы вместе можем содействовать улучшению жизни на Фиджи».

Переворот 19 мая 2000 года, когда возглавивший его националист Джордж Спейт захватил премьер-министра страны и лидеров национальных общин, поверг в ужас как самого Рату Мели, так и всех жителей Фиджи. В конечном счете под давлением международной общественности и в результате предпринятых внутри страны усилий узники были отпущены на свободу. Президент страны объявил чрезвычайное положение. Было сформировано переходное правительство. В сентябре 2001 года в стране прошли всеобщие выборы, которые были призваны восстановить демократию. Ни одна из партий не получила тогда абсолютного большинства голосов избирателей. Ни один политический деятель, как сообщалось в сентябрьском выпуске *The Economist*, «не проявил тогда доброй воли, необходимой для успешного осуществления экспериментов по совместному управлению государством».

По мнению Рату Мели Весикулы, который был активным участником переговоров по освобождению заложников, а также всеми силами содействовал сближению представителей различных национальностей, проживающих на Фиджи, в основе настоящих проблем лежит скорее коррупция, нежели расизм. «В последнее время основной проблемой нашего государства являются не вопросы межнациональных отношений, хотя они сохраняет свою значимость и поныне, но те негативные изменения, которые не так давно произошли во взаимоотношениях между коренными фиджи, — говорит он. — Я имею в виду разрушение духовных и нравственных

устоев моего народа, которые должны быть восстановлены и доведены до того уровня, на котором они находились тридцать лет назад».

В свое время одним из лучших игроков в крикет был сэр Конрад Хант с острова Барбадос, который провел 24 матча за команду Вест-Индии и в момент мирового лидерства команды являлся ее вице-капитаном. Он убежден в том, что люди, перенесшие много тягот, больше других способны проявить себя «в деле гуманизации общества», и только готовность чернокожих действовать в данном направлении сможет помочь некоторым белым осознать необходимость в изменении подхода к представителям иных рас. «В случае нарушения взаимоотношений первый шаг к их восстановлению всегда должна сделать пострадавшая сторона», — говорит Конрад Хант. В своей автобиографии он пишет следующее: «Ненависть приносит куда больше вреда тому, кто ненавидит, нежели ее объекту, поскольку ненавидящий не способен выявить причины испытываемого им чувства. Но ненависть можно излечить. Я знаю как, ибо сам когда-то страдал ею».

Оставив спорт, он полностью посвятил себя сначала делу улучшения межрасовых взаимоотношений в Британии, а затем воспитанию нового поколения спортсменов в Южной Африке, в особенности среди представителей коренного населения и женщин, которые прежде считались неподходящими кандидатами для обучения игре в крикет. С 1992 по 1999 год Конрад Хант работал национальным тренером по подготовке кадров в Южно-Африканской ассоциации крикета. Как сообщалось в *Weekend Australian*, «Хант, несравненный отбивающий команды Вест-Индии эпохи 1950-х и 1960-х, в настоящее время передает свою любовь к Господу, человечеству и крикету юному поколению из неблагополучных районов мятежной Южно-Африканской Республики». В одной из статей австралийской *Herald Sun* говорилось о том, что участие Ханта в этой программе связано не столько с его блестящими спортивными успехами, сколько с желанием нести мир: «Одновременно достигаются две цели, и это замечательное дополнение к спортивным результатам».

Сам атлет рассказывает о двух происшедших в его жизни случаях, которые подвигли его вступить на путь прощения и миротворчества. Первый имел место в 1964 году. Тогда Хант обрел свободу, необходимую для осуществления дела его жизни. Второй, происшедший в 1977 году, укрепил его на избранном им пути. Повествуя об этих событиях, он как проповедник в миру постоянно обращается к христианским образам и религиозным метафорам.

В 1964 году, когда его команда выиграла мировое первенство, Хант ожидал, что станет капитаном команды, сменив оставившего спорт Фрэнка Уоррелла. Но этого не случилось. Хант был ошеломлен, чувствовал себя несправедливо обойденным и подумывал уйти из команды. Капитаном был назначен Гарфилд Соберс. Конрад вспомнил, как он часто критиковал своих соотечественников, которые отправлялись за границу, будучи не в состоянии найти достойной, по их мнению, работы на родине. Сможет ли он своим примером подтвердить то, что он так часто отстаивал?

«Я знал, что не смогу разрешить самостоятельно вставший передо мной вопрос. Мне нужна была мудрость больше той, которой обладал я. И тогда я спросил Господа. Ответ его был прост и ясен: "Оставайся и будь вторым в своей команде". Я согласился.

Тогда Господь сказал: "Извинись перед Соберсом за горечь, что питал к нему, когда он занял место капитана".

"О нет! Я не могу!" — сказал я. Ответа не последовало».

В течение шести недель Хант боролся с собственной совестью, пока наконец не осознал, что, несмотря на допущенную по отношению к нему несправедливость, он сам был неправ в своем негодовании, которое надолго выбило его из колеи. И Хант решил извиниться. Это произошло как раз перед серией матчей, в которых Вест-Индия выступала против Австралии. После их завершения Соберс получил приз за победу, а Ханту была вручена награда как «игроку, который как на поле, так и за его пределами всеми силами способствовал укреплению взаимоотношений между Австралией и Вест-Индией».

В 1977 году Хант вместе с группой людей из 14 человек путешествовал по ЮАР. Помимо Ханта в эту группу входил еще один чернокожий по имени Сэм Поно. Все остальные были белыми. Однажды поздно ночью они прибыли в маленький городишко, где была всего одна гостиница. На ней висела табличка «Только для белых». Руководитель группы, белый, вошел внутрь и получил от администратора, тоже белого, заверения в том, что всех членов группы, вне зависимости от цвета их кожи, приютят на ночь в гостинице. Тем не менее при входе гостей встретили два чернокожих администратора, которые, выразив свои сожаления, сказали, что Хант и Поно не могут быть поселены вместе с остальными членами группы и предложили поселить их в особом помещении.

Хант был потрясен, но сдержал свои эмоции. Будучи спортсменом международного уровня, он привык к пятизвездочным отелям. Поно, как чернокожий южноафриканец, давно привык к подобному обращению. Они устало направились в комнату для прислуги. Когда, согласно своему обыкновению, они преклонили колена для вечерней молитвы, Хант поблагодарил Господа за еще один прожитый день и за дарованный на ночь приют, каким бы он ни был. Во время молитвы он весь затрясся от ярости и не смог сдержать подступивших к его глазам слез. «Бог остановил мои рыдания. Он сказал: "Отчего ты плачешь? Разве я не говорил тебе, что во время второго посещения ЮАР ты познаешь и постигнешь всю глубину страданий слуги Господа?" Слезы мои высохли».

Мысли Ханта непрерывно возвращались к происшедшему. Днем он и его белые спутники были товарищами и соратниками в деле исцеления людских бед и страданий. Ночью же он вместе с Поно переставал быть «человеком», заслуживающим внимания и уважения. Запертая ванная. Грязный туалет. Нет электричества. Голые стены. Чистые, но рваные простыни и одеяла. «Такова жизнь бедняка. Каждый день он испытывает потрясения. И либо обращается к Господу за исцелением, либо в отчаянии отвергает свое лицо от Него. Бог предлагал мне

испытать на себе все злоключения бедных людей. На чью сторону встану я в результате подобного испытания?»

В этой комнате Ханта посетили пятеро его друзей, которые к тому времени давно уже покинули сей бренный мир. Они пришли, чтобы помочь ему с достоинством выйти из выпавшего на его долю испытания. Затем Хант увидел людей различных рас, социальных классов и цветов кожи, занимающих привилегированное положение в своих сообществах:

«Между богатыми и бедными была огромная пропасть, которую был не в силах преодолеть ни один человек. Только Иисус Христос, некогда распятый и воскресший, смог соединить мостом оба края этой зияющей бездны. Бог призвал меня встать на этот мост и протянуть свои руки по направлению к обеим сторонам. Я был рожден в бедности, но затем достиг привилегированного положения. Я часть обоих краев пропасти. Мне была предоставлена возможность обратиться к Господу, или, что то же самое, встать на путь исцеления бед и страданий человека. И я простил членов того белого правительства, решения которых едва не лишили меня самоуважения и чувства собственного достоинства. Я "заключил в свои объятия" и бедных, и богатых всех стран мира».

Хант говорит, что ни недопонимание друзей, ни насмешки врагов не смогли помешать его желанию стать миротворцем. Чисто инстинктивно он не поддержал при этом ни одной из противоборствующих сторон, ни в борьбе белых с черными, ни в противостоянии богатых и бедных. «За мной осталось право избирать, что верно в каждой ситуации».

Далее он продолжает:

«Путь к столь желанному для нас будущему преграждают незалеченные раны прошлого. Чтобы продвигаться вместе по дороге истории, нам, как представителям рода человеческого, нужно получить прощение у тех, кто пострадал от рук своих гонителей, которые, в свою очередь, должны раскаяться в содеянном. Когда сходятся воедино прощение и раскаяние, начинается новый всплеск активной созидательной деятельности, которая до этого вряд ли мыслилась возмож-

ной. Если мы желаем разрешить наши конфликты на частном, национальном и международном уровнях, если мы хотим научиться своими умелыми действиями превращать войны, то мы просто обязаны обратиться к великой силе прощения и покаяния».

Сэр Конрад Хант скончался вскоре после написания этих строк. Его похоронили с почетом за государственный счет. Похороны транслировались в прямом эфире на Барбадосе и позднее в записи были показаны на территории всей Вест-Индии. На них присутствовало полторы тысячи человек, включая местного генерал-губернатора. Премьер-министр произнес речь. Десять членов команды, прославленным игроком которой был в свое время Конрад Хант, несли гроб с его телом. В крупнейшей местной газете *The Daily Nation* появилась посвященная Ханту статья, которой было отведено 18 страниц издания. В выходящих по всему миру спортивных газетах и журналах рассказывалось как о спортивных достижениях Ханта, так и о его миротворческой деятельности. В издании *The Australian* 6 колонок текста шли под заголовком «Мир спорта оплакивает Конрада Ханта, еще одного гуманиста и социального реформатора».

Разрывая порочный круг ненависти

«Господи!

Помни не только людей доброй воли, но и тех, кто принес в сей мир зло.

Но при этом забудь обо всех страданиях, причиненных ими.

Помни лишь о благе, достигнутом через эти страдания.

Помни о сплотившем нас чувстве товарищества и верности, о смирении и мужестве, о великодушии и благородстве наших сердец, возвращенных на этих страданиях.

А когда мучители наши предстанут пред твоим судом,

Пусть все наши добродетели послужат для них оправданием и прощением».

Написано, найденная в концентрационном лагере Равенсбрюк, 1945 год.

«Ukonakala kwenuya kukulunga kwenuya» («Добрая воля родится на развалинах»).

Зулусская поговорка

Прощение не только преображает страдание, но и облагораживает его. Ненависть, ставшая любовью, по словам нидерландского философа Бенедикта Спинозы, «мо-

жет придать этой любви силу бо́льшую, чем обладала бы любовь, не существуя первоначальной ненависти». Обозреватель *Irish Times*, знакомя своих читателей с книгой «В колыбели зла», написанной Брайаном Кинэнном, испытавшим на себе все ужасы плена, говорит: «Из этого кошмара получилось нечто совершенно замечательное».

Дело здесь вовсе не в том, чтобы искать страдания, а затем, взрастив в себе ненависть, пытаться извлечь из нее выгоду, подобно тому, как один человек бился головой об стену, чтобы почувствовать величайшее облегчение и радость при прекращении этих ударов. Но кто может отвергнуть надежду, которая дается миру всякий раз, когда ненависть и страдания преобразуются в нечто благое — будь то угрызения совести, раскаяние, мужественный акт прощения или исполненное драматизма религиозное обращение? Все это вселяет веру в то, что человечество еще способно научиться действовать иными, лучшими, методами.

Один из примеров подобного преобразования — вьетнамка Ким Фук, которая в настоящее время проживает в Канаде и является послом мира и доброй воли от ЮНЕСКО. В 1972 году автору фотографии с ее изображением, Ник Хат, была присуждена Пулитцеровская премия. На этом снимке она была совсем юной девушкой, нагой убегающей из родной деревни, на которую сбросили напалмовые бомбы американцы. Эта фотография публиковалась не один раз. Она перенесла семнадцать операций, выжила, но еще бо́льшие страдания приносило ей то, что ее фотография использовалась в пропагандистских целях. Ким Фук некоторое время училась в Москве, а затем эмигрировала на Запад. Там она была назначена послом мира и доброй воли. То, как она пережила выпавшие на ее долю испытания, через многочисленные статьи и книги стало источником вдохновения для миллионов. В 1999 году вышла ее биография под названием «Девушка на снимке: история жизни Ким Фука».

Француженка Ирен Лор (см. главу 10) показала людям путь к обретению нового смысла жизни. Профессор Лозаннского университета Генри Рибен в своей книге «Ев-

ропа: дорога от войн к объединению» пишет: «Прощение смыло приставшую к ней ненависть, расчистило путь для дружбы и в конце концов побудило ее посвятить сорок лет жизни делу примирения французского и немецкого народов».

Некоторым людям удалось преодолеть вставшие перед ними препятствия и научиться говорить об этом, не испытывая ни малейшего стеснения, что порой выше всякого понимания. В особенности это касается людей, которые в качестве заложников пробыли какое-то время на Ближнем Востоке. Терри Уэйт в своей книге «Поступь памяти: размышления в одиночестве» пишет следующее: «Мое пленение было тем ужасным испытанием, которое я ни за что не согласился бы пережить вновь. Тем не менее, пусть даже вопреки собственной воле, я смог кое-что извлечь для себя из происшедшего. Я знаю, что был в состоянии перенести выпавшие на мою долю страдания и превратить их в некий созидательный элемент».

Саймон Уэстон, британский солдат, более 46 % кожи которого было сожжено в результате взрыва во время войны на Фолклендских (Мальвинских) островах, перенес уже более 70 операции и находится в ожидании новых. Его лицо и тело ужасно изуродованы, и, несмотря на это, он говорит: «Как бы чудовищно это ни прозвучало, мои ранения оказали на меня положительное воздействие. Я получил возможность так много сделать. Я испытываю удовлетворение, какого я не чувствовал никогда прежде».

По инициативе Уэстона и при его непосредственном участии были собраны и использованы на благотворительность 30 миллионов долларов. Он также является вице-президентом двух благотворительных организаций, счастливым отцом троих детей, — в общем, человеком, успешно исполняющим свое предназначение. «У меня нет времени на то, чтобы беспокоиться, что обо мне подумают другие, даже если я похожу на старую развалину», — говорит Уэстон. Самое главное для инвалида — уметь справиться со своим недугом. «Если ты тратишь свое время на горькие раздумья и поиск виноватых, то тем самым подводишь как самого себя, так и ухаживаю-

щих за тобой врачей и сестер да и всех окружающих в целом, поскольку ты ничего не даешь им взамен. Ненависть истребляет все твое существо. На нее уходит вся твоя эмоциональная энергия». Как писал автор статьи, напечатанной в лондонской *Daily Mail*, «везде, где бы ни появился Саймон Уэстон, к нему подходят незнакомые люди, желающие выразить свою поддержку; ему удалось преодолеть возрастные, идеологические и социальные барьеры и пробудить в каждом из нас наши лучшие качества».

Водитель грузовика Реджинальд Денни получил тяжелую черепно-мозговую травму во время лос-анжелесских беспорядков в апреле 1992 года, которые были вызваны вынесением оправдательного приговора в отношении шести белых полицейских, избивших чернокожего автомобилиста Родни Кинга. Тем не менее Денни в душе простил шестерых парней, которые разбили молотком об его голову кирпич. Как сообщалось в журнале *People*, «удивление вызывает не столько чудесное выздоровление этого человека, сколько полное отсутствие враждебных чувств к своим обидчикам». Далее приводились слова самого Реджинальда Денни: «В тот день я попал к ним в руки. Да простит их Бог! Он должен простить. Что до меня, то у меня нет времени, чтобы возиться с этими ребятами».

Никто не должен недооценивать той боли и страданий, как физических, так и психологических, которые влечет за собой тюремное заключение, особенно если речь идет об одиночной камере. Никто не должен недооценивать всей глубины трагедии личности и тех потерь, которые бывает невозможно восполнить. Тем не менее прощение приносит пользу и благословение тысячам людей, которые, быть может, не имеют непосредственного отношения к тем или иным актам этого благого дара человечества.

Убийство в Уоррингтоне двух английских ребяташек (см. главу 3) — трехлетнего Джонатана Бола и двенадцатилетнего Тима Пэрри, происшедшее в тот момент, когда они покупали подарки на День матери, равно как и травмы, полученные другими жертвами теракта, побудили

местных жителей выдвинуть многочисленные инициативы по примирению. По словам Коллина Пэрри, отца Тима Пэрри, именно принятое им и его супругой решение сделать все возможное, чтобы жизнь их сына не стала напрасной жертвой, помогало им жить дальше.

Уоррингтонский план мирного урегулирования стал первой из серии мирных инициатив, известной под общим названием Уоррингтонская инициатива по примирению в Ирландии (УИПИ), которая была принята при непосредственном участии родителей Тима Пэрри вскоре после осуществления боевиками ИРА взрыва на Бридж стрит. Тогда были созданы специальные группы для разъяснительной работы с местным населением, деятельность которых была направлена на создание основы для примирения и формирования дружеских взаимоотношений между народами.

План был одобрен принцем Уэльским и президентом Ирландской Республики Мэри Робинсон, которая почтила своим присутствием заупокойную службу по погибшим детям, проходившую в местной церкви. Перечисляя все случившиеся в последние годы акты насилия, она сказала: «Уоррингтон стал воплощением наших ночных кошмаров».

План является долгосрочным мероприятием, ставящим своей целью создание условий для лучшего взаимопонимания посредством участия в совместных с Ирландской Республикой и с Северной Ирландией проектах, в которые будут вовлечены даже школьники. Эти проекты будут затрагивать сферу образования, в особенности в вопросе подготовки кадров для местного управления. Кроме того, будет осуществляться обмен опытом между религиозными, культурными и спортивными группами. «Таким образом, — говорит отец Фрейлинг, — план поможет нам одержать окончательную победу над вековыми предрассудками и бесполезными стереотипами».

Стивен Кингснорт, представитель Методистской церкви в Уоррингтоне, часто приезжал в Ирландию в связи с своей деятельностью в УИПИ. Во время вселенского молебна в Дун-Лэаре он сказал следующее:

«Эннискиллен¹ измерил глубины человеческого страдания, оставив нам осиротевшую няню и безутешного отца. Точно так же и трагедия в Уоррингтоне сделала этот День матери особенным для нас. Погибли два невинных существа, и миру был явлен достойный ответ со стороны их родителей. Многие из нас лишь осознают всеобщую потребность в покаянии. Только после того как воцарится мир между братскими народами, городами, церквями Англии и Ирландии и возобладает основанное на подлинном раскаянии примирение, Северная Ирландия обретет столь необходимую ей точку опоры и приобщится к дружественной атмосфере своих ближайших соседей».

Жертвы уоррингтонской трагедии были молоды, и поэтому в вышеупомянутом плане мирного урегулирования основной упор делается на работу с молодым поколением. В Британии таким образом действует программа «Ирландия в школах», разработанная совместно с Институтом ирландских исследований. Цель ее — вызвать у английских школьников интерес и уважение к ирландской культуре. В Ирландии в рамках настоящего плана оказывается поддержка программам, способствующим росту взаимопонимания между соседними народами. Особое внимание уделяется обмену опытом между преподавателями и студентами обеих стран, равно как и сотрудничеству в деле повышения квалификации преподавательского состава. В расписание английских начальных школ даже было введено изучение ирландской системы единиц измерения.

В первые дни после взрыва в центре Уоррингтона, который был организован боевиками ИРА в марте 1993 года, хористы Уоррингтонского хора, являющегося одним из старейших и лучших хоров Великобритании, оказали помощь жертвам теракта и установили связи с действующими в Ирландии группами по мирному урегулированию конфликта. С тех пор хор дал несколько концертов в Дублине, Дроэде, Белфасте и Лондондерри в поддержку мира и примирения. Уоррингтонский хор одним из

¹ Эннискиллен — административный центр округа Фермана, Великобритания, Северная Ирландия.

первых получил в 1996 году приглашение участвовать в параде в Арма, приуроченном ко Дню св. Патрика. В 1997 году хор совместно с Дублинским ротари-клубом и Ирландским институтом мира организовал «Рождественский концерт мира» в Национальном концертном зале города Дублина. На этом концерте выступил Юношеский хор мира, в который вошли 260 детей с Севера и Юга, принадлежащих и к католической, и к протестантской ветвям христианской церкви. Эти дети стали знаком надежды на восторжествование мира и гармонии. По инициативе и при непосредственном участии Уоррингтонского хора в 1994 году был организован Уоррингтонский фонд, средства которого идут на поддержание взаимодействия между двумя общинами. Особое внимание уделяется вовлечению в эту деятельность молодежи Западного Белфаста, где наиболее сильны межрелигиозные и межэтнические противоречия. В декабре 1998 года хор организовал Рождественский вечер для жителей Ома — еще одного городка, пострадавшего от взрыва заложенной террористами бомбы. Концерт, на котором присутствовали как жертвы теракта в Ома, так и гражданские лидеры из Ома и Уоррингтона, вел Терри Уэйт.

Во вторую годовщину уоррингтонской трагедии в этом английском городке впервые был организован фестиваль ирландской культуры или, как его называют сами ирландцы, *fleadph*, проведение которого стало с тех пор доброй традицией. С совместной инициативой по его организации выступили тогда архиепископ Дублина и Уоррингтонский хор. В поддержку проведения фестиваля высказались родители Тима Пэрри, а также премьер-министры Великобритании и Ирландии. Фестиваль был организован при непосредственном участии активистов программы «Бридж» (англ. «мост». — *Прим. пер.*), получившей свое имя от Бридж-стрит и занимающейся, главным образом, вопросами культурного обмена. «Бридж» старается вовлечь в свою деятельность все общество. К примеру, организует во время фестиваля проживание англичан в ирландских семьях, а ирландцев — в английских, тем самым способствуя росту взаимопонимания между двумя соседними народами.

Уоррингтонский городской центр духовенства, в который входят представители пяти вероисповеданий города, выступил инициатором проведения цикла богослужений, на которых поминовение жертв этой трагедии будет сопровождаться работой по укреплению взаимопонимания. Стивен Кингснорт пишет следующее: «Наша задача как представителей уоррингтонского духовенства — побудить как участников мирного процесса, так и тех, кто держится в стороне от него, прислушаться к новым идеям, прислушаться к людям, чьи взгляды пока что нам чужды. Если и наступит примирение, то путь его будет пролегать через взаимопонимание. Жителям пострадавшего Уоррингтона предоставлена уникальная возможность выслушать своих оппонентов и при этом избежать обвинений в предательстве. Мы можем слушать и при этом не быть справедливо заподозрены в сочувствии "прореспубликанцам" или "пролоялистам"». В 1999 году отца Стивена Кингснорта пригласили выступить с речью в Лондондерри на митинге, посвященному годовщине Кровавого воскресенья. Вот слова из его тогдашнего выступления: «В результате уоррингтонской трагедии, которая была отдельным, но от этого не менее разрушительным по своему воздействию событием, появилось несколько человек, решивших, что случившееся не должно слишком сильно привязывать нас к нашей истории. Трагедия на Бридж-стрит должна стать тем мостом, который предоставит нам возможность ближе узнать историю других».

Каждый год в день годовщины трагедии попеременно в Англии и Ирландии проходит марш мира. Во время первой такой акции ее участников приветствовали 2 тысячи собравшиеся на службу в церкви св. Михаила в Дун-Лэаре в Ирландской Республике. В 1997 году была открыта пешеходная улица *River of Life* («Река жизни»), на церемонии открытия которой матери двух погибших детей выпустили в небо голубей, символизирующих собой мир. В 1999 году «Уоррингтонский мир—93» стал одной из многих общественных организаций города, которая, наряду с частными лицами, оказала активную поддержку в

сборе более 1 миллиона фунтов стерлингов на устройство Юношеского центра мира и примирения имени Тима Пэрри и Джонатана Бола. Осуществлению этого проекта в немалой степени способствовали Национальная служба по защите прав детей (NSPCC) и Уоррингтонский молодежный клуб.

Подводя итог происшедших в городе событий, Кингснорт пишет следующее:

«Бомба нашла своих жертв. Ими стали двое ребяташек, покупающих подарки для своих матерей, которые жили в родном городе и не подозревали о том, что их хоть в какой-то мере может затронуть так называемая проблема Северной Ирландии. Трагедия породила единое во всей Ирландской Республике настроение, результатом которого стало посещение городка президентом и премьер-министрами. Уоррингтонский городской центр духовенства получил возможность оправдать возлагаемые на него ожидания, проведя необходимые обряды и выполнив свою миссию в обществе. Особенно большой вклад в это дело внесла Методистская церковь. Немалую пользу извлекли для себя и средства массовой информации, поскольку Уоррингтон смог адекватно отразить происходящее, поскольку он проявил активность, пошел на риск и стал достоянием истории. И так будет продолжаться до тех пор, пока проблема англо-ирландских отношений будет стоять перед Британией. Готовность к сближению и примирению самым очевидным образом берет свою основу в христианской традиции».

Архиепископ Дублина Дональд Кэрд на одном из проходивших в центре города совместных богослужений сказал, что Уоррингтон стал олицетворением добра и милосердия, проявленного в ответ на происки сил зла. Коллин Пэрри разделяет эту точку зрения: «Уоррингтон показал всей Ирландии пример достойного поведения перед лицом происшедшей трагедии». Заместитель лорда-мэра Белфаста Алисдэр Макдоннелл сказал: «Величайшим благом явилось для них то, что они сделали столько для мира. Им удалось преодолеть гнетущие их ненависть, отчаяние и противостояние и на их месте заложить фундамент для дружбы, братства и мира».

Бельгийский учитель, чья двадцатитрехлетняя дочь Анна была убита своим возлюбленным, также встал перед проблемой прощения. Лу Реймен учредил организацию по поддержке родственников жертв убийств и принял активное участие в реформе судебной системы своей страны.

Как только до Лу Реймена дошла весть об убийстве дочери, он вспомнил свою встречу двадцатилетней давности с одной ирландкой, которая желала познакомиться с убийцами собственного сына. И еще он вспомнил встречу с другой женщиной, серьезно пострадавшей в автомобильной катастрофе и не искавшей виноватых в том, что с ней произошло. «Каким-то образом эти женщины подготовили меня к перенесению выпавшего на мою долю испытания», — говорит он.

Не прошло и двух дней со смерти их дочери, как родители Анны прониклись уверенностью в том, что им необходимо увидеться с родителями ее убийцы. «Мы хотели испытать силу нашей веры на практике», — говорит Лу Реймен. Одно дело молиться, ходить в церковь, читать Библию — все это просто. «Но в тот ужасный момент мне пришлось спросить себя самого, что я как верующий человек должен был сделать».

Когда тело его дочери еще не было предано земле, а молодой человек уже находился в тюрьме, Реймен попытался через местного священника передать семье убийцы, что он и его жена готовы встретиться с ними, если они того пожелают. Двумя часами позже в доме Рейменов раздался звонок. Это пришли родители убийцы. Мать Анны обняла мать молодого человека. Женщины начали утешать друг друга. «Как же стало возможно, что мы смогли посетить ваш дом?» — удивлялась мать молодого человека. Две супружеские пары совершили совместную молитву за своих детей. По словам Реймена, принятое им и его женой решение избавило их «от чувства ненависти и желания отомстить».

Эта инициатива не была вызвана никакой особой свойственной только им добродетелью, она стала проявлением милосердия, которое оградило их от принятия

иного решения. «Это не свойство моего характера, — говорит Лу Реймен, — иногда мне приходится бороться с овладевающей мною жадой мести. Если я болен, то все окружающие стараются помочь мне обрести здоровье, но если душа моя заражена ненавистью, то никого не заботит мое выздоровление. Напротив, каждый норovit задеть меня словами: "На твоём месте я бы убил его"».

В интервью одному французскому журналу Лу Реймен рассказал о пережитых им испытаниях, которые, в конце концов, побудили его стать учредителем организации по поддержке родителей, лишившихся своих детей. «Иногда родители испытывают потребность в общении, но не всегда у них есть возможности для этого», — говорит он. Все началось с четырех супружеских пар, дети которых стали жертвами убийц. Эти пары встречались раз в месяц за совместной трапезой: «За обеденным столом людям легче говорить о таких вещах, о которых они предпочитают молчать в любой другой обстановке». С тех пор в ассоциацию «Родители детей, ставших жертвами убийц» обратились 60 супружеских пар, половина которых превратились в ее постоянных членов.

Лу Реймен и его жена полагают, что их история поможет и другим людям, оказавшимся в подобной ситуации. Один водитель грузовика, у которого убили дочь, услышав о пережитых четой Реймен испытаниях, сказал: «Если у них хватило мужества увидеться с родителями убийцы их ребенка, то и я не имею ни малейшего права помышлять об убийстве человека, принесшего мне столько горя».

Бельгийский учитель также решил тогда написать книгу, которая будет содержать в себе не только описания подобных происшествий, но и чисто практические рекомендации по решению часто возникающих в таких ситуациях материальных и юридических трудностей, а также адреса организаций, в которых можно получить более подробную информацию по тому или иному вопросу. Благодаря содействию, оказанному спонсорами, к числу которых относились члены парламентской Комиссии по юстиции, министр юстиции и сотрудники его министерства, а также представители судов, эта книга, озаглавлен-

ная «Жизнь с тенью» и вышедшая на французском и голландском языках, стала бесплатно распространяться. В скором времени книга стала учебным пособием для полицейских, а председатель Судебной палаты рекомендовал ее юристам для широкого пользования.

По словам профессора криминологии из Университета в Лувье, Реймен надеялся, что его книга и опыт помогут добиться правильного функционирования судебного законодательства. Кроме того, книга Реймена является верным оружием в борьбе против ненависти в мировом масштабе.

Благодаря деятельности ассоциации, равно как и широкому распространению книги Реймена, в каждом суде теперь есть социальный работник, который берет на себя общение с родителями жертв убийства и служит своего рода связующим звеном между ними и судьями. Семьи пострадавших имеют теперь право доступа к материалам расследования, могут увидеть своего ребенка до того, как его тело начнет разлагаться. Кроме того были внесены некоторые изменения в правила, которыми руководствуются государственные и муниципальные полицейские подразделения при расследовании преступлений, связанных с убийством детей.

Незадолго до преступления дочь Реймена пять раз обращалась в полицию с просьбой о помощи, но каждый раз она получала один и тот же ответ: «Мы не можем ничего сделать до тех пор, пока что-нибудь не случится». Сам Реймен за 12 часов до убийства умолял королевского прокурора (должность, соответствующую американскому окружному прокурору) вмешаться в происходящее. Теперь, по словам Реймена, полиция сильно продвинулась в деле предотвращения преступлений. Их также научили тому, как общаться с семьями пострадавших. Через 6 часов после убийства в дом бельгийского учителя пришли двое полицейских, которые в своих замечаниях проявили полнейшую бесчувственность к горю, постигшему Реймена и членов его семьи.

Реймену советовали не встречаться с убийцей, но он хотел поговорить с ним. «Ведь именно таким путем, на-

пример, народы бывшей Югославии смогли не только простить друг друга, но и объединиться вновь ради служения общей цели».

В 1999 году Реймен написал следующие слова: «Наша жизнь разделилась на две части — "До убийства Анны" и "После убийства Анны". Это случилось почти 11 лет назад. Но, кажется, будто это было вчера. По моим щекам не текут больше слезы, но боль не ослабевает». Прощение по-прежнему остается для него самым трудным делом в жизни и в вере. В течение многих лет он не мог заставить себя произнести слова молитвы: «Прости нам наши прегрешения, как мы прощаем тех, кто прегрешил против нас». Для некоторых это так же просто, как сказать «Доброе утро», в то время как от других эти слова требуют нечеловеческих усилий. Однажды кто-то сказал нашему герою, что личные переживания укрепляют в человеке чувства единства и сострадания. Хотя воспоминания о пережитом несчастье по-прежнему болезненно воспринимаются Рейменом, тем не менее он говорит: «Пожалуй, я могу сказать, что чувствую благодарность за выпавшие на мою долю испытания».

Старое лимонное дерево, растущее в саду одного из домов Рамлы, городка к востоку от Тель-Авива (Израиль), является одновременно символом и боли, и исцеления. Дом и прилегающий к нему сад некогда принадлежали палестинской семье. Во время Арабо-израильской войны 1948 года обитатели дома были изгнаны из городка. Дом передали семье прибывших в Израиль иммигрантов. В настоящее время дом является местом проведения в жизнь «Проекта открытого дома», в соответствии с которым здесь разрабатываются и осуществляются образовательные программы, ориентированные на членов арабской общины города, а также проводятся совместные встречи живущих в Рамле арабов и евреев.

Даля Ландау, которая вместе с мужем Йехецкем и сыном Рафаэлем живет в настоящее время в Иерусалиме, в 1948 году была еще ребенком привезена в Израиль из Болгарии. Она и ее родители были в числе 50 тысяч болгарских евреев, которые решили стать гражданами вновь

образованного Государства Израиль. Семья поселилась в большом каменном доме в Рамле, который до этого принадлежал арабской семье. Она полюбила тот дом с просторными комнатами, огромными окнами и лимонным деревом в саду, которое каждый год нагибалось низко над землей под тяжестью выращавших на нем плодов. «Пока я росла, в моей голове не возникало и мысли о прошлом этого дома», — признается Далия.

Однажды утром 1967 года в дверь дома Далии, которой к тому моменту исполнилось 19 лет, постучал 26-летний палестинец Башир аль-Кхаири и сказал, что дом некогда принадлежал его семье. Далия пригласила его войти. Тогда впервые ей пришла в голову мысль о судьбе прежних владельцев дома.

Она приняла приглашение Башира посетить его семью в Рамаллахе и была приятно поражена их гостеприимством. Их политические взгляды заметно расходились, ибо каждый смотрел на события через призму пережитых его народом страданий. Но это было только началом сближения. После первого визита Башира Далия поняла, что дом перестал быть просто ее домом, а лимонное дерево, ежегодно радующее изобилием плодов, принадлежит не только ей, но и другим людям.

Однажды ее дом посетил отец Башира, старый и слепой человек. Этот день стал незабываемым для Далии. Старик ощупал руками шероховатые камни, из которых был сложен дом, и спросил, растет ли во дворе лимонное дерево. Когда его подвели к дереву, которое он некогда сам посадил, отец Башира стал гладить его ствол руками, и по его лицу заструились тихие слезы. Многие годы спустя, уже после смерти старика, его жена рассказала Далии о том, что всякий раз, когда ее мужа мучила бесоница, он расхаживал по своей рамаллахской квартире, сжимая в руке высохший лимон, который подарил ему отец Далии в тот его приезд в Рамлу.

Знакомство с неизвестными ей страницами истории собственной страны проходило мучительно для Далии. Ее в свое время заставили, к примеру, поверить в то, что арабское население Рамлы трусливо оставило свои жи-

лица перед приходом израильской армии в 1948 году. Но тут она обнаружила, что этих людей насильно изгнали из города. Удобное объяснение, говорит Далия, поскольку избавляет захватчиков от чувства вины и угрызений совести. «Я не перестану от этого любить свою страну, но любовь моя утратит прежнюю чистоту».

Баширу было 6 лет, когда его семью вынудили покинуть родной дом и поселиться в Газе. Однажды он нашел на улице предмет, который принял за игрушку. Взрывом Баширу оторвало четыре пальца на руке. Этот инцидент, возможно, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения и заставившей его вступить на путь горечи и отщепенства. В 1969 году Башир был брошен в тюрьму по обвинению в подготовке взрыва, жертвами которого стали несколько мирных граждан. Пятнадцать лет провел он в израильских застенках. По пути на работу Далии случалось часто проходить мимо городской тюрьмы, но у нее не доставало мужества узнать, там ли находится Башир. Все это было слишком больно.

В 1985 году после смерти отца Далия унаследовала дом в Рамле. Она и ее муж Йехецкель решили превратить этот дом «в место исцеления былых обид». Они желали сделать это вместе с Баширом, который к тому времени уже отбыл назначенный ему срок наказания. Разыскав Башира, они предложили продать дом и отдать вырученные деньги его семье. Это вовсе не означало, что вся подобного рода собственность должна отойти к своим прежним владельцам. Таким образом лишь признавался факт перенесенных страданий. «Мне не нужны деньги, — сказал Башир, — я хотел бы, чтобы этот дом был превращен в детский сад для живущих в городе арабских детей, так чтобы они могли наслаждаться детством, которого я был лишен».

Это было трудно осуществить по политическим соображениям. Однако жена Башира Шехерезада сказала: «В отношении дома мы что-нибудь придумаем. Куда важнее поддерживать хорошие отношения с Далией».

После того как в конце 1987 года началась интифада («восстание»), израильские власти арестовали наиболее

опасных, на их взгляд, палестинцев, среди которых оказался и Башир. Тогда же он был выслан в Южный Ливан. Накануне этого события Далия написала «Письмо изгнаннику», которое было опубликовано в *Jerusalem Post* от 14 января 1988 года. Письмо представляло собой трогательное описание встреч Башира и Далии и призывало его проявить новые, лучшие, качества, чтобы «стать примером лидера, который не прибегает в борьбе за свои права к насилию и достаточно развит для того, чтобы признать наличие некоторой доли справедливости и в притязаниях врагов».

Она пыталась донести как до израильтян, так и до палестинцев мысль о том, что насилие принципиально не способно разрешить конфликт. Это была война, в которой не могло быть победителей. Оба народа должны были либо достичь освобождения, либо остаться навсегда в сетях своих предрассудков. Другой альтернативы не существовало. Свое послание Далия завершала следующими словами:

«Наши детские воспоминания, твои и мои, переплелись самым тесным образом. Если мы не найдем способа превратить ту трагедию в общее для нас с тобой благословение, то привязанность к прошлому разрушит твое и мое будущее. Мы украдем у последующих поколений их детство и ради нечестивого дела обречем их на тяжкие страдания. Я молюсь о том, чтобы с твоей поддержкой и с Божьей помощью наши дети могли радоваться красоте и щедрости этой святой земли. *Allah ma'ak* — "Да пребудет с тобой Господь!"».

«Письмо изгнаннику» было мужественным актом со стороны Далии. Письма, пришедшие в редакцию газеты в ответ на публикацию, за исключением лишь одного, одобряли поступок этой женщины. Правда, один из друзей Далии после ее обращения на некоторое время прекратил с ней всякое общение.

Башир, который является членом Народного фронта освобождения Палестины, организации милитаристского толка, жил до своего состоявшегося в 1996 году возвращения в Рамлу, в Аммане. Он опубликовал книгу, в которой рассказывается об истории его дома. Далия критически

относится к его взглядам, зная, что он никогда не отрицал своего участия в террористическом акте, за которое был приговорен к тюремному заключению. Она уважает его любовь к родной стране, но не может одобрить избранного им способа действий. Она видит в нем человека, способного к состраданию, и надеется на то, что однажды зародившееся в них чувство взаимопонимания и уважения друг к другу позволит обрести им общую судьбу.

В апреле 1991 года, в соответствии с высказанным ранее пожеланием Башира, дом в Рамле обрел свой настоящий статус. При нем был открыт единственный в Рамле детский сад для палестинских детей с обучением на арабском языке и первый арабо-еврейский центр культурного обмена. Первым крупным проектом, предназначенным для представителей как арабской, так и еврейской общин города, стала организация летнего лагеря мира для 40 детей. Впоследствии появилось более сотни таких лагерей.

Исполнительный директор «Открытого дома» Майкл Фанус, араб, принявший христианство и выросший в Рамле, был первым представителем своего народа, ставшим членом муниципального совета города. Йехецкель заведует административно-хозяйственной частью центра и отвечает за его финансирование и фондовые поступления. Поддержку «Открытому дому» оказывают многие зарубежные организации, в том числе и Всемирный совет церквей. Джордж Кэри, архиепископ Кентерберийский одобрил деятельность центра, отметив, что история семей Ландау и аль-Кхаири и связывающая их дружба «знаменует собой надежду на лучшее будущее». Его чрезвычайно тронули рассказы о тех мусульманах, евреях и христианах, которые полностью посвятили себя «практическому осуществлению миротворчества». «Страдания в том регионе не прекратятся до тех пор, пока не произойдет честного раздела земли. А это требует срочного вмешательства политиков. Но для установления мира необходим также смелый и творческий подход со стороны отдельных индивидуумов, желающих во что бы то ни стало создать новое общество».

Старое лимонное дерево давно уже засохло, но, несмотря на это, сестры Башира Нуа и Ханом вместе с семьей Ландау и Майклом Фанусом посадили в январе 1995 года новое оливковое дерево. Это произошло в тот день, когда и по мусульманскому, и по еврейскому календарю отмечается праздник деревьев. Сестры Башира сделали в гостевой книге «Открытого дома» следующую запись: «Мы с нетерпением ждем того времени, когда дети обоих народов будут вместе радоваться плодам любви и мира».

Другим не менее драматичным примером благотворного воздействия прощения стала реакция родителей Эми Биль на убийство их дочери, происшедшее в 1993 году в ЮАР. Ничто не в силах облегчить горе родителей, лишившихся любимой дочери, бессмысленная смерть которой разом прервала все подаваемые этим юным существом надежды. Но это прощение, столь удачно запечатленное на фотографии, где Питер и Линда Биль обнимают родителей убийц их дочери, явилось истинным благословением для тысяч южно-африканцев. Как писала хьюстонская *Chronicle*, они пытались «превратить трагедию смерти Эми в торжество ее жизни».

Родители Эми учредили в честь их погибшей дочери фонд. К 2000 году этой организацией было разработано 30 программ, которые охватывали самые разнообразные сферы, начиная от развития системы внеклассного образования и кончая содействием распространению гольфа в ЮАР, с тем чтобы сделать этот вид спорта доступным для всех жителей этой страны вне зависимости от их расовой и социальной принадлежности. В феврале 2000 года в первую годовщину убийства Эми Биль в Гугулето, где имело место это трагическое событие, активистами фонда были проведены шествие и пробежка в ее память.

Эми Биль приехала в Южно-Африканскую Республику по стипендии Фулбрайта и была прикреплена к Кейптаунскому университету. Целью ее приезда была поддержка борьбы чернокожего большинства этого африканского государства за свободу. Ранее она работала вместе с располагающимся в Вашингтоне (федеральный округ Колумбия) Национальным демократическим институтом

международных отношений. Там она подала заявление на поступление в аспирантуру по специальности «Политические науки», в котором проявила особый интерес к исследованию участия женщин в происходящих в ЮАР переменах. 25 августа 1993 года, за день до отъезда из ЮАР, Эми, желая подвезти домой своих африканских друзей, очутилась в толпе чернокожих южно-африканцев, скандирующих расистские лозунги. Несмотря на попытки друзей защитить ее и убедить, что она — «своя», толпа увидела в Эми лишь белую девушку и забила ее насмерть. Так Эми Биль стала одной из многих тысяч жертв беспорядков, предшествовавших политическим выборам 1994 года.

Известие о смерти дочери Питеру и Линде Биль сообщили по телефону. Как писал корреспондент *Los Angeles Times*, «боль семьи Билей не вылилась в гнев. Напротив, снизошедшая в их сердца благодать помогла укротить даже убийц их дочери».

Питер говорит, что во многих отношениях они были подготовлены к происшедшему. Линда вспоминает о непрерывном потоке посетителей и телефонных звонков, равно как и о собственных размышлениях над словами Христа: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают». На протяжении многих лет они водили своих детей в воскресную школу, а также вели занятия по этике. И хотя они никогда не занимались серьезным изучением Библии, тем не менее они сознавали, что в постигшем их семью несчастье вряд ли можно найти другие, более подходящие, слова.

Сама Эми неоднократно говорила им, что все злодеяния, совершаемые чернокожей молодежью, являются лишь слабым отражением тех несправедливостей, которые на протяжении поколений причиняли их предкам белые угнетатели. Питер и Линда вспоминают, как Эми поделилась с ними одним своим наблюдением. Она заметила, что, когда умирали чернокожие, указывалось только общее число умерших, в то время как каждому погибшему представителю европеоидной расы был посвящен подробный некролог «с указанием имени, семьи, до-

машних животных и всего», чем обладал или прославился умерший при жизни.

«У нас не возникло и тени сомнения относительно того, как поступить, — писал Питер Биль в *Reflections*, ежеквартальном журнале Калифорнийского государственного университета. — Это было время смирения и прощения».

Четыре юных убийцы Эми были привлечены к суду и приговорены к тюремному заключению. Затем они подали прошение о помиловании в соответствии с условиями, выдвинутыми Комиссией по справедливости и примирению (см. главу 4). Эми была глубоко убеждена в важности проведения демократических выборов и еще за четыре года до трагедии говорила своим родителям о том, что создание подобной комиссии является предварительным условием свободы на выборах. Поэтому Питер и Линда заранее заявили, что не будут препятствовать амнистированию убийц собственной дочери. «Мы уверены в том, что Эми согласилась бы с принятым нами решением». В обращении к *Sape Times* письме, которое было отправлено за два месяца до собственной гибели, Эми Биль говорила: «Как расизм был болью и черных, и белых, так же и примирение не может пройти безболезненно для представителей обеих рас. Тем не менее самым эффективным средством борьбы с этой болью является в настоящее время честный и открытый обмен мнениями между конфликтующими сторонами». Чета Билей желала протянуть руку помощи людям, живущим в обществе, в котором вот уже на протяжении многих десятилетий продолжалось ожесточенное противостояние. Они также хотели отдать дань уважения взглядам собственной дочери, которая разделяла мечту Нельсона Манделы о «многоцветной нации», мечту о прощении и примирении.

Семья Билей привлекла самое пристальное внимание южно-африканских средств массовой информации, которые буквально засыпали их вопросами: «Неужели вы не чувствуете гнева и раздражения? Так вы говорите, что были готовы простить убийц собственной доче-

ри?» Питера и Линду очень удивила реакция журналистов. «Что странного в том, что это произошло в стране, где примирение и прощение объявлены национальной политикой, которая уходит глубокими корнями в африканскую традицию?» — спрашивает Питер Биль.

Увидев на заседании суда убийц своей дочери, ни Линда, ни Питер не чувствовали гнева, и лишь где-то глубоко внутри были печаль и пустота. Они встретились с родителями этих молодых людей. «Мы хотели показать, что отчасти понимаем их чувства и в случае амнистии ожидаем проявления ответственности с их стороны. Ответственность — неотъемлемая часть прощения», — говорит Питер Биль.

На одной из присутствующих на заседании матерей была футболка с символикой фонда Эми Биль. Линда крепко обняла ее. Этот жест архиепископ Туту сравнил с «электрическим зарядом, внезапно пробегающим по телу человека». Год спустя сын этой женщины в тюремной мастерской изготовил для Линды модель корабля. В интервью Тони Фримантлу из хьюстонской *Chronicle* Линда Биль сказала, что не испытывает ненависти и враждебности к этим людям. Поэтому ей не пришлось прощать их. «Я лишь хочу, чтобы Южно-Африканская Республика продолжала идти в избранном ею направлении. Эми умерла ради лучшего будущего для этой страны. Поэтому движение вперед ни в коем случае не должно быть остановлено».

По словам Питера, прощение открывает для него дорогу к полноценной и деятельной жизни. Прощение освобождает. Ненависть же напрасно расточает силы человека, лишает его полноты бытия. Ненависть, в конце концов, — это эгоизм в чистом виде.

На заседании суда Питер Биль произнес речь, посвященную деятельности его дочери Эми в ЮАР. Свое выступление он закончил предложением оказать стране помощь в области начального, общего и специального образования: «Мы, члены Фонда Эми Биль, должны делать все от нас зависящее. Все, что нужно, — это обратиться к нам». Его предложение нашло широкий отклик.

В настоящее время семья Билей полгода проводят в ЮАР. Их жизнь теперь тесно связана с этой страной.

В интервью южно-африканскому ежемесячнику *Woman* Линда Биль сказала: «Потеряв ребенка, вы не знаете, что делать. Вас охватывает отчаяние, и жизнь, кажется, теряет всякий смысл. Но встречи с людьми, равно как и письма, полученные нами, не позволили нам долго упиваться этим чувством. Эми показала нам путь к тем сферам деятельности, к которым, казалось, у нас прежде не было ни склонности, ни интереса. Когда случается нечто подобное, вы не можете более тратить силы на пустяки, у вас появляется цель в жизни».

Питер, в свою очередь, написал в журнале, издаваемом Калифорнийским университетом, следующие строчки: «Хотя мы и скорбим о нашей утрате, тем не менее прощение даровало нам свободу. Мы можем почтить память нашей дочери, мы в силах остаться верными ее убеждениям и, наконец, мы способны сделать то, что она не успела». Чету Билей часто спрашивают о том, не может ли процесс об амнистии побудить их к завершению их миссии. «Мы никогда не стремились этого сделать и не имеем ни малейшего желания оставить дело нашей дочери».

Одной из наиболее интересных программ фонда является создание сети пекарен, продукция которых распространяется местными жителями. Они получают с каждого проданного батона по 25 центов, а остальная часть выручки идет на финансирование программ по превращению насилия. Название торговой марки — «Хлеб от Эми — хлеб надежды и примирения». На обертке каждого батона содержится напоминание об опасности СПИДа и указан телефон «горячей линии», по которому можно получить необходимую информацию. «Мы рассматриваем батон хлеба как средство передачи информации», — говорит Питер Биль. В 2000 году булочная подверглась нападению вооруженных людей в масках. Тогда же был украден список сотрудников строительной компании, также учрежденной фондом. Двое убийц Эми, которые в настоящее время являются сотрудниками фонда, незамедлительно предложили свои услуги по охране предприятия.

Несмотря на возникающие время от времени трудности, ничто не может повлиять на то чувство ответственности, которое чета Билей испытывает по отношению к делу собственной дочери и к этой стране. Питер и Линда по-прежнему ежегодно проводят по шесть месяцев в ЮАР.

В феврале 2000 года, через десять лет после окончания гражданской войны в Ливане, за время которой было убито 70 тысяч и пропало без вести 17 тысяч человек, во многих газетах Бейрута было опубликовано необычное письмо. В нем Ассаад Чафтари, высокопоставленный офицер христианского народного ополчения, приносил извинения за свои действия, совершенные им во имя христианства в ту войну. На протяжении всех 10 лет, прошедших со времени окончания военных действий, он хотел принести извинения, но ему не доставало мужества. «На всех нас лежит бремя ответственности, — писал он в своем обращении, — и на тех, кто взял в руки оружие, и на тех, кто отдавал приказания, и даже на тех мирных гражданах, которые выражали одобрение происходящему». По словам Чарльза Сеннотта (Sennott), автора статьи в *Boston Globe*, Чафтари «ошеломил весь Ливан своим заявлением, необычайно искренним и простым».

Несколькими месяцами позже, выступая перед людьми разных национальностей, собравшимися на Конференции по примирению в швейцарском городе Кокс, Чафтари повторил извинения. Он вкратце рассказал присутствующим о своих прежних убеждениях. Раньше он видел в мусульманах реальную опасность. Да, они были его братьями, но вера заставляла их обращать свои взоры на арабский Восток, в то время как для самого Чафтари ориентиром всегда служил Запад. Поэтому мусульмане воспринимались им как предатели. Во время войны он участвовал в обстрелах мусульманских районов, а также считал себя вправе выносить приговоры всем, кто поддерживал отношения с последователями враждебной конфессии. При этом его совсем не мучили угрызения совести. «Каждую неделю я совершал множество злодеяний, а после этого в воскресенье мог спокойно пойти в церковь, ощущая полную гармонию с Богом и самим со-

бой». Однако ближе к концу войны он познакомился с группой своих сограждан, занимавшихся организацией мероприятий, на которых имел место свободный обмен мнениями между христианами и мусульманами. За прошедшее с тех пор время ему удалось больше узнать о мечтах и надеждах, о горе и обидах своих сограждан. В марте 2000 года он совершил молитву в одной из мечетей Каира. «Тогда впервые я почувствовал, что наши молитвы обращены к одному и тому же Богу, — говорит Чафтари, — и я стыжусь моего прошлого. Я знаю, что не могу изменить его, но при этом я в состоянии взять на себя ответственность за будущее моей страны».

В то время как публика стоя приветствовала выступление Ассаада Чафтари, к трибуне подошел еще один ливанец — Хизхам Шихаб, который, сжав оратора в объятиях, громко произнес: «Я мусульманин. Когда-то я тоже стрелял в своих же сограждан, находящихся по ту сторону "зеленой линии". Я хочу принять извинения этого человека и принести ему свои. Со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы помочь ему». С самого юного возраста, занимаясь стрельбой, Шихаб все время слышал одни и те же слова: «Представь, что перед тобой христианин». Шихаб принимал участие в обстрелах христианских районов и массовых убийствах христиан. Но совесть подсказывала ему, что политические соображения не могут служить оправданием для кровопролития. «Я дал торжественное обещание идти рука об руку вместе с Чафтари», — говорит Шихаб.

В 2001 году на той же самой трибуне мэра Бейрута Мухиэддин Шехаб принес извинения за жестокости, совершенные им как лидером мусульманского народного ополчения за годы гражданской войны. «На свете нет ничего опаснее человека, который испытывает страх за свою жизнь или принадлежащее ему имущество, — говорит он, — самозащита легко может перерасти в жажду мести и убийства. Злые силы побудили меня и людей, мне подобных, взять в руки оружие».

Вслед за Мухиэддином Шехабом на трибуну поднялась Джослин Кхоири, социальный работник. Во время вой-

ны она возглавляла христианский женский корпус, сражавшийся на другой стороне баррикад. Она также рассказала о происшедшей в ней перемене.

Теперь эти люди, которых некогда религия развела по разные стороны конфликта, стали друзьями. В настоящее время они совместно работают над проектами сближения и примирения. Чафтари до сих пор беспокоит будущее его страны, но в происходящем он видит некие проблески надежды. Он говорит: «Трудно просить о прощении и еще труднее прощать, но оба этих акта являются необходимым условием преобразования любого общества».

Не всем нам дано пройти через боль и насилие, подобные тем, что испытали герои этой книги. Но всех нас когда-нибудь посещали чувства обиды, разочарования и вытекающий отсюда разлад во взаимоотношениях с другими людьми. И, безусловно, все мы способны просить о прощении, равно как и сами даровать его. Поверьте, ваши усилия, предпринятые в данном направлении, будут вознаграждены.

Эдвард Петерс из Оксфорда, где он как сотрудник некоммерческой организации работает в сфере молодежного образования, однажды раздосадованный некорректным поведением своих друзей, ответил им тем же. Осознав свое заблуждение, он поспешил принести им извинения, результатом чего стало восстановление добрых взаимоотношений. «Словно тяжелый груз упал тогда с моих плеч, — говорит он, — я заново обрел внутреннюю свободу, позволил божественной благодати сойти в мое сердце и устранить все, что служило помехой в моей прежней жизни».

В скором времени он обнаружил, что еще один его друг затаил на него обиду за поступок пятнадцатилетней давности. «Это открытие опечалило меня, и я принес свои извинения. Тем не менее подобный случай еще раз напомнил мне о том, как легко стать заложником прошлого, взвалив на себя груз старых обид. Вместо того, чтобы нести это бремя с собой в новое тысячелетие, не лучше ли провести кампанию по избавлению от него раз и навсегда?»

Эта простая мысль и проистекающая из нее свобода позволили осуществить кампанию по избавлению от старых обид, которая была одобрена двухпартийным национальным комитетом и вызвала отклик у многих тысяч людей. «Если каждый из нас сделает всего один шаг в данном направлении, — сказал во время одного из своих выступлений Эдвард Петерс, — то он самым неожиданным для себя образом сможет внести свой вклад в жизнь нового тысячелетия». Петерс призвал всех людей, желающих принять участие в кампании, уже в 1999 году начать процесс избавления от старых обид. При этом каждый, руководствуясь собственной совестью, должен был спросить себя, что лично он может сделать, и отказаться от поисков виноватых среди других людей.

Прощение, или, если угодно, покаяние, ставит нелегкую задачу перед каждым из нас, заставляя отказаться от старого багажа. При этом мы должны оставить соображения «за» и «против», а также размышления о выгоде и целесообразности. Все, что нам нужно, — это спокойно подумать о возможности в настоящее время большого или малого продвижения по направлению к прощению и примирению.

Мы всегда должны помнить мудрые слова Филиппа Янси (Yancey): «На свете есть всего лишь одна вещь труднее прощения — и ею является выбор».

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

- Accattoli, Luigi. *When a Pope Asks Forgiveness*. Boston: Pauline Books and Media, 1998.
- Aikman, David. *Great Souls*. Nashville: Word, 1998.
- Anderson, Terry. «Out of Prison». *For a Change* 12.1:23.
- Arnold, Johann Christoph. *Seventy Times Seven*. Farmington, PA: The Plough, 1997.
- Arnold, Johann Christoph. *Seeking Peace*. Farmington, PA: The Plough, 1998.
- Bonhoeffer, Dietrich. *Letters and Papers from Prison*. London: SCM, 1953.
- Chong, Denise. *The Girl in the Picture*. New York: Viking Penguin, 1998.
- Delany, Sarah, and A. Elizabeth Delany. *Having Our Say*. New York: Kodansha International, 1993.
- Dowrick, Stephanie. *Forgiveness and Other Acts of Love*. New York: W. W. Norton, 1997.
- Enright, Robert, and Joanna North, eds. *Exploring Forgiveness*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Estes, Jack. *A Field of Innocence*. New York: Warner, 1990.
- Evers-Williams, Myrlie. *Watch Me Fly*. Boston: Little, Brown, 1999.
- Frayling, Nicholas. *Pardon and Peace*. London: SPCK, 1996.
- Frost, Brian. *The Politics of Peace*. London: Darton, Longman and Todd, 1991.
- Frost, Brian. *Struggling to Forgive*. London: Harper Collins, 1998.
- Gandhi, Rajmohan. *Eight Lives*. Albany, NY: SUNY, 1986.
- Gates of Repentance*. New York: Central Conference of American Rabbis, 1978.
- Healey, Thomas S. *The Two Deaths of George Wallace*. Montgomery, AL: Black Belt, 1996.
- Henderson, Michael. *All Her Paths Are Peace*. Hartford, CT: Kumarian, 1994.
- Henderson, Michael. *The Forgiveness Factor*. London and Salem, OR: Grosvenor, 1996.

- Hunte, Conrad. *Playing to Win*. Bombay: Himmat, 1973.
- Intergroup Relations in the United States*. New York: NCCJ, 1999.
- Ignatieff, Michael. *The Warrior's Honor*. New York: Metropolitan, 1997.
- Jenco, Lawrence. *Bound to Forgive*. Notre Dame, IN: Ave Maria Press, 1995.
- Johnston, Douglas, and Cynthia Sampson, eds. *Religion, the Missing Dimension of Statecraft*. New York: Oxford University Press, 1994.
- Keenan, Brian. *An Evil Cradling*. New York: Viking, 1993.
- Lester, John, and Pierre Spoerri. *Rediscovering Freedom*. London: Grosvenor, 1992.
- Levin, Sis. *Beirut Diary*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 1989.
- Lomax, Eric. *The Railway Man: A POW's Searing Account of Brutality, and Forgiveness*. New York: W.W. Norton, 1995.
- Mandela, Nelson. *Long Walk to Freedom*. Boston: Little, Brown, 1994.
- Matkovic-Vlasic, Ljiljana. "A Cry from Croatia". *For a Change* 12.1:23.
- Minow, Martha. *Between Vengeance and Forgiveness*. Boston: Beacon, 1998.
- Nussbaum, Barbara. *Making a Difference*. Florida Hills, South Africa: Vivlia, 1997.
- Nunneley, John, ed. *Tales from the Burma Campaign*. Petersham, Surrey: BCFG, 1998.
- Perkins, Spencer, and Chris Rice. *More than Equals*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 1993.
- Piguet, Jacqueline. *For the Love of Tomorrow*. London: Grosvenor, 1986.
- Reymen, Lou. *Vivre avec une ombre*. Anvers, Belgium: Éditions Standard, 1994.
- Rieben, Henri. *Des guerres européennes à l'union de l'Europe*. Lausanne: Centre de Recherches Européennes, 1987.
- Shriver, Donald W., Jr. *An Ethic for Enemies*. New York: Oxford University Press, 1995.
- Smedes, Lewis B. *The Art of Forgiving*. New York: Ballantine, 1996.
- Smith, Huston. *The World's Religions*. San Francisco: Harper, 1991.
- Thwaites, Michael. *The Honey Man*. Canberra: Trendsetting, 1993.
- Tucker, Margaret. *If Everyone Cared*. Melbourne: Grosvenor, 1983.
- Van der Post, Laurens. *Yet Being Someone Other*. New York: Morrow, 1983.
- Van der Post, Laurens. *The Night of the New Moon*. New York, 1971.
- Verwoerd, Wilhelm. *My Winds of Change*. Randburg, South Africa: Ravan, 1997.
- Vrane, Andrija. Address, International Interreligious Seminar, House of Novi Nazaret, Banja Luka, Croatia, 1998.

- Waite, Terry. *Footfalls in Memory*. New York: Doubleday, 1997.
- Wells, Ronald A. *People behind the Peace*. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1999.
- Woods, Donald. *Biko*. New York: Paddington, 1978.
- Worthington, Everett L., Jr. *Dimensions of Forgiveness*. Radnor, PA: Templeton Foundation, 1998.
- Yancey, Philip. *What's So Amazing About Grace*. Grand Rapids: Zondervan, 1997.

А Л Ф А В И Т Н Ы Й У К А З А Т Е Л Ь

- Аборигены 57
Австралия 57
Адамс (Adams), Брэди 119
Айдид (Aideed), генерал 161
Айкман (Aikman), Дэвид 182
Акихито, император 167
Аккаттоли (Accattoli),
Луиджи 49
Акт о гражданских
свободах 140
Алжир 53
Аль-Азхари (al-Azhari),
Юсуф Омар 32, 192
Аль-Кхаири (al-Khayri),
Башир 237
Американцы японского
происхождения 139
Андерсон, Марианна 121
Андерсон, Терри 187
Апартеид 79, 218
Аргентина 47, 154
Арендт (Arendt), Ханнах 115
Атланта
(штат Джорджия) 127
Африканеры 80—81
Африканский
экспедиционный
корпус 146
Афро-американцы 41, 119
Бамбер (Bamber),
Хелина 176
Барр (Barr), Глен 103
Барре, Сиад 193
Батальон маори 144
Бенитес (Benitez),
Орасио 155
Бенцин (Benzien),
Джеффри 90
Бизли (Beazley), Ким 60
Бико (Biko), Стив 90
Биль (Biehl), Эми 241
Биль, Питер и Линда 241
Бирманская железная
дорога 170
Блэр, Тони 103, 113, 116
Блюм (Blum), Леон 212
Бонд (Bond), Джон 73
Бонхеффер (Bonhoeffer),
Дитрих 38
Браун (Brown), Ричард 135
Буддизм 178, 205
Бухман (Buchman), Фрэнк 35
Ван Дер Пост (van der Post),
Лоренс 144, 180, 182
Ведега (Wedega), Элис 27
Великобритания 47, 107
Винер (Viner), Ян 61
Военнопленные 47, 167, 197
Война во Вьетнаме 161
Война за Фолклендские
(Мальвинские)
острова 47, 154
Вторая мировая война 102,
143, 159, 187, 207

- Второй путь дипломатии 43
Вуд (Wood), Дениз 210
Вудне (Wudne), Маммо 158
Вундла (Vundla), Филипп 95
Вудс (Woods), Дональд 84
Высокий Медведь
(High Bear), Роуз 122
Ганди (Gandhi),
Раджмохан 32
Гватемала 204
Геноцид 66
Германия 207
Гласс (Glass), Чарльз 102
Гленкрийский центр
примирения 105
Гражданская война
(США) 127
Годстоун (Goldstone),
Ричард 92
Голландская реформатская
церковь 86
Гопин (Gopin), Марк 34
Гордли (Gordly), Абель 123
Грант (Grant), Лаел 173
Грэм (Graham), Билли 29
Гэйл (Gale), Эйвис 70
Далай-Лама 31
Денисон (Dennison),
Лес 170
Денни (Denny),
Реджинальд 227
День прощения 72
Джеркура (Djerrkura),
Гатжил 73
Джорджия, шт. (США) 127
Дженко (Jenco),
Лоренце 189
Джонкер (Jonker), Вилли 86
Дзэнский орден
миротворцев 164
Дилэни (Delany),
Сара Л. 117
Дин (Deane), Вильям 57
Доврик (Dowrick),
Стефания 179
Додсон (Dodson), Мик 64, 69
Додсон (Dodson), Патрик 61
Дуйган (Duigan), Энтони 97
Дэнил (Daneel), Джордж 94
Дьювер (Dewar), Дэвид 99
Елизавета II, королева 27,
79, 106
Игнатъефф (Ignatieff),
Михаил 45
Израиль, см. также
Палестина 236
Иисус Христос 115, 150, 189
Индуизм 32
Инквизиция 49
Инуье (Inouye),
Даниэль 140
Иоанн Павел II,
папа Римский 48, 50, 60
Ирландия 47, 102, 228
Ирландская
республиканская
армия 105
Ислам 32
Истес (Estes), Джек 162
Италия 47
Камбоджа 205
Кампания по избавлению
от старых обид 249
Каниберти (Cuniberti),
Бетти 139
Картер (Carter), Джо 134
Картер Маргарет 120
Кастильо (Castillo),
Сьюзан 122

- Каунда (Kaunda), Кеннет 30
Кендал (Kendall), Кэрол 72
Кибл (Keeble), Крис 156
Ким Дай-Джунг
(Kim Dae-jung) 48
Кинг, Мартин Лютер 204
Кингснорт (Kingsnorth),
Стивен 228, 331
Кинэн (Keenan),
Брайан 186, 225
Кислинг (Keisling), Фил 123
Китинг (Keating), Пол 62
Китсхэбер (Kitzhaber),
Джон 119
Клинтон (Clinton),
Уильям 47
Клифф (Cliff), Берни 123
Кларенс (Clarence),
Нэвил 91
Коалиция чернокожих
американцев 123
Колонизация 58
Комиссия по установлению
справедливости
и примирения 16
Коренное население
Америки 46, 51, 122
Коримелла 105
Кровавое воскресенье 47, 104
Ку-клукс-клан 121
Кэванах (Kavanagh),
Тревор 172
Кэрд (Caird), Дональд 232
Кэри (Carey), Джордж 240
Кэри (Carey), Дональд 113
Лайуэллин (Liewellyn),
Морган 111
Ландау (Landau), Даля 236
Лаос 99
Левин (Levin), Джерри 185
Левин (Levin), Сис 186
Ливерпуль, Англия 107
Лин (Lean), Гарт 36
Лифог (Liefoghe), Жан 102
Ломакс (Lomax), Эрик 174
Лор (Laure), Ирен 206—213,
225
Льюис (Lewis), Энтони 79
Макализ (McAleese),
Мэри 102
Макартур (MacArthur),
Дуглас 143
Маккалеп (McCalet),
Джордж 138
Маккаллоу (David
McCullough), Дэвид 42
Макклин, П. Д. 39
Макнамара (McNamara),
Кевин 116
Мандела (Mandela),
Нельсон 46, 78, 182
Манне (Manne), Роберт 66
Маткович-Власик
(Matkovich-Vlasic),
Лилиана 55—56
Матсуи (Matsui),
Роберт Т. 140
Матсунага (Matsunaga),
Спарк 140
Маунтбаттен (Mountbatten),
Эрл 107
Махуад (Mahuad),
Джамил 47
Медицинский фонд
помощи жертвам
пыток 176
Международный трибунал
ООН по уголовным
преступлениям 92
Мексика 41

- Менгисту Хайле
 Мариам 160
 Менем (Menem),
 Карлос 154
 Мессина, Бельгия 101
 Минета (Mineta),
 Норман Й. 140
 Митчелл (Mitchell),
 Джордж 116
 Митчелл (Mitchell),
 Кларенсе IV 127
 Могоба (Mogoba),
 Стэнли 87, 184—185
 Монтвиль (Montville),
 Джозеф 42—45
 Мусульмано-христианские
 конфликты 53
 Мэнсон (Manson), Мэтт 36
 Надежда городов 126
 Народно-освободительная
 армия Азании 91
 Национальная
 конференция
 по единению
 и справедливости 129
 Нишида (Nishida),
 Сусуму 174
 Нкомо (Nkomo), Вильям 92
 Новая Зеландия 144
 Нравственное
 переворужение 35
 Нунан (Noonan), Пегги 29
 Нунели (Nunneley),
 Джон 172
 Нусбаум (Nussbaum),
 Барбара 100
 Нэдже (Nagae), Пегги 122
 Обучи (Obuchi), Кейдзо 48
 Объединенная церковь
 Канады 46
 Общество примирения
 св. Колумбана 105
 О'Донахью (O'Donoghue),
 Луиза «Лоуития» 70
 О'Каллаган (O'Callaghan),
 Колин 162
 Ома, Северная
 Ирландия 104
 Орегон 117—126
 Освенцим 150
 О'Файх (O'Fiaich),
 Томас 106
 Палестина 45, 236
 Палестинский институт
 богословия освобождения
 в Иерусалиме 114
 Пан (Pan), Рене 205
 Папуа Новая Гвинея 27
 Парсонс (Parsons), Тони 172
 Перкинс, Спенсер 141
 Перкинс (Peters),
 Эдвард 249
 Перу 47
 Петерсон (Petterson),
 Эдвин 120
 Пэрри (Parry), Колин
 и Уэнди 226
 Проект открытого дома 236
 Пунтленд 197
 Поход исцеления 72
 Пэттерсон (Patterson),
 Сэди 101
 Паттисон (Pattison),
 Симус 104
 Рабство 47, 51, 133
 Рабука (Rabuka),
 Ситивени 214
 Радок (Ruddock),
 Филипп 71
 Райс (Rice), Крис 141

- Рамла, Израиль 236
Рандера (Rundera),
Фейзл 78
Расизм 117
Расмуссен (Rasmussen),
Анитра 126
Рату Мели Весикула
(Vesikula) 216
Ратушинская
(Ratushinskaya),
Ирина 183, 184
Редди (Reddy),
Джай Рам 215
Редди (Reddy), Й. П. 218
Реймен (Reumen), Лу 233
Рибен (Reiben), Генри 225
Римско-католическая
церковь 47, 48
Ричмонд, шт. Вирджиния 126
Роач (Roach), Арчи 70
Робесон (Robeson), Пол 121
Робинсон (Robinson),
Мэри 112, 114, 228
Родители детей, ставших
жертвами убийц 223
Роуэн (Rowan), Карл Т. 138
Рузвельт, Франклин Д. 140
Руффин (Ruffin), Ричард 132
Святой Франциск 108
Северная Ирландия 47
Сенегал 51
Сиквепере (Sikwepere),
Лукас 91
Сирах 190
Сифуэнтес (Cifuentes),
Элизесер 204
Скотт (Scott), Эвелина 71
Смедес (Smedes), Льюис 28
Смит (Smith),
Андреас Витам 89
Смит (Smith), Майкл 157
Смит (Smith), Хастон 31
Совет по примирению
с коренными народами 61
Соглашение Страстной
пятницы 47, 104
Сомали 160, 192
Союз Орегона 120
Столкновения между
футбольными
болельщиками 107
Союз южных баптистов 137
Спайсер (Spicer), Ян 61
Сэвейдж (Savage), Бет 91
Такаши (Takashi), Нарасе 175
Такер (Tucker), Маргарет 62
Таннен (Tannen), Дебора 46
Твайтес (Thwaites),
Майкл 77
Тен Бум (Ten Boom),
Корри 184
Тереза, мать 36—38
Тесфагиоргис
(Tesfagiorgis), Абеба 205
Товарищество ветеранов
Бирманской
компании 168
Томас (Thomas), Клод 164
Торнбер (Thornburgh),
Дик 139
Тримбл (Trimble), Дэвид 104
Труман, Гарри 42
Туту (Tutu), Дезмонд 79
Убийство 233
Уилсон (Wilson),
Гордон 106, 107
Украденные поколения 57
Уоррингтон, Англия 107, 227
Уоррингтонская
инициатива

- по примирению
в Ирландии 228
- Уэйт (Waite), Терри 185, 226
- Уэстон (Weston),
Саймон 226
- Файфер (Fifer), Димити 69
- Фанус (Fanous), Майкл 240
- Фервуд (Vefwoerd),
Вильгельм 81
- Фервуд (Vefwoerd),
Мелани 84
- Фервуда (Vefwoerd), Х. Ф. 81
- Феррейра (Ferreira),
Нико 95
- Фиджи 213
- Филип (Philip),
Джон Вудворд 143
- Филлипс (Phillips),
Карил 41
- Фиона (Fiona) 59
- Флаг Конфедерации 127
- Фонд павших бойцов 163
- Форбс (Forbes), Эшли 90
- Форум ирландского
согласия 115
- Фрезер (Fraser),
Малькольм 72
- Фрейлинг (Frayling),
Николас 101, 228
- Фрост (Frost), Гари 138
- Фрост (Frost),
Брайан 31, 80, 100
- Фук (Phuc), Ким 225
- Фухимори (Fujimori),
Альберто 47
- Хан (Khan),
Абдул Гаффар 21
- Хана (Khan),
Лиакват Али 33
- Хант (Hunte), Конрад 219
- Харт (Harte), Пэдди 103
- Хасана (Salate Hassan),
Абдулкасима Салат 197
- Хасимото (Hashimoto),
Рютаро 172
- Хейзель, Бельгия 107
- Хиракубо (Hirakubo),
Масао 168
- Хиросима 171
- Хирохито, император 181
- Ховельсен (Hovelsen),
Лиф 189
- Хоги (Haughey), Чарльз 105
- Холмс (Holmes), Кейко 174
- Холокост, см. также Вторая
мировая война 47, 49
- Хорватия 23
- Хуата (Huata), Ви Те Тау 144
- Хьюм (Hume), Джон 104
- Хэннон (Hannon),
Брайан 106
- Хэтфилд (Hatfield),
Марк О. 120
- Центр примирения
Mountain House 35
- Центр христианского
возрождения 105
- Чабаку (Chabaku),
Мотлалепула 97
- Чантараси (Chantharasy),
Тианетон и Вьенгксай 151
- Чапультепекское
сражение 41
- Чаргос (Chargois),
Пейдж 127
- Чаудхари (Chaudhary),
Махендра 213
- Чафтари (Chaftari),
Ассаад 247—249
- Черчилль, Уинстон 40

- Чэннер (Channer),
Ричард 168
- Шехаб (Shehab),
Мухизддин 247
- Шихаб (Shihab), Хизхам 247
- Шпоерри (Spoerri),
Фульфия 145
- Шрайвер (Shriver),
Дональд 29, 30
- Штепан (Stepan), Ольгерд
и Анеля 147—151
- Штутгерхайм 98
- Эверс-Уильямс (Evers-
Williams), Мирли 39, 122
- Эгаль (Egal),
Ахмет Хассен 160
- Эквадор 47
- Эннискелен,
Северная Ирландия 105
- Эритрея 158, 205
- Это (Eto), Маморо 139
- Эфиопия 47, 158, 160
- Юбилей 114
- ЮАР 47, 221
- Южная Корея 47
- Юсуф (Yusuf),
Абдуллахи 196
- Янси (Yansey), Филипп 166
- Япония 47, 167

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Майкл Хендерсон — английский журналист и ведущий теле- и радиопрограмм. С 1979 по 2000 год жил в Портленде (шт. Орегон), где вел несколько собственных программ на телевидении, а также подготовил более тысячи радиорепортажей. Занимал пост президента Портлендского англоязычного объединения и Орегонского совета по международным делам.

Хендерсон работал в тридцати странах мира, где лично познакомился со многими людьми и ситуациями, описанными на страницах настоящей книги. Вот уже более пятидесяти лет имя Хендерсона ассоциируется с деятельностью всемирного движения за позитивные изменения и примирение, известного под названием «Инициативы перемен» (ранее — «Моральное перевооружение»).

Майкл Хендерсон также является членом Королевского института по международным делам, Сообщества писателей, Западного союза писателей и Института журналистики, который уже на протяжении многих лет он представляет в Лондонском окружном комитете.

«Прощение: разрывая порочный круг ненависти» стала восьмой книгой писателя.

Майкл Хендерсон

Прощение: РАЗРЫВАЯ ОКОВЫ НЕНАВИСТИ.

«Трудно переоценить огромную роль прощения в жизни человеческого общества. Без прощения нет примирения, нет мира. Недаром оно занимает столь видное место в христианском, мусульманском и других вероучениях. В нашу эпоху ядерного оружия и других средств массового истребления людей следование принципу: «Око за око, зуб за зуб» – это верный путь к конечному самоуничтожению человечества. На конкретных примерах Майкл Хендерсон показывает, как прощение помогает разрушить кажущиеся непреодолимые барьеры ненависти и мести, разделяющие страны, народы и отдельных людей, и добиться их примирения. Читатели найдут в его книге много полезного и для России, возрождение которой как великой евразийской державы невозможно без общенационального примирения».

Юрий Павлов, преподаватель кафедры политических наук Орегонского государственного университета, США, и бывший советский посол в Коста-Рике и Чили

«Создатель называет себя Гаффар, что значит «Многопрощающий». Призыв к прощению в высшей степени актуален в нашем сегодняшнем истерзанном ненавистью и жаждой мести мире. Книга Майкла Хендерсона напоминает о завещанных нам Господом терпению, прощению и снисходительности. Вера автора в пропагандируемые им принципы, равно как и изящность изложения, не оставит равнодушным даже самого взыскательного читателя».

Заки Бадави, председатель Совета имамов и мечетей Великобритании

«Убедительное и красноречивое свидетельство важности роли, которую играет прощение в жизни человека, общества, в отношениях между народами. Эта замечательная книга буквально преображает читателя».

Архиепископ Десмонд Туту, лауреат Нобелевской премии мира, автор книги *No Future Without Forgiveness*

«После событий 11 сентября 2001 года книга Майкла Хендерсона должна быть включена в список обязательных для чтения книг. В ней он открывает нам путь к миру».

Том Хартман и раввин Марк Гельман, ведущие программы *The God Squad* (ABC TV)

«Дух прощения, живущий в людях, оказался сильнее и жизнеспособнее, чем это можно было бы себе представить. Дух прощения не может примириться со злом, но и не во власти зла уничтожить силу прощения».

Раджмохан Ганди (из предисловия)

«Прощение» Майкла Хендерсона – замечательная книга, лучшая из всего, что мне доводилось читать на эту тему. Ее автору удалось собрать удивительный материал, который наглядно подтверждает особую значимость феномена прощения в наше время».

Льюис Смедес, автор книг *The Art of Forgiving* и *Forgive and Forget*

